

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2016 * № 3 (9)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2016 * № 3 (9)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредители – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова

Переводчики
В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-59020 от 18.08.2014 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследования в области коммуникативистики.

Задача журнала – укрепление связей между научными центрами России и зарубежья, формирование новых направлений коммуникативных исследований, привлечение молодых ученых к данной проблематике.

К публикации принимаются статьи на русском и английском языках

Контактная информация
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>.

Подписано в печать 15.12.2016.
Ризографическая печать.
Формат 60×84 1/8.
Заказ 177. Тираж 45 экз.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State University,

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova

Interpreters
V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate
ПИ №ФС77-59020 of 18.08.2014
Given by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

ISSN 2413-6182

“Communication Studies” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of communication science.

The objective of this journal is to strengthen relations between Russian and foreign scientific centers, form new communicative research areas, involve young scientists in this research activity.

The Journal publishes articles in Russian and English

Address
55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>.

Signed to print 15.12.2016.
Risograph printing.
Format 60×84 1/8.
Order 177. Circulation of 45 copies

Published by Dostoevsky Omsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

Part I. SPECIFIC FEATURES OF SPEECH COMMUNICATION AT DIFFERENT LANGUAGE LEVELS

<i>Верховцева Т.А.</i> Функционирование конструкции (...) как это (...) в устной спонтанной речи..... 11	<i>Verkhovtceva T.A.</i> Constructoin (...) kak eto (...): functioning in oral spontaneous speech..... 11
<i>Зайдес К.Д.</i> Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке..... 19	<i>Zaides K.D.</i> Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners 19
<i>Попова Т.И.</i> Сложные прагматемы-репликаты в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения..... 36	<i>Popova T.I.</i> Complex pragmateme-replikates in spoken Russian: problems of description and options of solution 36
<i>Савченко Д.С.</i> Вроде ничего хорошего, а хорошо! Противительные обороты с частицами в устной речи..... 48	<i>Savchenko D.S.</i> It's like there's nothing good, but there is! Adversative constructions with particles in colloquial speech..... 48
<i>Чэн Чэнь.</i> О способах «выхода» говорящего из хезитационной заминки: on-line и off-line коррекция в русской речи носителей китайского языка..... 55	<i>Cheng Chen.</i> On the “ways” to bypass a hesitation stammer: on-line and off-line correction in Russian speech of Chinese native speakers 55

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Агеева Ю.В.</i> Вербализация позитивного отношения как речевая тактика соискателя вакансии..... 69	<i>Ageeva Yu.V.</i> Verbalisation of a positive attitude as speech tactics of a job applicant..... 69
<i>Малькевич А.А.</i> Новые подходы успешных американских политиков к работе с медиа в современных условиях (на примере Барака Обамы и Дональда Трампа)..... 81	<i>Malkevich A.A.</i> New approaches of successful American politicians to work with media in modern conditions (based on the example of Barack Obama and Donald Trump)..... 81

Раздел III. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Part III. ACTUAL DIRECTIONS IN THE FICTION AND POETRY TEXTS RESEARCH

<i>Ван Синьи, Цзен Лифу, Маркасова Е.В.</i> Речевое доминирование в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: русско-китайские соответствия..... 93	<i>Wang Xinyi, Zeng Lifu, Markasova E.V.</i> Speech dominance in the comedy of A.S. Griboedov “Woe from wit”: correlations in Russian and Chinese..... 93
<i>Зайцева И.П.</i> Автор в драматургии и прозе с позиций коммуникативной стилистики художественного текста..... 102	<i>Zaitseva I.P.</i> Author in drama and prose from the standpoint of the communicative stylistics of a literary text..... 102
<i>Сюэ Яо.</i> Особенности описания студентов как представителей «четвертого сословия» (на материале повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники»)..... 115	<i>Xue Yao.</i> Features of the description of students as the representatives of “the fourth class” (on the example of the novel “Classmates” by P.D. Boborykin)..... 115

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Палашевская И.В.</i> Рецензия на монографию Е.Н. Горбачевой «Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры».....125	<i>Palashevskaya I.V.</i> Review on the E.N. Gorbacheva's monograph "Discursive performativity: features, types, genres" 125
<i>Петрова Л.А.</i> Рецензия на книгу «Жизнь – Слово – Вселенная: памяти Людмилы Ефимовны Бессоновой».....129	<i>Petrova L.A.</i> Review on the book "Life – The Word – The Universe: dedicated to the memory of Ludmila Efimovna Bessonova" 129
<i>Орлова Н.В.</i> Хроника IV Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке»134	<i>Orlova N.V.</i> Chronicle of the 4th international scientific and practical conference of Total dictation "Dynamic processes in the contemporary Russian language" 134
<i>Харламова М.А.</i> Хроника VII международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира» (5–9 мая 2016 г.)139	<i>Kharlamova M.A.</i> Chronicle of the VII International Scientific Conference "Russian language in the linguistic and cultural space of Europe and the world" (May 5–9, 2016) 139
Информация для авторов143	Information for authors 143

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА**

*Приглашенный редактор
доктор филологических наук,
профессор Н.В. Богданова-Бегларян*

ОТ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Устная коммуникация – это наше повседневное общение, это та речь, которой мы ежедневно пользуемся и которая – и как *процесс*, и как *продукт*, результат этого процесса, и как *поведение говорящих* – не слишком часто становилась предметом научного исследования, хотя представляет, несомненно, большое поле деятельности для лингвистов самых разных специальностей.

Именно русская устная спонтанная речь стала объектом внимания авторов тех статей, что вошли в первый раздел журнала. Этих авторов объединяет не только тот факт, что все они являются моими учениками – бакалаврами, магистрантами, аспирантами, – но и то, что источником материала для своих исследований они выбрали созданный на нашем факультете *Звуковой корпус русского языка*, задействовав при этом оба его модуля: подкорпус повседневной речи «Один речевой день» (ОРД), собранный по уникальной методике суточного мониторинга, и подкорпус монологической речи – Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ), построенный по специально разработанной методике сбора данных, предполагающей строгий набор экспериментальных процедур (социолингвистическая, психолингвистическая и собственно лингвистическая балансировка материала и состава информантов и проч.).

В работах молодых исследователей рассматриваются достаточно интересные процессы, которые свойственны нашей повседневной речи. Это те процессы, которые создают вполне ощутимую специфику устной разговорной речи и в результате которых часто рождаются новые единицы и язык – попросту развивается. Это, несомненно, эволюционные процессы.

Так, наблюдается в нашей речи процесс *прагматикализации*, в результате которого языковые единицы часто утрачивают (или ослабляют) свое лексическое и/или грамматическое значение, но зато приобретают прагматическое (функцию) и переходят в разряд специфических речевых единиц языка – *прагматем*. Одной из таких единиц – конструкции-коллокации *КАК ЭТО*, выполняющей в спонтанной речи чаще всего функцию вербального хезитатива, – посвящена статья **Т.А. Верховцевой**.

А в результате процесса *грамматикализации* в нашей речи появляются новые грамматические единицы – союзы и предлоги, которые тоже явно ждут своего исследования и фиксации в каком-нибудь словаре современной русской повседневной речи. Именно такая новая грамматическая единица – фактически не описанный в литературе составной сочинительный союз *ВРОДЕ..., А...* – представлена в работе **Д.С. Савченко**.

Редупликация как активный процесс устной речи рассматривается в статье **Т.И. Поповой**: на материале таких единиц, как *ТУДА-СЮДА, ТО-СЁ, ТАМ-СЯМ* и под., автор решает вопрос о лексическом статусе этих сложных прагматем, которые не только часто теряют в речи свою цельность, допуская вставки в свою структуру как служебных, так и знаменательных слов, но и распространяют порой свойство редупликации на весь контекст, в котором употребляются.

Метакоммуникация как еще один процесс устной речи рассматривается в статье **К.Д. Зайдес**. Описывая монологические тексты разного жанра (чтение, пересказ, описание изображения и рассказ) в исполнении носителей как русского, так и других языков (американского английского, китайского, голландского и французского), автор выявляет и систематизирует все виды метакоммуникативных вставок, свидетельствующих, в частности, о специфике работы механизма порождения речи на родном и неродном языке или усвоения второго языка.

Объектом внимания в статье **Чэнь Чэн** стала *хезитация* как неотъемлемое свойство устной спонтанной речи. Анализируя русскую монологическую речь китайцев, автор выявляет разные типы (*on-line* и *off-line*) *самокоррекции* как одного из возможных «выходов» говорящего из хезитационной заминки (точки сбоя). Подобные процессы – и хезитация, и самокоррекция в случае обнаружения речевой ошибки – можно считать универсальными, свойственными любой устной речи, независимо от того, является ли используемый язык родным (материнским) для говорящего индивида или вторым, изучаемым.

Собранные в настоящем разделе статьи – лишь небольшая часть тех разноаспектных исследований, которые проводятся на филологическом факультете СПбГУ на материале Звукового корпуса русского языка. Нет сомнения, что они позволят читателю чуть пристальнее вслушаться в нашу устную речь и, может быть, услышать в ней то, что обычно ускользает от внимания как говорящего, так и слушающего, но создает, однако, тот «языковой шум», который Р. Барт назвал «гулом языка», соотнося его с гулом «исправно работающей машины», с шелестом листвы, журчанием источников, шумом ветра – одним словом, с «трепетом Природы» – и призывая вслушиваться в этот гул, «вопрошая трепещущий в нем смысл» (Барт Р. Гул языка. 1989).

Н.В. Богданова-Бегларян,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Раздел I

**СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА**

Part I

**SPECIFIC FEATURES
OF SPEECH COMMUNICATION
AT DIFFERENT LANGUAGE LEVELS**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТРУКЦИИ (...) КАК ЭТО (...) В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Т.А. Верховцева

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: В настоящее время в коллоквиалистике особый интерес для изучения представляют условно-речевые единицы, к которым, в числе прочего, относятся вербальные хезитативы. В условиях устного речепроизводства эти единицы зачастую утрачивают свое исходное лексическое значение, что происходит в процессе прагматикализации. Предметом исследования в настоящей работе послужила конструкция (...) как это (...). В ходе анализа были выявлены особенности функционирования этой единицы, свойственные спонтанной речи. Так, конструкция (...) как это (...) помогает выстраиванию устного текста и чаще всего маркирует поиск, «отягощенный» иногда некоторыми прагматическими нюансами. В ходе исследования были проанализированы разные типы контекстов, а также предложены варианты «реконструкции» такой конструкции. Исследование проведено на материале устного подкорпуса Национального корпуса русского языка и блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка.

Ключевые слова: спонтанная речь, звуковой корпус, вербальные хезитативы, хезитационный поиск.

Для цитирования:

Верховцева Т.А. Функционирование конструкции (...) как это (...) в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 11–18.

Сведения об авторе:

Верховцева Татьяна Андреевна, магистр лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: tan.ver04@gmail.com

Дата поступления статьи: 18.06.2016

На современном этапе изучения лингвистики наблюдается высокий интерес к вопросам звучащей речи и функционирования в ней различных языковых единиц. Ср.: «Такая направленность... соответствует развивающимся в последние десятилетия теоретическим подходам, которые ориентируются на употребление языковых единиц (usage-based theories)» [Воейкова 2015: 14]. В связи с этим весьма существенным представляется выявление тех речевых стратегий, которые реализует говорящий в различных коммуникативных актах. Изучение подобных стратегий возможно только на обширном корпусном материале, который позволяет увидеть закономерности употребления и функционирования в речи различных конструкций.

В настоящее время необходимой частью лингвистического исследования становится обращение к объемным и статистически представительным массивам данных. Источником таких данных может служить язык (речь), организованный в корпус. Корпусный подход оправдывает себя и при работе с устной речью, ср.: «Исследования разговорной речи... не могут опираться на компетенцию носителей языка: как было обнаружено довольно давно, особенности разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать» [Шмелев 2010: 239]. В настоящем исследовании источником материала стали устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП) и Звуковой корпус русского языка, в частности модуль «Один речевой день» (ОРД).

В рамках настоящего исследования анализируемой единицей стала конструкция (...) *как это* (...). Термин **конструкция** для обозначения данной единицы был выбран исходя из теории **грамматики конструкций** (Construction Grammar). Основная идея этой теории может быть сформулирована следующим образом: «The major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less 'idiomlike' forms of expressions) are represented in the same formal system as a regular, 'core' patterns or rules»¹ [Kay 2002: 1]. Согласно этому подходу, **конструкция** определяется как основная единица языка. При этом «под конструкцией понимается языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Лингвистика конструкций 2010: 19]. В ситуации спонтанной речи исследуемая конструкция (...) *как это* (...) обладает, скорее, определенными функциями – чаще всего в процессе речепорождения она помогает выстраиванию устного текста и маркирует поиск, «отягощенный» иногда некоторыми прагматическими нюансами. Рассмотрим эти функции подробнее.

¹ «Основной стимул для создания грамматики конструкций – это необходимость развить систему грамматического описания таким образом, чтобы конструкции (более или менее “идиомоподобные” формы выражения) были представлены в системе так же, как регулярные, “ядерные”, модели и правила». – *Пер. автора статьи.*

Первая и наиболее разнообразно представленная в материале функция исследуемой конструкции – **маркер хезитационного поиска**. Можно даже сказать, что (...) *как это* (...) почти во всех своих употреблениях имеет тройную природу: **хезитация, метакоммуникация и поиск**. Иными словами, с помощью этой конструкции говорящий вербализует свои затруднения в подборе следующего слова или фрагмента речи, обращаясь при этом либо к самому себе, либо к собеседнику, ср.:

- (1) а **как это** под... подставлялы / которые разводят // это ж в Москве / под Москве / по Моск... / Подмосковье знаешь там / просто катается там тридцать бригад / круглосуточно / *В подставы ма... автомобильные (ОРД)¹;
- (2) вот такие мои вкратце дела / на работе конечно(:) это самое ... *П **как это** (...) дурдом / ну как всегда (ОРД).

В контексте (1) слово, найденное после использования говорящим конструкции (...) *как это* (...), произносится с запинкой (вероятно, он не был до конца в нем уверен). Однако последующее использование однокоренного слова *подставы* указывает на то, что, вероятно, именно такую субстантивацию – *подставлялы* – и хотел произвести говорящий.

В примере (2) в ходе хезитационного поиска выстроена целая цепочка из нескольких поисковых маркеров – **вербальных хезитативов** (*конечно(:) это самое ... как это*). Отметим, что речевое колебание редко когда может быть представлено только одним маркером, чаще всего в речи выстраиваются целые цепочки как вербальных, так и невербальных хезитативов.

- (3) – и потом у нас было очень сильное вот (э) / логопед говорил / грацирующее эр / *В которое сейчас даже уже / логопеды / они относят / *В уже хотят это / столько нарушений / хотят оставить **как это** //
– к норме отнести //
– да / к норме (ОРД);

- (4) ну / знаешь / вот в каком-то месте (...) **как это** ? *П ну то есть (...) во () во время бы // *П да да да да (ОРД).

В примере (3) говорящий, возможно, сам не до конца осознает, какое именно слово он ищет (даже, скорее, не слово, а целое высказывание, развернутую номинацию): *они относят – уже хотят это – хотят оставить как это*. На помощь ему приходит собеседник, подсказывая искомое выражение (*к норме отнести*), и говорящий, повторяя, соглашается с ним (*да / к норме*).

Контекст (4) сложен для анализа. Здесь представлен телефонный разговор, и ответные реплики коммуниканта восстановить невозможно. Опираясь только на слова говорящего, можно заметить, что порождение речи сопровождается значительными трудностями: *ну знаешь вот, как это, ну то есть (...) во () во время бы*, – затем речь, после достаточно про-

¹ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Asinovsky et al. 2009].

тяженной паузы (// *П), продолжается повторяющимися маркерами согласия (*да да да да*). Вполне возможно, что в ответной реплике собеседник подсказал говорящему искомое слово, с чем тот и согласился.

В некоторых контекстах поиск формально не удался, однако коммуникацию все же можно считать успешной, ср.:

- (5) – *ещё может быть будем с соком на... / эту самую // *П (э-э) эту // *П ну... на... как это ?*
 – *я знаю / да (ОРД);*
- (6) – *а раньше вот (э-э) где(:) (в-в) вот эта биржа (м-м) как это / музей-то // *В*
 – *а(:) / знаю знаю знаю / я поняла //*
 – *о(:)й / не морской *Н //*
 – *да да да (ОРД).*

В примере (5) перед нами опять цепочка вербальных хезитативов (*на... эту самую, э-э, эту, ну... на... как это*). Формально искомое слово в микродиалоге так и не найдено ни говорящим, ни его собеседником, однако ответной репликой *я знаю / да* собеседник дает понять, что в точном слове нет надобности, все понятно и так, коммуникацию можно продолжать. Та же ситуация видится и в примере (6): говорящий пытается самостоятельно подобрать нужное название (*вот эта биржа, музей-то, не морской*), в своих ответных репликах его собеседник показывает, что это и не требуется (*знаю знаю знаю, я поняла, да да да*). При этом реплика *да да да* представляет собой несмысловое средство выражения обратной связи, или **backchannels** – «краткие нелексические высказывания слушателя во время речи другого собеседника» [Тао, Thompson 1991: 210]. Видно, что такая реплика произнесена собеседником для поддержания коммуникации. Н.Р. Добрушина подчеркивает, «что все эти многочисленные средства выражения обратной связи являются не столько проявлениями внимания или понимания, сколько средствами заявить о своем внимании или понимании» [Добрушина 2000: 136]. Таким образом, коммуникация и в этом случае может считаться успешной и продолжаться, поскольку собеседникам хватает контекста для понимания друг друга.

Не всегда результатом поиска оказывается отдельное слово (фраза), иногда это может быть устойчивое сочетание (в примерах подчеркнуты), ср.:

- (7) *ой-ой-ой / *П ну (:) знаете / как это / вашиими устами / да мед пить / *П вот // *П это вы с... () этим самым / с мальчиком с моим / замечательным (ОРД);*
- (8) *но при этом блин / *П чувствуешь такое опустошение ! внутри (в натуре?) катарсис чувствуешь // как это блин () Грачева говорила надо // *В очищение через страдание // # *Н после Триумфальной арки он написал её вторую часть (ОРД).*

Можно предположить, что во всех этих случаях говорящие искали именно такие образные формулировки своей мысли, поэтому и в своей речи заранее привлекли к этому внимание собеседников с помощью, в том

числе, конструкции (...) *как это* (...) – в данном случае, маркера **нетривиальности последующей реплики**. В контекстах (7)–(8) эта нетривиальность более или менее очевидна: в (7) найдена известная пословица *вашиими устами / да мед пить*, а в (8) – также известное философское понятие *очищение через страдание*.

Еще одной функцией конструкции, обнаруженной при анализе материала, является **рефлексив**. В рамках данного исследования рефлексивы рассматриваются как «разновидность *прагматем* устной речи (здесь и далее в цитатах курсив автора. – Т. В.)» [Богданова-Бегларян 2015: 12]. Зачастую при гезитационном поиске «говорящий... каким-то образом выражает свое отношение к результату этого поиска: либо остается в состоянии неуверенности, что нашел именно то, что нужно, либо снимает с себя ответственность за сказанное, вербализует это отношение “отстраненности”, используя различные конструкции с общим значением ‘если я не ошибаюсь’ или с риторическим вопросом типа *так ли?* Поскольку эти конструкции возникают чаще всего как рефлекс говорящего на произведенный им гезитативный поиск, то их уместно назвать *рефлексивами*» [Богданова-Бегларян 2015: 13]. Обратимся к примерам:

(9) *Ну вот / а-а как вы в ш... учились ли где / в школе там / или как это?* (УП);

(10) *были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их ? лямблии ? или как это ?* (ОРД);

(11) *возникают ли у вас языковые трудности в общении с людьми установлении их взаимоотношений? *П но мне кажется ... *П я затрудняюсь ответить // *В *П мне кажется что вот / такие трудности всё-таки есть / во всяком случае я чувствую что вот / (э-э) меня не всегда понимают / что я хочу сказать // *П *В считают слишком заумным и(:) слишком абстрактным мыслящим / *П вот таким / оторванным от действительности / как это* (ОРД).

В контексте (9) говорящий не сразу произносит искомое слово (*школа*), этому предшествуют вербализованные сомнения (*а-а, ну вот, ш..., там*). Реплика заканчивается «отстранением» говорящего от собственных слов, рефлексией (*или как это?*).

Так же и в примере (10) говорящий, подобрав редкое слово (*лямблии*), сразу рефлексивизирует: переспрашивает себя, правильно ли он его употребил (*или как это ?*).

В контексте (11) говорящий приводит ряд близких по значению (и вполне «нетривиальных») определений (*слишком заумный, слишком абстрактно мыслящий, оторванный от действительности*), ни одно из которых его не удовлетворило, что он и выразил с помощью рефлексива *как это*.

В ходе исследования особое внимание в материале устной речи обратили на себя поисковые обороты типа *как это называется / как это говорится / как это сказать* и проч.:

- (12) *я не знаю / как это называется / ну типа / буквы и звуки... короче / фонетика и буквенное обозначение // слово типа «дом» // «о» / замкнутое какое-то пространство / там ещё что-то / по буквам и звукам он пытается (УП);*
- (13) *И когда / нам немка / э-э м-м... подарила / э-э... м-м... вышила э-э... м-м... э-э как это сказать э-э м-м... мешочки / для... ночные рубашки (УП);*
- (14) *В общем / не знаю. Не помню / как это звучит. Ну / в общем / умная такая фраза... Очень умная (УП);*
- (15) **П как это звучит ? *П по-немецки // *П я тебе потом скажу // надо (...) изучить источник (ОРД);*
- (16) *ты знаешь / оказалось / что у него какое-то как забыла / как это называется // *П дефект в(:) кишке // *П (эм) ка... ну типа как аппендиксы / типа как () вот эти (ОРД).*

В большинстве контекстов поиск говорящими производится в ситуации диалога. При возникших трудностях они могут обращаться с вопросом как к самому себе, так и к собеседнику, и нередко именно собеседник помогает построить коммуникацию, ср.:

- (17) *Ну / я там проработала очень недолго / потому что когда вот в 50-м году произошла эта самая... как это называлось тогда? Это была дискуссия? Дискуссия (УП);*
- (18) *– как это называется / старинное ? – фисгармония (ОРД).*

Отдельного внимания заслуживает такой контекст:

- (19) *Вот / и / в этом смысле конечно нам важнее всё-таки удержать / их / интерес / и их субъектность вот это вот извините за плохое слово / ну / как это индигне... индивидуальность плохое слово и субъект / а / как это скать / способность владеть ситуацией (УП).*

Собственно поиск слова в устной речи маркируют в данном контексте два оборота – *как это* и *как это сказать*. Оба оборота обозначают хезитационный поиск и в речи функционируют одинаково: говорящий находит слово (самостоятельно – сразу или дистантно – или с помощью собеседника), преодолев свои сомнения в выборе правильной формы. Понятно, что после *как это* в первом случае подразумевается какой-то глагол с семантикой названия, но говорящим он уже не произносится. Можно говорить о происходящей в речи компрессии поисковых сочетаний типа *как это называется / как это сказать*, что объясняется работой принципа экономии речевых усилий. Схематично такую «реконструкцию» конструкции можно представить таким образом:

КАК ЭТО называется / КАК ЭТО сказать => КАК ЭТО

Таким образом, в рамках проведенного исследования был рассмотрен материал, позволяющий определить спектр функциональных возможностей конструкции (...) *как это* (...) в устной речи. Такого рода ана-

лиз лишний раз привлекает внимание к богатству материала устной речи и к возможности анализа функционирования в ней различных языковых единиц. Ср.: «Слова-паразиты – вовсе не паразиты. У них так же, как и у других языковых ресурсов, есть четко очерченные функции. Вообще единиц, лишенных функции, в языке не существует» [Подлеская 2016].

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В. Рефлектив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Войкова М.Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2015. С. 7–21.
- Добрушина Н.Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 135–140.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010. 584 с.
- Натитник А. Вера Подлеская. Почему мы молчим и мычим // Harvard Business Review – Россия. 2016. 29 марта. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a17389/#ixzz44Tng6Dpo> (дата обращения: 20.05.2016).
- Шмелев А.Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. 2010. № 19 (1). С. 236–265.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // Lecture Notes in Computer Science. 2009. Vol. 5729 LNAI. P. 250–257.
- Kay P. An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar // Grammars. 2002. Vol. 5, Iss. 1. P. 1–19.
- Tao H., Thompson S.A. English Backchannels in Mandarin Conversations: A Case Study of Superstratum Pragmatic 'Interference' // Journal of Pragmatics. 1991. Vol. 16. P. 209–233.

References

- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation. *Lecture Notes in Computer Science*, Vol. 5729 LNAI, pp. 250-257.
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2015), Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoi ustnoi rechi [Reflexive in the System of Discourse Units of Russian Oral Speech]. *Mir russkogo slova* [*The World of Russian Word*], No. 3, pp. 11-17.
- Dobrushina, N.R. (2000), Issledovania sredstv vyrazhenia obratnoi svyazi v amerikanskoi lingvistike [The Analysis of the Units of Backchannels in American Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Linguistics Questions*], No. 1, pp. 135-140.
- Kay, P. (2002), An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar. *Grammars*, Vol. 5, Iss. 1, pp. 1-19.
- (2010), *Lingvistika konstruktseyi* [*Construction Linguistics*], ed. by E.V. Rakhilina, Moscow, 584 p.

- Natitnik, A. (2016), Vera Podlesskaya. Pochemy my molchim i mychim [Vera Podlesskaya. Why do We Keep Silent and Mumble?]. *Harvard Business Review – Russia*, available at: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a17389/#ixzz44Tng6Dpo> (accessed date: May 20, 2016).
- Shmelev, A.D. (2010), Yazikovye fakty i korpusnye dannye [Language Facts and Corpora Data]. *Russkii yazyk v nauchnom osveschenii [Russian Language in the Scientific Light]*, No. 19 (1), pp. 236-265.
- Tao, H., Thompson, S.A. (1991), English Backchannels in Mandarin Conversations: A Case Study of Superstratum Pragmatic ‘Interference’. *Journal of Pragmatics*, Vol. 16, pp. 209-233.
- Voeikova, M.D. (2015), Introduction. Saint Petersburg School of Functional Grammar: its history, state of the art and main directions of its development. *Acta Linguistica Petropolitana*, St. Petersburg, Nauka publ., Vol. XI, pt. 1, pp. 7-21. (in Russian).

CONSTRUCTOIN (...) KAK ETO (...): FUNCTIONING IN ORAL SPONTANEOUS SPEECH

T.A. Verkhovtceva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract: Nowadays the description and classification of special units of oral discourse (e.g. verbal hesitatives) are of particular interest for linguists. These units lose (in whole or in part) the lexical and / or grammatical meaning and become pragmatic, moving from the category of speech into the category of quasi-speech (communicative pragmatic) in several cases of its use in everyday speech. Hesitative collocation (...) *kak eto* (...) is the particular object here that basically appears in difficult speech situations and signifies that the speaker is searching for the right word / phrase to continue the speech. This collocation also appears as a speaker’s reflections over his / her own speech act. The analysis of the material has helped defining the “reconstruction” of the hesitative collocation (...) *kak eto* (...). The research is based on ‘One Speaker’s Day’ (Speech Corpus of Russian Everyday Communication) and a spoken subcorpus of Russian National Corpus.

Key words: spontaneous speech, speech corpus, verbal hesitatives, hesitative search.

For citation:

Verkhovtceva, T.A. (2016), Constructoin (...) *kak eto* (...): functioning in oral spontaneous speech. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 11-18. (in Russian).

About the author:

Verkhovtceva Tatiana Andreevna, Master of Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tan.ver04@gmail.com

Received: June 18, 2016

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ВСТАВКИ В РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ

К.Д. Зайдес

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Предлагается описание основных видов метакоммуникативных вставок, встречающихся в русской устной спонтанной монологической речи на родном и неродном языке говорящего. Под метакоммуникацией в данной работе понимается «текст о тексте», «коммуникация по поводу коммуникации», своеобразная саморефлексия говорящего по поводу построенной (или планируемой к построению) речи. Источником материала для исследования послужили устные спонтанные тексты-монологи из одного из блоков Звукового корпуса русского языка, представляющего собой крупнейшую базу данных современной русской разговорной речи. Этот блок – Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) – является собранием монологов, записанных от совершенно разных носителей русского языка (медиков, юристов, компьютерщиков, студентов, преподавателей; старших и младших по возрасту; экстравертов и интровертов; обладающих более или менее высоким уровнем речевой компетенции; мужчин и женщин) и иностранцев, изучающих русский язык, среди которых носители американского варианта английского языка, нидерландского и китайского языков, а также франкофоны (мужчины и женщины; экстраверты и интроверты; в основном одного, студенческого, возраста, в разной степени владеющие русским языком). Особое внимание уделяется количественным и качественным характеристикам материала: в статье сопоставляются основные типы метакоммуникации в монологах русскоязычных и иноязычных информантов и сравниваются функции этих типов в конкретных дискурсивных ситуациях. Изучение метакоммуникативных элементов в устной речи информантов, для которых русский язык является родным (материнским) или неродным (изучаемым), позволяет лучше понять механизмы усвоения иностранного языка, а также охарактеризовать коммуникативные стратегии, которыми пользуются информанты при порождении речи на неродном языке.

Ключевые слова: метакоммуникация, метакоммуникативные элементы, устная спонтанная речь, монолог, корпусная лингвистика, второй язык.

Для цитирования:

Зайдес К.Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 19–35.

Сведения об авторе:

Зайдес Кристина Денисовна, бакалавр филологии

Контактная информация

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: Zaidi94@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.07.2016

Исследование современной русской устной речи является одной из приоритетных областей языкознания, наряду с анализом принципов усвоения русского языка как иностранного. Помимо изучения фонетических, лексических, семантических, грамматических и стилистических явлений спонтанной речи, представляется важным рассмотрение и ее коммуникативных (дискурсивных) аспектов. Одним из них является метакоммуникативный аспект, играющий важную роль в построении устной речи и ее функционировании.

Метакоммуникация (от греч. *meta* – «после, за, между» и лат. *communicare* – «делать общим, связывать, общаться») – это особый вид общения, представляющий собой коммуникацию по поводу коммуникации, выражающий различные коммуникативные интенции говорящего, имеющие добавочный характер по отношению к самой коммуникации. К функциям метакоммуникации относятся обеспечение речевого общения и обмена информацией, установление понимания между коммуникантами, а также реализация «определенных речевых стратегий и тактик, с помощью которых достигается коммуникативная цель. <...> Метакоммуникативные высказывания осуществляют установление логических связей, направляют процесс общения или повествование в определенное русло, обеспечивают полное понимание сообщаемой информации, устраняют помехи в коммуникации, а также позволяют коммуникантам дать оценку своей собственной позиции или позиции слушающего» [Арюхина 2005: 21–22].

Исследования, посвященные метакоммуникации, базируются, в основном, на диалогическом материале, поэтому метакоммуникация понимается в них достаточно широко, как та часть общения, «которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [Макаров 2003: 198]. В соответствии с таким пониманием, метакоммуникация выполняет не только фатическую и метаязыковую функции, но и множество экстралингвистических, вплоть до поддержания хороших отношений между

собеседниками, что актуально для диалогических и полилогических текстов. Метакоммуникация в диалогическом взаимодействии чаще всего встречается в местах затруднений говорящего, связанных как с ошибками построения речи им самим, так и с ошибками восприятия информации слушающим, ср.: «В стандартных коммуникативных условиях отправителю и получателю нет необходимости заниматься метакоммуникативными рассуждениями – их основная задача состоит в удовлетворении потребности в координации взаимных действий посредством высказываний. Метакоммуникация в виде отдельных высказываний и целых текстов особенно интенсивна в тех случаях, когда общение встречает трудности, препятствия, барьеры, и необходимо договариваться о том, как будет протекать сам процесс коммуникации, какие взаимно понятные значения будут приписаны условным знакам, как оптимизировать понимание» [Кашкин 2010: 193–194].

Материалом настоящего исследования являются тексты-монологи, поэтому в нем принято более узкое понимание метакоммуникации, функции которой ограничены фатической и метаязыковой, что, на наш взгляд, отражает специфику анализа именно такого материала.

Для выражения метакоммуникации в речи используются **метакоммуникативные вставки** (МВ) – особые речевые единицы: лексемы, предложения или целые тексты, комментирующие речь, предстающие в виде метатекста по отношению к собственно тексту. Следует признать, что вставками или элементами их можно назвать лишь условно: часто в реальной устной речи они неотделимы от основного текста монолога, ср.: «В высказывании переплетается текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального, иногда – нет» [Вежибicka 1978: 420]. Ср. подобные наблюдения также в: [Богданова 2011; Звуковой корпус... 2014: 53–116].

Спонтанные монологи, в которых были проанализированы метакоммуникативные вставки, являются частью Звукового корпуса русского языка, а точнее, одного из его блоков – Сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ). Тексты в САТ построены по четырем типам коммуникативных сценариев: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений и свободный рассказ на заданную экспериментатором тему. Материалом для исследования послужила спонтанная монологическая речь носителей русского языка – медиков, юристов и студентов (филологов и нефилологов), а также иностранцев, изучающих русский язык – американцев, китайцев, голландцев и франкофонов. Общий объем проанализированных (на предмет наличия и характера метакоммуникации) текстов – 578 (523 монолога носителей русского языка и 55 монологов иностранцев). Всего в материале было найдено 739 метакоммуникативных вставок разного типа. Среднее

количество МВ на один монолог составляет, таким образом, 1,3, независимо от уровня речевой компетенции (УРК) русскоязычного говорящего или уровня владения русским языком (ТРКИ) инофона¹. Однако у говорящих на родном и неродном языке встречаются разные типы метакоммуникативных вставок (см. рис. 1).

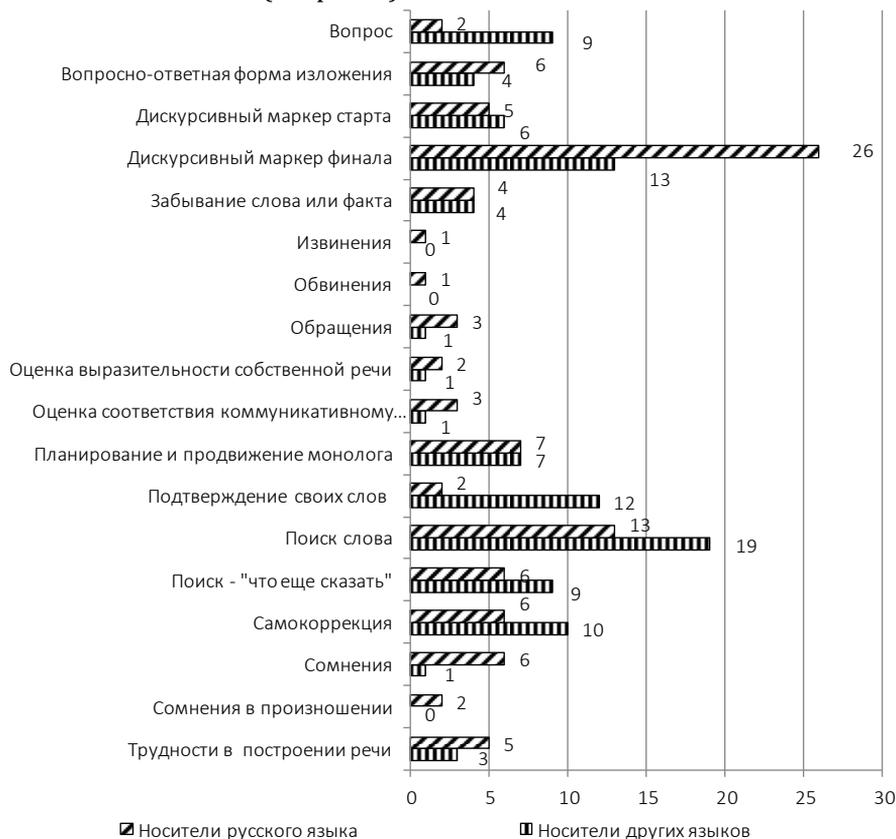

Рис. 1. Доля метакоммуникативных вставок разного типа в речи носителей русского и других языков, %

¹ Под уровнем речевой компетенции говорящего на родном языке понимается степень его свободы «в выборе речевых средств, уровень его владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи. УРК определяется целой совокупностью социальных характеристик человека, среди которых ведущее место занимают уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности» [Богданова 1998: 64] (см. также: [Звуковой корпус... 2013: 107]). Тестирование иноязычных информантов не входило в задачи настоящего исследования, оно проводится в СПбГУ централизованно для всех иностранных учащихся и зафиксировано с их слов. В соответствии с принятой системой тестирования по русскому языку как иностранному инофону могут быть присвоены различные уровни владения языком – от А2 до С1. Материалом для настоящего исследования послужила спонтанная речь информантов, владеющих ТРКИ на базовом (А2), среднем (В1), продвинутом / постпороговом (В2) и компетентном (С1) уровнях.

Согласно данным рис. 1, наиболее частотными типами МВ в речи русскоговорящих информантов являются дискурсивные маркеры финала, маркеры поиска говорящим слова и метакоммуникация, связанная с самокоррекцией. В русской речи носителей иных языков чаще всего встречаются маркеры поиска слова, дискурсивные маркеры финала и МВ – подтверждение собственных слов. Разберем типичные примеры МВ из первой тройки частотной диаграммы.

1. **Дискурсивные маркеры финала** (ДМ финала) в спонтанной устной речи отражают стремление говорящего отделить свою речевую продукцию от чужой; в ситуации экспериментальной речи они необходимы, по-видимому, также для того, чтобы показать собеседнику, что можно заканчивать запись. ДМ финала встречаются в монологах информантов разных социальных и психологических групп, как русских, так и иностранцев.

Наиболее распространенным маркером финала является конструкция *всё* (с реализациями *это всё, я всё, ну и всё* и т. п.), завершающая каждый четвертый спонтанный монолог, ср.:

- *его ноги куда-то поехали вбок / и он перестал [...] [он провалился куда-то в темноту / **всё** [м, 24, рус, высокий УРК, юр, интр, пересказ сюж]¹;*

- *я люблю Санкт-Петербург / надо сказать / да // я люблю Санкт-Петербург и ... // (а-а) может быть (э-э) я могу (а) жить здесь на несколько лет / не зн... / пока не знаю // **и это всё** [ж, 21, нидерл, студ, амб, рассказ].*

В русской речи инофонов не встречается иных форм дискурсивных маркеров финала, говорящие же на русском как родном языке могут использовать развернутые предложения для оформления конца речевого акта:

- *м-м да еще интересно водятся ли в этом это пруд или все-таки озеро / э водится ли в этом водоеме рыба какая-нибудь / плавают ли утки / вот это прекрасное было бы дополнение к пейзажу // **ну все / я пожалуй завершаю свой монолог / описательный** [м, 22, рус, низкий УРК, студ, пересказ несюж];*

- *наверно ещё / по ловле рыбы когда вот рыбу ловят и она не клюёт это всё-таки к ненастной погоде это я тоже знаю // **а так даже / а больше наверно ничего и не скажу** [ж, 45, рус, низкий УРК, мед, пересказ несюж].*

Однако говорящие и на родном, и на неродном языке чаще всего, завершая свою речь, используют конструкцию типа *всё*.

¹ Все примеры в статье определенным образом атрибутированы: в скобках после контекста указываются характеристики говорящего: его пол, возраст, родной язык, УРК (для носителей русского языка) или уровень ТРКИ (для инофонов), профессия и психотип (экстраверт, амбиверт, интроверт) (в случае наличия таких данных), а также тип монолога (чтение, пересказ, описание, рассказ). Знак ([]) в расшифровках монологов обозначает физическую паузу хезитации.

2. МВ с функцией **поиска слова** частотны в речи как русских, так и иностранцев. Специфика поисковых МВ в речи на неродном языке заключается в том, что чаще всего они встречаются в ситуациях забывания информантом русского слова – речемыслительного эквивалента слова на родном языке или узкоспецифичного, нечастотного слова на неродном, например:

- *Г и конечно (э) Пушкин / это / это близко Санкт-Петербург // (э-эм) я (э) **как по-русски?** // (э-эм) (...) **I feel at home** // [угу] // в Санкт-Петербурге // это моя (э) (э-эм) любимая город // любимый [м, 63, нидерл, студ, 1 ТРКИ, экстр, рассказ]¹;

- [как общежитие?] // ужасно / *С / (ам) / (ам) / мне / *П нравится ни *П ни(:) *П не знаю / у мен... мне еще нравится / *В Россия это не мешало // *П (м) не мешало / *П (ам) с моей поезд... (?) сюда / *В но *П я(:) *П я надеялась / что общежитие было лучше // *В и просто потому что / *В (ам) наша кухня / *П слишком маленькая / это просто (э) не кухня / у нас / *П неть / (м) *П не знаю / как называется по-русски / как вещь / в которой можно // *П готовит / духовка / да / нет духовки / это мне нуужно // *П (ам) особенно потому что / я как строгая веге... вегетарианка / и я не ем ничего / из животных [ж, 23, англ, студ, 2 ТРКИ, рассказ].

Наряду с таким типом поиска, с помощью конструкции *как (это) по-русски*, встречается в монологах иностранцев и поисковая конструкция, типичная для речи носителей русского языка – *как (это) (сказать)*²:

- был прекрасный июльский день / такой день который [(э-м)] называют [(э-э) <вздых> когда погода / **как это сказать** / устанавливается [м, 25, рус, низкий УРК, юр, экстр, пересказ несюж];

- он-н [кри... кри... кричал // н-н || кричал / плакал // и-и || н-н // **как?** // н-н || и-и [ы-н] вдруг // он-н || а || м-м || он вдруг || прос... проснулся // н-н [и заметил что] это просто сон / н || ужасный сон [ж, 23, кит, 2 ТРКИ, студ, экстр, описание сюж].

Носители русского языка прибегают к метакоммуникации при поиске слова, используя не только МВ *как (это)*, но и конструкцию *скажем (так)*, которая, помимо маркирования процесса подбора наиболее удачной лексемы, передает рефлексия говорящего по поводу того, что сказанное после может быть не слишком удачно или необычно (в иной терминологии, это **маркер нетривиальности** того, что планируется к произнесению³):

¹ О некоторых особенностях орфографического представления спонтанных текстов в расшифровках см., например: [Asinovsky et al. 2009]. В квадратных скобках в текстах приводятся реплики экспериментатора.

² Такая конструкция может реализоваться в виде *как это* или *как сказать*, поэтому обязательным в ней является только вопросительное слово *как* (подробнее об этом см.: [Верховцева 2016а, б]).

³ Подробнее об этом маркере как разновидности вербального хезитатива см.: [Богданова 2011; Звуковой корпус... 2015: 218–230].

• как в трех двух словах-то / значит [значит речь идет] о псе Ша-рикове / которого <кашель> **скажем так** [(а-а) заманили в определенное помещение / для дачи лекарства [м, 30, рус, низкий УРК, юр, интр, пересказ сюж];

• а-а плюс мы с друзьями ездим каждые выходные на э-э [**скажем так** / стритрейс то есть уличные гонки принимаем там свое участие [ж, 29, рус, высокий УРК, юр, экстр, рассказ].

3. МВ, функцией которых является **самокоррекция**, частотны в монологих иностранцев, говорящих по-русски, что, конечно, мотивировано тем, что процесс мышления и речи на неродном языке является для таких информантов в значительной степени проблематичным. Самокоррекция осуществляется в речи обычно с помощью замены неверного элемента другим, с использованием отрицательной частицы *нет*:

• м-м [перед нами / ставит [ы-н || одна картина // ы-н || «Вид на-а [Гатчинский дворец с Длинного т... острова» // ы-н [в эт... в этой картине / мы можем / н-н // видь... || н-н || предпо... предполагало... предпола... предпола... га... лось что // ы-н || это весной / и || ы-н [всё [ы-н [все [ы-н || стало / м-м || жи... [ы-н [жи-вы-ми // и-и ещё [м-м [ну [м-м || м-м [на этой [ы-н [на [э-э на [э-э || в этом дво... двор... цу // **нет** // ы-н || на | на дворе... на дворец / ы-н [существуют / м-м || красивое озеро м-м [и || м-м || красивый озеро [ж, 23, кит, студ, 2 ТРКИ, экстр, описание несюж].

Как ясно из приведенного примера, говорящие на неродном языке информанты чаще предпочитают заполненные паузы хезитации (ы-н, м-м, э-э) – метакоммуникации, как при поиске лексемы или флексии, так и при коррекции уже построенного предложения или словосочетания.

Репертуар средств самокоррекции у носителей русского языка значительно шире. Во-первых, информанты используют и конструкции с частицей *не*, например:

• он тянулся к окошку краешком глаза <смех> **не / не так** / он тянулся к окошку / чтобы краешком глаза увидеть хотя бы небо / <смех> [ж, 20, рус, низкий УРК, студ, экстр, пересказ сюж].

Во-вторых, самокоррекция у русскоязычных говорящих может осуществляться посредством использования союза *или*:

• забросив удочку / он вытащил / **или правильнее сказать** / выловил замечательную / огромную рыбу [ж, 46, рус, высокий УРК, юр, амб, описание сюж].

В-третьих, средствами самокоррекции могут являться и вводные слова *вернее, точнее*:

• сгу... сгущались тучки / **вернее** [плыли (...) то открывая небо / то закрывая небо [ж, 22, рус, низкий УРК, юр, экстр, пересказ несюж];

• выходные пропадают / но будем рассказывать о выходных которые / **точнее** / буду рассказывать о выходных которые // выпадают [м, 25, рус, низкий УРК, юр, рассказ].

Более того, к средствам самокоррекции в речи русскоязычных говорящих можно отнести даже междометие *а!*, активно использующееся для замены неверного слова при чтении текста:

• *не обра <...> а! но обращаюсь к моей повести* [м, 23, рус, средний УРК, студ, интр, чтение несюж].

4. Частотной МВ в речи иностранцев на русском языке является дискурсивное слово *да*, одна из функций которого – **подтверждение собственных слов** – является метакоммуникативной. *Да* появляется в местах затруднений информанта в речи, сочетается с поиском слова или выражением сомнений в сказанном, например:

• *но я думаю когда я (э-э) вернуться в Голландию / тогда (э) я раздражаю (э-э) на то / что люди в Голландии всегда очень / как сказать / громкие думаю // громкие / бла-бла-бла-бла-бла-бла / да // громкие // [угу] // (ам-м) и / (ам-м) // они мешают / другие люди / например в поезде / или на улице / или ах! // мне вот не нравится!* [ж, 27, нидерл, студ, интр, рассказ].

Как показывает анализ материала, использование метакоммуникатива *да* связано с речевой привычкой говорящего и встречается при построении монолога как на родном, так и на неродном языке. Чаще всего, такую МВ включают в речь интроверты, и это может быть связано с их общим уровнем неуверенности в себе, проявляющимся в идиолекте в виде постоянного «поддакивания», направленного на уточнение мысли (подробнее о слове *да* и его функциях в русской устной спонтанной речи см.: [Шершнева 2015; Звуковой корпус... 2015: 54–56]).

Остановимся на специфических для одной из групп говорящих видах метакоммуникации. Так, говорящие на неродном для них русском языке иностранцы используют больше метакоммуникативных **вставок-вопросов**, чем русские. МВ-вопросы по семантике можно разделить на (1) вопросы технического характера (касающиеся методики записи, шума в помещении и т. д.) и (2) смысловые вопросы:

(1) *яркая солнечная погода // говорить можно? так был ярк... [это самое] был [июльский день* [ж, 38, рус, низкий УРК, юр, экстр, пересказ несюж];

(2) *(э-э) тоже прекрасный (...) город? // *Ц (э-э) много парков и (э-э) д... / дороги очень (...) широкие да? // [угу] // широкие // да* [ж, 27, нидерл, студ, интр, рассказ].

Иногда ряд вопросов информанта к самому себе формирует целый диалог, где метакоммуникативные вставки отражают как рефлексия говорящего, так и его попытки построения монолога (пересказа или описания) в соответствии с предтекстом:

(3) *рядом с де... [н-н] с дере-вом / это [м-м] это [ща-ас] м-м / это что? // м-м [а] это с... степь* [ж, 23, кит, 2 ТРКИ, студ, экстр, описание несюж].

Типичные МВ-вопросы в речи иностранцев представляют собой маркированные неуверенной вопросительной интонацией отрезки речи, в которых говорящие выражают рефлексию по поводу того, можно ли сказать так, как они уже сказали. У изучающих иностранный язык студентов могут возникать сомнения, провоцирующие вопрос как в семантической стороне слова, так и в формальной (правильность выбора флексии). При этом доля технических вопросов, как в речи иностранцев, так и в речи носителей русского языка, существенно меньше, чем доля смысловых.

Вопросительная метакоммуникация тесно сближается с диалогической. В отличие от монологической метакоммуникации, диалогическая провоцирует собеседника на ответ, заставляет его менять роль слушателя на роль говорящего. Носители русского языка, в отличие от говорящих на русском языке иностранцев, используют в монологах такие диалогические виды метакоммуникации, как извинения и обращения.

Извинения, совершаемые информантом при построении монолога, могут касаться как некоторых окрашенных лексем, употребленных им, так и неточностей и ошибок в речи, мотивированных трудностью выполнения данного коммуникативного сценария:

- *взял на нашем / **извиняюсь** / **отстойном** пруду <смех> поймал такую рыбину* [ж, 29, рус, низкий УРК, юр, экстр, описание сюж];

- *иногда ему удаётся удачно скатиться с горы // иногда его постигает большая неудача // что отражается на его эмоциональном поведении / и самочувствии в конце концов он / **тяжело извините пожалуйста** // так в конце концов настроение испорчено окончательно / похоже что несмотря на то что он находится один он кричит* [ж, 36, рус, средний УРК, мед, пересказ сюж].

Обращения к экспериментатору при выполнении монологического коммуникативного сценария выражаются **контактными глаголами** – глаголами чувственного и ментального восприятия, призванными повышать вовлеченность собеседника в процесс коммуникации, концентрировать его внимание на чем-либо. К контактными относятся такие глаголы, как *знаешь, понимаешь, видишь, слушай* и др., стоящие как в императиве, так и в форме 2-го лица (см. о них подробнее: [Маслова 2016]):

- *грязь и в то же время шикарные / парки / это всё настолько / вместе / что это трудно даже объяснить // **понимаете** что это / э э ну например в центре старый город / который полуразвалившийся / всё это / в грязи / всё это в мусоре и тут же например пятиэтажные пятизвездочные отели стоят* [ж, 41, рус, низкий УРК, мед, рассказ];

- *а-а вон там дальше виднеется тоже / наверно дуб но уже **знаете** / такой-от он создает тень большую* [м, 21, рус, низкий УРК, студ, описание несюж].

Примечательно, что большинство МВ-обращений с использованием контактных глаголов приходится на такой тип коммуникативного сцена-

рия, как рассказ, т. е. нарратив, в наивысшей степени отражающий личное пространство говорящего. Судя по всему, именно этот тип монолога кажется информантам наиболее легким для продуцирования, однако оказывается наиболее тяжелым для слушателя в связи с тем, что затрагивает личностные аспекты жизни говорящего, которые могут быть неинтересны малознакомому слушателю. Важной задачей информанта в данном монологе становится поддержание интереса слушателя, в том числе и с помощью использования МВ-обращений.

Монологи информантов, говорящих по-русски на родном и неродном языках, объединяет такой тип метакоммуникации, как поиск *что еще сказать*. МВ *что еще* чаще встречается в конечной части монолога. Метакоммуникативный поиск может быть успешным – информант находит, что еще сказать, и продолжает развитие монолога:

- *когда / идёт дождь / и на лужах пузырьки / большие большие это значит говорит о том что дождь будет идти ещё долго долго // **что ещё** // когда мы / там про костёр что-то было / про костёр* [ж, 32, рус, низкий УРК, мед, пересказ несюж].

МВ с функцией поиска *что еще сказать* может завершать монолог или предшествовать его завершению с помощью дискурсивного маркера финала, что является неуспешным поиском:

- *э-м я приехала в Петербурге э-э в январе(:) *П э-э *П я(:) хотела(:) э-э приехать здесь / чтобы э-м *Ц уличивать *П мой э-э уровень э-э *П русский язык *С / а-а мне рави... нравится(:) э-э этот город / эта(:) большая и... большой и красивая город / *П э-э *П **что ещё** ?* [ж, 25, фран, 1 ТРКИ, своб. рассказ];

- *лужа какая-то / подорожники цветочки беленькие // **ну что тут можно сказать** // **больше тут сказать и нечего*** [ж, 21, рус, низкий УРК, студ, описание несюж].

ДМ финала может стоять и до метакоммуникативной вставки *что еще*, при этом она приобретает функцию оправдания за раннее, по ощущению информанта, завершение монолога, обеспечивает релевантность выполненного коммуникативного сценария представлениям информанта об идеальном монологе:

- *вот деревня / дом / лес / просто веет от неё / такой [...] таким спокойствием / вот хочется очень / в это место / хотя бы на недельку // -// **ну и всё** // **а что? что ещё?** // -// приятная энергетическая картина* [м, 40, рус, высокий УРК, юр, амб, описание несюж].

Уровень владения русским языком как иностранным (уровень ТРКИ) – это фактор, влияющий на все характеристики спонтанного монолога: лексическое разнообразие, количество исправленных и неисправленных ошибок, синтаксический строй, а также число метакоммуникативных вставок. На рис. 2 показано соотношение МВ в речи информантов, владеющих русским языком на разном уровне.

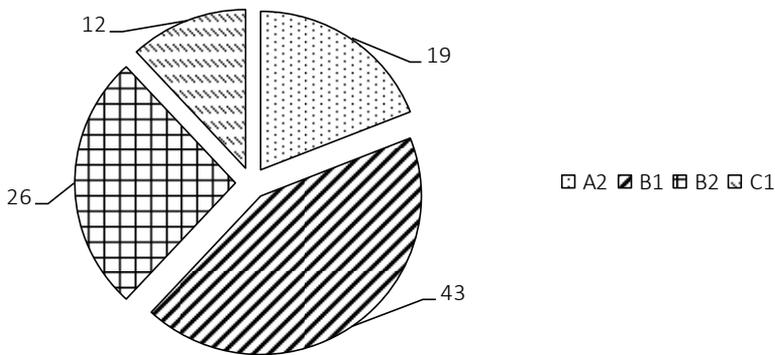

Рис. 2. Распределение количества метакоммуникативных вставок в речи информантов в зависимости от уровня ТРКИ, %

Как видно, на уровне В1 информанты с разным родным языком демонстрируют наибольшее внимание к метакоммуникативной стороне речи. Пик употребительности МВ приходится на говорящих с уровнем В1, а затем, на уровнях В2 и С1, происходит постепенный спад использования метакоммуникации. Это можно объяснить тем, что информант, обладающий уровнем В1, в отличие от того, кто только начинает изучать язык, уже включает в свою речь широкий репертуар различных языковых средств, в том числе и метакоммуникативных, направленных на пояснение и уточнение чаще смысловой, но иногда и формальной (стилистической) стороны речи. При углубленном изучении языка говорящий старается избавиться от затруднений в монологе, очистить свою речь от языкового «мусора» и излишней саморефлексии, ориентируясь на образцы, представляющие высокую речевую культуру.

Аналогом такого критерия, как уровень ТРКИ для иностранцев, в случае анализа речи говорящих на материнском языке может служить уровень их речевой компетенции, под которым, как уже отмечалось, понимается степень свободы говорящего в выборе речевых средств, уровень владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи. Речи информантов с низким УРК присущи узкий лексический запас, сложное членение спонтанного текста на синтагмы (из-за обилия неполных предложений, усеченных до дискурсивного слова, например *я // это // пошел*), малая длина предложений в словах и т. д. Высокий УРК маркирован наличием различных вставных конструкций, лексическим разнообразием, обилием сложных предложений, сочинительных и подчинительных союзов и т. д. Наконец, маркером УРК могут служить и различные метакоммуникативные вставки, например такие, которые выражают затруднения говорящего в построении речи [Богданова 1998]:

• *после того как кот получил великолепный ужин / даже не могу пересказать // <смех> он был сытый / и заснул около печки // и с тех пор он больше никогда / не воровал* [ж, 41, рус, средний УРК, мед, пересказ сюж].

На низком уровне речевой компетенции таких МВ встречается в 3,5 раза больше, чем на среднем, и в 6 раз больше, чем на высоком. Речи информантов с высоким УРК свойственны функционально иные МВ, такие как оценивание стилистики собственной речи, обращение к вопросно-ответной форме построения речи и различные дискурсивные маркеры.

Родной язык информанта, изучающего русский язык, как оказалось, тоже играет роль при появлении метакоммуникации в его речи. Так, носители нидерландского языка рефлексируют над своей речью больше других (см. рис. 3).

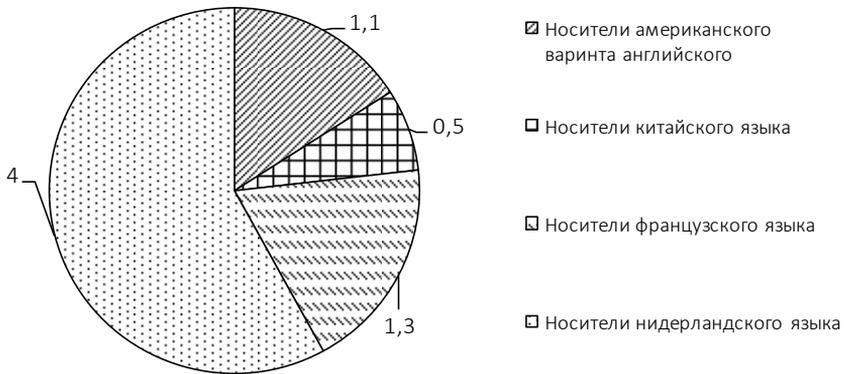

Рис. 3. Количество метакоммуникативных вставок в речи носителей разных языков

На рис. 3 показано среднее количество метакоммуникативных вставок в одном монологе, записанном от носителя того или иного языка. Полученные результаты во многом можно объяснить тем, что методика записи монологов-рассказов на заданную тему может быть неполноценна: часто информанты замолкают, не зная, что конкретно им нужно рассказывать, боясь совершить множество ошибок, и экспериментатору-интервьюеру приходится задавать дробные вопросы по теме (см., например: [Казак 2015]). При записи речи голландцев мы старались учесть эту специфику и как можно реже задавать вопросы, что провоцировало говорящих на использование метакоммуникации в ситуациях речевых затруднений.

Психологические характеристики говорящего влияют на его речь как на родном, так и на неродном языке. Практически все информанты перед диктофонной записью проходили тест Г.Ю. Айзенка на определение психотипа (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик) и уровня экстр-

раверсии¹. В корпусе САТ есть данные по русскоговорящим информантам (юристам, студентам) и иностранцам (китайцам, французам и голландцам). На рис. 4 можно видеть соотношение количества МВ в речи русскоговорящих и иностранных информантов разных психологических групп.

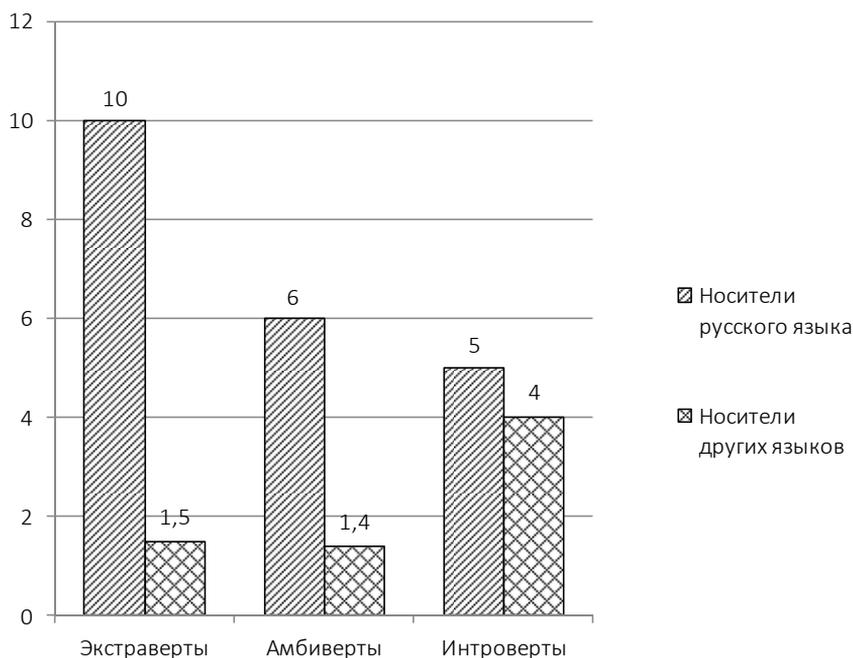

Рис. 4. Количество метакоммуникативных вставок в монологах русскоязычных и иноязычных говорящих разных психологических типов

Цифры на рис. 4 представляют среднее количество МВ, использованных одним говорящим во всех его текстах. При порождении монолога на родном языке экстраверты чаще включают в свою речь разного рода метакоммуникативные вставки, однако при выполнении того же речевого сценария на неродном языке это чаще делают интроверты.

Таким образом, можно заключить, что говорящие на родном и неродном языках информанты используют разного рода метакоммуникативные вставки для продвижения по тексту монолога. Метакоммуникативный репертуар носителей русского языка несколько шире, чем у иностранцев, однако основные типы МВ (дискурсивные маркеры, маркеры поиска и самокоррекции) присущи как речи русскоговорящих на родном языке, так и русской речи иностранцев.

¹ Важно отметить, что инофоны проходили такое тестирование либо на родном языке (французы, китайцы), либо на английском (голландцы), что обеспечило им больший комфорт при ответах на вопросы, связанные с «личным пространством» говорящего, и большую достоверность полученных данных.

Думается, что необходимо продолжать исследование процесса, функций и видов метакоммуникации, в том числе в типологическом аспекте, поскольку можно предположить, что некоторый общий набор метакоммуникативных функций наличествует в любом языке мира¹.

Список литературы

- Арюхина Е.Г.* Метакоммуникативные высказывания, управляющие содержательной стороной диалога и интенцией высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 22 с.
- Богданова Н.В.* Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 153–157.
- Богданова Н.В.* Вставные конструкции в звучащем спонтанном монологе (к проблеме построения грамматики русской речи) // Вопросы культуры речи. Вып. 10 / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: АСТ-ПРЕСС, 2011. С. 204–212.
- Богданова Н.В.* Синтаксические признаки устной монологической речи и степень их диагностичности для дифференциации социальных характеристик говорящего (к постановке проблемы) // Материалы XXVII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 16–22 марта 1998 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1998. С. 62–68.
- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Верховцева Т.А.* «Реконструкция конструкции»: о процессе становления в устной речи одного из вербальных хезитативов // Сборник материалов XIX Открытой конференции студентов-филологов (18–22 апреля 2016 г., СПбГУ). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016а. (В печати).
- Верховцева Т.А.* Функционирование конструкции (...) как это (...) в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. 2016б. № 3 (9). С. 11–18.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. 2014. 396 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ,

¹ Материал SAT предоставляет такую возможность, так как содержит, помимо интерферированной русской речи носителей других языков, еще и записи сходных по теме монологов тех же говорящих на их родном языке: американском английском, французском и китайском. Такое исследование может стать перспективой настоящего исследования.

2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2: Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов 2015. 364 с.

Казак М.В. Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). СПб., 2015. 75 с.

Кашкин В.Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности: Материалы выступлений на V Международной конференции РКА «Коммуникация-2010» / под ред. М. Б. Бергельсон. М.: МГУ, 2010. С. 193–196.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Маслова Е.Р. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи. СПб., 2016. 81 с.

Шершнева Д.М. Да как лексическая и функциональная единица русской речи // *Studia Slavica XVIII*. Таллинн: Таллиннский ун-т, 2015. С. 270–278.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // *Lecture Notes in Computer Science*. 2009. Vol. 5729 LNAI. P. 250–257.

References

Aryukhina, E.G. (2005), *Metakommunikativnye vyskazyvaniya, upravlayushchie sodержatel'noi storonoi dialoga i intentsiei vyskazyvaniya* [Meta-communicative Utterances Controlling Semantics of a Dialog and Intention of an Utterance], Author's abstract, Belgorod, 22 p.

Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation. *Lecture Notes in Computer Science*, Vol. 5729 LNAI, pp. 250-257.

Bogdanova, N.V. (2012), The Construction (...) skazhem (...) in Colloquial Russian Speech (Materials for the Dictionary of Discursive Units). *Herald of Kalmyk Institute of Humanitarian Sciences of RAS*, No. 2, pp. 153-157. (in Russian).

Bogdanova, N.V. (2011), Vstavnye konstruksii v zvuchashchem spontannom monologe (k probleme postroeniya grammatiki russkoi rechi) [Expletive Constructions in Spontaneous Monologue (to the Problem of Creation of Russian Speech Grammar)]. *Voprosy kultury rechi* [Questions of Standards of Speech], Chief ed. A.D. Shmelev, Moscow, AST-Press publ., No. 10, pp. 204-212.

Bogdanova, N.V. (1998), Sintaksicheskie priznaki ustnoi monologicheskoi rechi i stepen' ikh dialogichnosti dlya differentsiatsii sotsial'nykh kharakteristik govoryashchego (k postanovke problemy) [Syntactic Features of Oral Monologue and the Degree of its Dialogueness for the Differentiation of Social Characteristics of the Speaker (to the Raising of the Problem)]. *Materialy 27 Mezhevuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov* [Materials of the 27th All-University Scientific and Methodical Conference for Professors and Candidates], No. 2, grammatical section (Russian and Slavonic), Saint Petersburg, SPGU publ., pp. 62-68.

- Kashkin, V.B. (2010), *Metakommunikatsiya v prostranstve obydennoogo i nauchnogo poznaniya* [Meta-communication in the Area of Ordinary and Scientific Cognition]. *Kommunikativnoe prostranstvo: izmereniya, predely, vozmozhnosti* [Communicative Area: Dimensions, Limits, Potential], Materials of the 5th International Conference RCA: Communication-2010, ed. by M.B. Bergelson, Moscow, MGU publ., pp. 193-196.
- Kazak, M.V. (2015), *Pauzy khezitatsii v spontannoi rechi na rodnom i nerodnom yazykakh (na materiale rechi frankofonov)* [Pauses of Hesitation in Spontaneous Speech of Native Speaker's and Foreigners (based on the Francophone's Speech)], Master's Dissertation, Saint Petersburg, 75 p.
- Makarov, M.L. (2003), *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of a Discourse Theory], Moscow, Gnosis publ. 280 p.
- Maslova, E.R. (2015), *Funktsionirovanie kontaktnykh glagol'nykh form v russkoi ustnoi rechi* [Functioning of Contact Verbal Forms in Russian Oral Speech], Master's Dissertation, Saint Petersburg, 81 p.
- Shershneva D.M. (2015), Da kak leksicheskaya i funktsional'naya edinita russkoi rechi [Da as a Lexical and Functional Unit of Russian Speech]. *Studia Slavica* 18, Tallinn, Tallinn University publ., pp. 210-278.
- Verkhovtseva, T.A. (2016a), "Rekonstruktsiya konstruktivnoi": o processe stanovleniya v ustnoi rechi odnogo iz verbal'nykh hezitivov ["A Reconstruction of a Construction": about the Process of Formation of one of Verbal Hesitatives in Oral Speech]. *Proceedings of the XIXth Open Philology Students' Conference*, April 18-22, Saint Petersburg State University, Department of Philology (in print).
- Verkhovtseva, T.A. (2016b), Constructoin (...) kak eto (...): functioning in oral spontaneous speech. *Communication Studies*, No. 3, pp. 11-18. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1978), *Metatekst v tekste* [Metatext in the Text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New trends in foreign linguistics], ed. by T.M. Nikolaeva, Moscow, Progress publ., No. 8, pp. 402-421.
- (2015), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Material for Analysis of the Russian Speech], Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects, ed. by N.V. Bogdanova-Beglarian, St. Petersburg, SPGU publ., 364 p.
- (2014), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Material for Analysis of the Russian Speech], Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language, ed. by N.V. Bogdanova-Beglaryan, St. Petersburg, 396 p.
- (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Material for Analysis of the Russian Speech], Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description, ed. by N.V. Bogdanova-Beglaryan, St. Petersburg, SPGU publ., 532 p.
-

META-COMMUNICATIVE INSERTIONS IN RUSSIAN ORAL SPONTANEOUS SPEECH OF NATIVE SPEAKERS AND FOREIGNERS

K.D. Zaides

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract: The article presents a description of main types of meta-communicative insertions occurred in oral spontaneous monologues produced by native Russian speakers and foreigners who learn Russian. Meta-communication is “a text about a text”, “communication about communication”; peculiar speaker’s reflexion on what was said or what will be said. As a source of material for the investigation we used oral spontaneous monologues from the part of the Speech Corpus of Russian Everyday Communication, one of the largest databases of modern Russian colloquial speech. This block – Balanced Annotated Collection of Texts is the corpus of monologues recorded from different native Russian speakers (doctors, lawyers, programmers, students and lecturers; elders and youth; extraverts and introverts; men and women, having higher or lower level of the speech competence) and foreigners (native speakers of American English, Dutch, Chinese and French; extraverts and introverts, having different levels of learning Russian; most of them are students). Attention is focused on quantitative and qualitative characteristics of the material. In the article main types of meta-communicative insertions in Russian speaker’s monologues are compared to the same in foreigner’s monologues and its functions in specific discourse are compared as well. The study of meta-communicative elements in the oral communication of speakers, for which Russian is native, or mother tongue or second, or learning language, allows to understand better the mechanisms of learning a language and to describe communicative strategies used by speakers in the process of speech production in another language.

Key words: meta-communication, meta-communicative elements, oral spontaneous speech, monologue, corpus linguistics, second language.

For citation:

Zaides, K.D. (2016), Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 19-35. (in Russian).

About the author:

Zaides Kristina Denisovna, Bachelor of Philology

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: Zaidi94@mail.ru

Received: July 26, 2016

СЛОЖНЫЕ ПРАГМАТЕМЫ-РЕДУПЛИКАТЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ

Т.И. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Единицы устной речи за счет частоты своего использования могут в процессе функционирования подвергаться различным изменениям (фонетическим, морфологическим, лексическим). Такие изменения способствуют перемещению этих единиц из класса речевых (несущих основное лексическое значение и «работающих» на содержание речи) в разряд условно-речевых, которые, в частности, помогают говорящему выстраивать дискурс. Анализ корпусного материала, в котором фиксируются все эти изменения, вынуждает поставить задачу более подробного рассмотрения таких единиц, а также детального их описания с точки зрения семантических и функциональных особенностей. Статья посвящена рассмотрению особого класса подобных функциональных единиц устной речи, образованных путем редупликации (повтора-отзвучия): *туда-сюда, то-сё, так-сяк, там-сям, такой-сякой, так-эт[о]ак*. Источником материала для анализа стали два корпусных массива устной речи: устный подкорпус Национального корпуса русского языка и блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка. В статье сделана попытка найти и обосновать адекватный термин для исследуемых единиц, а также экспериментальным способом решить вопрос об их исходной (словарной) форме: одна ли это единица или сочетание двух?

Ключевые слова: звуковой / устный корпус, русская устная речь, прагматема, маркер-аппроксиматор, редупликация.

Для цитирования:

Попова Т.И. Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 36–47.

Сведения об авторе:

Попова Татьяна Ивановна, бакалавр филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: tiporova13@gmail.com

Дата поступления статьи: 16.06.2016

1. Введение

С недавнего времени предметом особого внимания лингвистов стало функционирование в устном дискурсе не **речевых** (передающих основное содержание текста), а **условно-речевых** единиц, характеризующихся высокой употребительностью и повторяемостью в речи разных говорящих, помогающих структурировать текст, но не связанных напрямую с его содержанием. Появление обширных языковых и речевых корпусов способствовало повышению научного интереса к данному направлению. **Корпусный подход** позволяет сделать объектом внимания лингвиста большие массивы текстов и функционирующих в них единиц разного типа, а также определенным образом систематизировать эти употребления.

К классу условно-речевых единиц, среди которых исследователи выделяют вводные, модальные, служебные и прочие дискурсивные слова, можно отнести и группу **конструкций-редупликатов** с местоименным компонентом: *так-сяк, такой-сякой, туда-сюда, там-сям, то-сё, так-эт[д]ак* – во всем их структурном и функционально-семантическом разнообразии. Редуплицированность этих форм отражает общую тенденцию нашей устной речи к некоторой ритмичности, изохронности ее структурных компонентов, к созданию «гармонии речевого потока», истоки которой – в своеобразном «первичном ритме» и многих явлений природы, и работы человеческого организма [Тимофеев 1935]. Именно эта группа условно-речевых единиц и стала материалом для анализа в настоящей работе. Источником материала стали устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (см. о нем подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015]).

2. Основные понятия и поиск термина

В процессе устной коммуникации многие единицы утрачивают или в разной степени ослабляют свое лексическое значение, приобретая при этом те или иные функции – **прагматикализуются**. Лексема приобретает в результате свойства **прагматемы** (см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян 2014]). Например, когда говорящему по различным причинам, будь то трудности речепорождения, нехватка времени или просто стремление сэкономить усилия («лень человеческая»), необходимо опустить часть высказывания (обычно это бывает перечислительный ряд или чужая речь, полностью или частично), он использует особый тип дискурсивных единиц – **маркеры-аппроксиматоры** [Подлеская 2013; Богданова-Бегларян 2014].

В русской устной речи большое распространение получили подобные маркеры с местоименным компонентом, образованные путем особого рода морфонологического изменения, которое, вслед за Ф.Р. Минлосом

[Минлос 2004], будем называть **редупликацией**¹: *туда-сюда, то-сё, так-сяк, там-сям, такой-сякой, так-эт[д]ак*, ср.:

- (1) [№ 5, жен, 45] *Да / ну это знаете / каждый раз просто **на то / на сё** / что-то постричь там / деревья / почему-то всегда все ничего не делают / хотя полный штат работников* [Беседа с социологом на общественно-политические темы [Москва] // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП НКРЯ);
- (2) [Света, жен, 18] *Не успела. Или не захотела. Он думал / что я вечером приеду / а я уже в два дома была. И что-то **туда-сюда** / делать ничего не хотелось* [Разговор при встрече // Из материалов Ульяновского университета, 2007] (УП НКРЯ).

Уже в приведенных примерах можно обнаружить различные возможности расположения компонентов исследуемых **редупликатов**. Достаточно широкое варьирование их речевого оформления заставляет задуматься о том, являются ли редупликаты цельной **конструкцией**² или перед нами две (или более) разные единицы, объединенные той или иной функцией. В последнем случае не до конца решенным остается и вопрос выбора термина для этих единиц.

Данное исследование как раз и посвящено поиску возможного решения возникшей проблемы.

Некоторые исследователи склонны считать единицы, образованные путем редупликации, **сложными словами** (см., например: [Мельчук 1997; Крючкова 2004; Плунгян 2000]). Но даже это понятие уточняется каждый раз по-разному.

Так, В.А. Плунгян, вслед за И.А. Мельчуком, описывает признаки, которые в принципе характеризуют **словоформу** (слово) [Плунгян 2000: 20], и основным среди них он полагает **автономность**, т. е. способность единицы образовывать высказывание. Однако нередко встречаются случаи, когда единица не способна образовать минимальное высказывание, но при этом обладает такими свойствами, которые приближают её к автономной единице (см.: [Мельчук 1997: 175–211]).

Речь идет об особенностях поведения таких единиц в составе линейной текстовой цепочки или, иначе, об их **линейно-синтагматических свойствах**. Важнейшим из них является **отделимость**. Единицы, которые обладают этим свойством, вполне могут претендовать на то, чтобы также

¹ Важно отметить, что материал естественной речи на разных языках демонстрирует необходимость расширить понятие редупликации, зафиксированное в словаре [Виноградов 1990: 408], поскольку это явление не всегда ограничивается удвоением начального или целого, или предельным случаем редупликации – удвоением всего слова. Зачастую в литературе фиксируется именно изменение начальных звуков первого компонента редупликата (см., например: [Янко-Триницкая 1968; Крючкова 2004]).

² Под конструкцией в лингвистике (грамматике конструкций) понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина и др. 2010: 19].

называться словоформами, ср.: «Свойство **отделимости** (выделено мной. – Т. П.) формулируется следующим образом: единица А считается отделимой (от словоформы W), если существует такой контекст, в котором между А и W допустимо поместить по крайней мере одну бесспорную (т. е. автономную) словоформу» [Плунгян 2000: 21].

Но отделимость все-таки оказывается менее значимым свойством, так как, например, существует класс единиц, в которых подобная отделимость обеспечивается не другими автономными словоформами данного языка, а всего лишь их неполноценными аналогами, т. е. отделимыми, но не автономными единицами. Так, русская единица *друг друга*, хотя и состоит орфографически из двух словоформ, в действительности не допускает никаких вставных элементов между ними, кроме предлогов (*друг с другом, друг перед другом, друг навстречу другу* или *навстречу друг другу* и т. п.). Сходные свойства обнаруживают также русские неопределенные местоимения с *кое-* (типа *кое-кто, кое-где*) и отрицательные местоимения с *ни-/не-* (типа *никто, ничто, никакой, ничей, некого, нечего*): между *кое-* и *ни-/не-*, с одной стороны, и основой местоимения, с другой, так же как и в случае с *друг друга*, могут быть вставлены только предлоги (ср.: *кое с кем, ни у кого, не для чего, ни по какому, ни с чьим*), причем это единственно возможный порядок расположения предлога (ср. **с кое-кем, *у никого*), но, в отличие от предыдущего случая, предлоги могут быть отнюдь не любые, а исключительно первообразные, производные (ср.: *навстречу кое-кому, но не кое навстречу кому*).

Получается, таким образом, что рассмотренные выше компоненты редупликатов слабоотделимы и поэтому нельзя говорить об их автономности. Для таких единиц более актуальным становится свойство, которое А.И. Смирницкий назвал **цельнооформленностью** – наличие у компонентов распространенных в языке сложных слов «общих» словоизменительных морфем [Смирницкий 1956: 33–35].

Таким образом, можно сказать, что словоформа (слово) обычно обладает морфологической связностью, а **сочетания** словоформ – нет. Но система языка позволяет увидеть, что и «это свойство не является ни необходимым, ни достаточным для решения проблемы “словоформа или сочетание словоформ”: с одной стороны, бесспорные словоформы могут характеризоваться так называемой групповой флексией, с другой стороны, в принципе могут существовать и морфологически не связанные («раздельнооформленные») словоформы: ср. русские числительные типа *шестьдесят* с их парадоксальным “двойным склонением” (единица *-десять-* не является ни отделимой, ни, тем более, автономной)...» [Плунгян 2000: 24].

Думается, что именно поэтому «такие раздельнооформленные комплексы в русском языке, как *штучки-дрючки, шуры-муры, фигли-мигли* или *темным-темно, пьяным-пьяны* (равно как и многие другие случаи сло-

весной редупликации в языках мира)», следовало бы, по мнению В.А. Плунгяна, трактовать как единые словоформы [Плунгян 2000: 25].

Несколько иначе описывает подобного рода явления О.Ю. Крючкова [Крючкова 2004]. Пытаясь подобрать подходящий термин для конкретных случаев редупликации, она определяет понятие «слово» через наличие единого ударения, единого смысла компонентов, в нашем случае можно говорить об общей **функции**, выполняемой в речи данной единицей. Более того, О.Ю. Крючкова подчеркивает несоответствие признаков исследуемых единиц и признаков синтаксических конструкций: например, закрепленность в предложении, в высказывании. Так, в случае с *туда-сюда*, *так-сяк* второй компонент единицы никогда не встает на первое место.

Сложность описания явлений редупликации заставляет исследователя обратиться к данным системы языка. В ней обнаруживаются целые группы различных удвоений, обладающие особыми свойствами. В результате в работе О.Ю. Крючковой выделяются два класса сложных слов:

- **сложные слитные слова**, для которых на первом месте оказываются цельноформленность и единая семантическая составляющая (*большой-большой, крепко-накрепко*);

- **сложные составные слова**, для которых определяющий критерий – раздельноформленность (*ложки-вилки, друзья-товарищи*).

При таком подходе удвоения (редупликаты) типа *туда-сюда, там-сям* и др. могут трактоваться как сложные составные слова.

Таким образом, существующие лингвистические исследования позволяют увидеть, что термин **конструкция**, который можно было бы применить к исследуемым единицам, не вполне соответствует их языковой природе. Точнее было бы отнести их именно к классу **прагматем**, а конкретно, как уже было обозначено, – к маркерам-аппроксиматорам. Такая трактовка подчеркивает постепенное угасание плана содержания данных единиц, и употреблять в данном случае, вслед за другими исследователями, термин «слово», для которого семантическая составляющая является основной, представляется неверным. Прагматемы же можно охарактеризовать не только с функциональной, но и с формальной точки зрения, и тогда исследуемые единицы-редупликаты уместно называть **сложными прагматами**.

3.0 поиске начальной формы сложных редуплицированных прагматем (итоги эксперимента)

Проблема цельноформленности слова не случайно остается не до конца решенной. Обращение к разного рода отклонениям [Плунгян 2000] помогает увидеть, что система языка скрывает в себе очень много потенциальных возможностей, которые нельзя трактовать однозначно.

Эта проблема оказалась актуальной и для исследуемых сложных прагматем-редупликатов. В ряде употреблений дистантное расположение

компонентов такой прагматемы создавало трудности для понимания, анализа и интерпретации. Появились сомнения: не привело ли частое использование этих единиц в речи к тому, что компоненты распались, став автономными единицами?

Для более объективного решения данного вопроса показалось необходимым провести опрос с участием филологов. Задание для опрашиваемых было таково: познакомившись с контекстом, определить, сколько единиц употреблено – одна или две?

Для эксперимента были отобраны 25 употреблений исследуемых прагматем с наиболее часто встречающимся вариантом дистантного расположения компонентов. Характерной особенностью этой группы употреблений стал повтор лексических вставок разного типа, как знаменательных, так и служебных единиц, ср.:

- (3) [Зубов, муж] *Глаза с крыльями. Глаз так / глаз сяк. А на самом деле / в конечном счете / это всегда глаз / который творит мир и спасает умершего Осириса* [Беседа о Древнем Египте, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004] (УП НКРЯ);
- (4) [№ 0] *Но скажите / пожалуйста / вот вы получаете бумажку / где все расписано / сколько мы платим за мусор / за уборку / за то / за сё* [Беседа с социологом на общественно-политические темы [Санкт-Петербург] // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП НКРЯ).

В эксперименте приняли участие 44 испытуемых-филолога. Анализ полученных данных позволил выявить три группы употреблений. Группы формировались в соответствии с количественным показателем: значимым признавалось совпадение ответов в 60 % случаев и выше. Рассмотрим эти группы подробнее.

1. В первую группу вошли употребления, в которых, по мнению участников опроса, представлены две отдельные единицы (т. е. две разные прагматемы):

- (5) [№ 1, жен, 19] *А времени уже было / там паспорт ведь после двух получил. Пока сфотографировался / пока то / пока сё. Короче / вот* [Телефонный разговор двух студенток // Из коллекции НКРЯ, 2005] (УП НКРЯ).

Основным аргументом респондентов при выборе ответа был повтор единиц между компонентами прагматемы, а значит, и их самостоятельная синтаксическая связь с отдельными элементами высказывания:

- (6) [Ирина, жен] *Вот здесь вот при выдаче документов распечатаете / там / какие-нибудь клубы вечерние / дискотеки / еще что-то и скажете: «Марья Иванна / вам в этот вечер вам / наверное / было бы приятней куда-нибудь сходить / а вот рядом с отелем такой модный клуб / сякой модный клуб / еще что-то* [Тренинг туристической фирмы // Из коллекции НКРЯ, 2007] (УП НКРЯ).

Особенно сильным аргументом был повтор синонимичных единиц:
 (7) [Фёдоров Владимир, муж] *Евреи / которые во всей Европе были / так сказать / в это время / ну / неполноправные / им **и то запрещалось** / **и сё не разрешалось*** [В. Федоров. Лекция по истории: Абсолютизм XVIII века // Из коллекции НКРЯ, 2007] (УП НКРЯ).

Кроме того, в контекстах, попавших в эту группу, часто встречалось противопоставление, которое усиливало восприятие компонентов прагматемы как двух отдельных единиц:

(8) [А. Зализняк, муж, 77, 1935] *Пример «слышал еси» / «еси слышал» – один из многих примеров / который считалось / что тут нечего делать / просто **бывает так** / **бывает сяк** / пока не обнаружилось / что есть жёсткий закон / очень интересный / очень важный* [А. Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia. ГТРК Культура (2012)] (УП НКРЯ);

(9) [Львин, муж] *Ну неужели для ЦРУ важно / чтобы инфляция в Чехии была **не такой** / **а сякой**?* [Выступление Б. Львина на семинаре в Институте национальной модели экономики // Из коллекции НКРЯ, 1996] (УП НКРЯ).

Таким образом, по мнению участников опроса, в экспериментальном материале в большинстве случаев (14 употреблений из 25; 56 %) употреблены две разные единицы.

2. Ко второй группе было отнесено всего 4 употребления (16 %), в которых испытуемые-филологи увидели одну составную единицу. В этой группе между компонентами прагматемы располагаются соединительные союзы, и, видимо, благодаря этому единица воспринимается как единое целое, а редупликация ощущается более явно (и порой усиливается за счет других единиц):

(10) [Костиков, В. Терехов, муж, 21, 1935] *Вот и получается у вас **так да сяк** да всё **наперекосяк*** [В. Ордынский, Л. Агранович. Человек родился, к/ф (1956)] (УП НКРЯ) – в данном примере можно отметить расширение редупликации за счет использования рифмующегося с финальным компонентом сложной прагматемы слова *наперекосяк*;

(11) [M2] *ну вот // *П и значит они там сидят // там **то да сё** / там значит обсуждают там // а вы кем работаете ? бухгалтером ? о ! бухгалтер / да / это действительно серьёзная профессия / мамаша ему говорит (ОРД);*

В примере (12) подчеркнут один из глаголов речи, который очень часто сопровождает именно такой падежной формой прагматемы *то-сё*. Думается, что эту форму, учитывая частоту встречаемости именно в таком сочетании, можно называть парадигматически изолированной:

(12) [Виктор, О. Ефремов, муж, 35, 1927] *Посмотреть на тебя. **Поговоришь о том** / **о сём*** [Димка, А. Збруев, муж, 24, 1938] *Веч-*

но ты темнишь / Виктор! [А. Зархи и др. Мой младший брат, к/ф (1962)] (УП НКРЯ).

Стоит привести один из комментариев к данной трактовке исследуемых единиц: «получается местами какое-то расчлененное наречное местоимение – вроде как *кое-кто*, *кое-что*, местами напоминает фразеологизм с варьирующейся частью типа *каalinka-малинка*». Таким образом, мы снова возвращаемся к тому, что в системе языка существуют некие давно заданные потенциальные возможности, которые лишь постепенно реализуются в речи.

3. Некоторые употребления, использованные в экспериментальном материале, оказались спорными. Здесь представлены не только контексты с повтором союзов, но и с теми частями речи (местоимениями, предлогами), которые уже были отнесены респондентами в другие группы. Видимо, семантическое окружение редуцированных прагматом может влиять на восприятие их употреблений в речи.

Такие «переходные» употребления составили третью группу (7 примеров; 28 %):

- (13) [муж, 54, 1999] *Я всё знаю. Где бы / кто бы / с кем бы. Там ли / сям ли / о том ли / о сём ли / мне всё известно* [Премьер-министр, Ю. Любимов, муж, 46, 1917] *Ммм... Ну что ж / хорошос. Вот вы мне и скажите / с кем я только что разговаривал и о чём* [Н. Кошеверова и др. Каин XVIII, к/ф (1963)] (УП НКРЯ);
- (14) [№ 5, жен, 45] *Да / ну это знаете / каждый раз просто на то / на сё / что-то постричь там / деревья / почему-то всегда все ничего не делают / хотя полный штат работников* [Беседа с социологом на общественно-политические темы [Москва] // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП НКРЯ);
- (15) *Ну правильно / имидж / он и наглостью своей этой всей берет / что да / я наглый / я такой / я сякой / я всё смогу* [Беседа с социологом на общественно-политические темы [Москва] // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП НКРЯ).

Думается, что такое распределение мнений позволяет создать некоторую классификацию формальной структуры сложных прагматом.

В первую группу можно отнести прагматы, которые употребляются в своих начальных (словарных) формах:

- *Туда-сюда;*
- *То-сё;*
- *Так-сяк;*
- *Там-сям;*
- *Такой-сякой;*
- *Так-эт[д]ак.*

Вторую группу составляют случаи раздельнооформленного употребления прагматом (первая и вторая группа в эксперименте). Характерный для исследуемых единиц принцип раздельного оформления компонентов способствует проницаемости. А то, что разделяются компоненты в основном повторяющимися элементами, говорит об их связности. Как

написал один из участников опроса: «“сяк” без “така” не работает». Получается, что принцип **редупликации** является для этих единиц образующим и скрепляет сложную прагмату даже при дистантном употреблении ее компонентов.

Ряд контекстов, по мнению филологов, демонстрирует употребление компонентов прагмату как «отдельных синтагм» внутри высказывания:

- (16) [№ 5, жен, 50] *Ну может быть и хорошо / потому что она как бы не отвлекает внимание там на брошечку / на кошечку / **на то / на сё** / поэтому она / может быть и хорошо даже / что у неё какой-то такой стиль свой / деловой* [Беседа с социологом на общественно-политические темы [Москва] // Фонд «Общественное мнение», 2004] (УП НКРЯ).

Стоит, однако, отметить, что в материале исследования представлены записи устной речи, поэтому говорить о наличии жесткого синтагматического членения внутри высказывания довольно сложно. Более того, на такое восприятие, как можно предположить, вновь влияет исходная расчлененность формы. Редупликация, как повтор, ритмизирует речь, употребление редуплицированных прагматем, как уже было показано, дает возможность соотнесения их компонентов. Потому пауза между элементами составной функциональной единицы не формирует «автономные словоформы», как их назвал бы В.А. Плунгян, а лишь создает речевой ритм.

Действительно спорными можно считать лишь те случаи, в которых встретилось противопоставление, ср.:

- (17) [Львин, муж] *Не описательную часть / а там / где «по нашему мнению надо делать **так-то** / но власти считают / что надо делать **сяк-то**»* [Выступление Б. Львина на семинаре в Институте национальной модели экономики // Из коллекции НКРЯ, 1996] (УП НКРЯ).

Здесь действительно можно говорить о том, что элементы прагмату приобрели некую самостоятельность. И такие примеры логично отнести к третьей группе, оставаясь на позициях убежденности в том, что редупликация вновь заставляет воспринимать эти единицы как единое целое, потому что «“сяк” без “така” не работает». Неоднозначность восприятия обусловлена тем, что сталкиваются семантика и прагматика, так как противительный союз вносит в высказывание дополнительный оттенок, но при этом в примерах остается ярко выраженной аппроксимативная функция прагматем.

Итак, результаты проведенного эксперимента позволили увидеть, что вопрос о выборе начальной формы исследуемых прагматем является сложным. Поэтому все контексты, которые, по результатам опроса, составили третью группу, требуют более детальной структурной характе-

ристики, которая позволит увидеть, можно ли представить все ситуации употребления редупликатов в виде конечного списка, или это потенциальные возможности, которые раскрываются только как частные случаи, появляющиеся в спонтанной речи.

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI в. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Виноградов В.А.* Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 408.
- Крючкова О.Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8. С. 63–83.
- Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Almanach, 1997. 544 с.
- Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
- Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.
- Подлесская В.И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Вып. 12 (19): в 2 т. / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. Т. 1: Основная программа конференции. С. 631–643.
- Рахилина Е.В., Плунгян В.А., Кузнецова Ю.Л.* Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 583 с.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка / подгот. к печати и ред. В.В. Пассек. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 260 с.
- Тимофеев Л.И.* Ритм // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9 / редкол.: П.И. Лебедев-Полянский, И.Л. Маца, И.М. Нусинов. М.: Советская энциклопедия, 1935. Стб. 700–703.
- Янко-Триницкая Н.А.* «Штучки-дрючки» устной речи (повтор-отзвучие) // Русская речь. 1968. № 4. С. 48–52.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // Lecture Notes in Computer Science. 2009. Vol. 5729 LNAI. P. 250–257.

References

- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One

- Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation. *Lecture Notes in Computer Science*, Vol. 5729 LNAI, pp. 250-257.
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014), Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi (opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya) [Pragmatemes in Colloquial Speech (Definition of the Term and General Typology)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [*Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*], No. 4, pp. 7-20.
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovsky, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Everyday Communication: New Methodology of Speech Analysis]. *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 20 veka* [*Language and Method: Russian Language in the Linguistic Research of 20th century*], ed. by D. Szumska, K. Ozga, Krakow, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego publ., Iss. 2, pp. 357-372.
- Janko-Trinitetskaya, N.A. (1968), "Shtuchki-dryuchki" ustnoi rechi (povtor-otzvuchie) ["Shtuchki-dryuchki" (stunts) of Colloquial Speech (Repetition-resounds)]. *Russkaya rech* [*Russian Speech*], No. 4, p. 48-52.
- Kryuchkova, O.Yu. (2004), Voprosy lingvisticheskoi interpretatsii leksicheskoi reduplikatsii v russkom yazyke [Questions of the Linguistic Interpretation of Lexical Reduplication in the Russian Language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [*Russian Language in the Scientific Light*], No. 8, pp. 63-83.
- Melchuk, I.A. (1997), *Course of the General Morphology*, Vol. 2, Moscow, Languages of Russian Culture, Vienna, Vienna Slavic Almanac, 544 p. (in Russian).
- Minlos, F.R. (2004), *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavyanskikh yazykakh* [*Reduplication and Pair Words in East Slavic Languages*], Moscow, 20 p.
- Plungyan, V.A. (2000), *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [*General Morphology. An Introduction to the Problems*], Moscow, Editorial URSS publ., 383 p.
- Podlesskaya, V.I. (2013), Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2013), Iss. 12, RGGU publ., Vol. 1, pp. 619-632. (in Russian).
- Rakhilina, E.V., Plungyan, V.A., Kuznetsova, Yu.L. (2010), *Lingvistika konstruktivnaya* [*Construction Linguistics*], Moscow, Azbukovnik publ., 583 p.
- Smirnitky, A.I. (1956), *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [*Lexicology of the English Language*], Moscow, Izdatelstvo na inostrannykh yazykakh publ., 260 p.
- Timofeev, L.I. (1935), Rhythm. *Literary Encyclopedia*, Vol. 9, Moscow, co. 700-703.
- Vinogradov, V.A (1990), Reduplication. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, V.N. Yartseva, Moscow, Soviet Encyclopedia publ., 408 p. (in Russian).
-

**COMPLEX PRAGMATEME-REDUPLIKATES IN SPOKEN RUSSIAN:
PROBLEMS OF DESCRIPTION AND OPTIONS OF SOLUTION****T.I. Popova***Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)*

Abstract: Frequent use of some units of speech leads to changes (phonetic, morphological, and lexical). These changes contribute to the movement of these units from the class of speech (carrying the main lexical meaning and “working” on the content of speech) to the category of conditional-speech, which, in particular, help the speaker to build a discourse. Using the analysis of corpus material, where all of these changes are fixed, we can set a challenge of more detailed overview of such units, as well as detailed description in terms of semantic and functional characteristics. The article is devoted to a special class of these functional units of speech, formed by reduplication (repetition-resounds.): *tuda-s’uda*, *to-s’o*, *tak-s’ak*, *takoj-s’akoj*, *tak-et[d]ak*. Analysis is based on the material, provided by two corpuses of speech: spoken subcorpus of the Russian National Corpus and the block “One Speaker’s Day” of the Speech Corpus of Russian Everyday Communication. The article is setting a task of finding and substantiating an appropriate term for the test units. Also, by using an experimental way, we are trying to solve the issue of their original (dictionary) form and answer the question: is it a single unit or a combination of two?

Key words: sound / oral corpus, Russian colloquial speech, pragmatema, approximation marker, reduplication.

For citation:

Popova, T.I. (2016), Complex pragmateme-reduplikates in spoken Russian: problems of description and options of solution. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 36-47. (in Russian).

About the author:

Popova Tatiana Ivanovna, Bachelor of Philology

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tipopova13@gmail.com

Received: June 16, 2016

**ВРОДЕ НИЧЕГО ХОРОШЕГО, А ХОРОШО!
ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ С ЧАСТИЦАМИ В УСТНОЙ РЕЧИ**

Д.С. Савченко

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Статья посвящена противительным оборотам с модальными частицами (на примере *вроде X, но P*) в русской устной речи. В этой позиции частица (маркер) приобретает противительное значение и практически перестает выражать приблизительность (*вроде бы не родственники / а ведут себя как родственники*). Но при этом противительность часто задается употреблением частицы (после *вроде X* противительная часть ожидается или может быть достроена из контекста). Такие обороты приобретают черты устойчивости. Однако поскольку противительная конструкция не меняет своего основного значения, то добавление частицы в ее начале, на наш взгляд, следует считать только модификацией. Вероятно, частица подчеркивает иерархию элементов X и P (P важнее X), а также ещё более сближает противительную конструкцию с уступительной (такие структуры называются уступительно-противительными). В статье приводятся также сходные обороты с частицами: *как бы X, P; типа X, P; казалось бы X, P; якобы X, P; по идее X, P; в принципе X, P*, которые обладают аналогичными свойствами.

Ключевые слова: устная речь, корпус, частица, маркер, союз, противительность, конструкция.

Для цитирования:

Савченко Д.С. Вроде ничего хорошего, а хорошо! Противительные обороты с частицами в устной речи // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 48–54.

Сведения об авторе:

Савченко Дарья Сергеевна, магистр лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: gilea777@gmail.com

Дата поступления статьи: 29.09.2016

Устная речь часто становится объектом исследования в современной лингвистике. Много внимания уделяется частицам (маркерам) с модальным значением, их семантике и прагматике. Данная статья посвящена менее изученному их аспекту – синтаксическому. На примере частицы *вроде* показано, как они могут создавать особые, достаточно распространенные в устной речи, устойчивые обороты, в данном случае – с противительной конструкцией.

Исследование проведено на материале 226 контекстов из подкорпуса «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка и 1 200 контекстов из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ).

Маркер *вроде* при противительной конструкции обладает двумя особенными свойствами. Во-первых, он перестает (или практически перестает) выражать приблизительность, ср.:

- (1) [№ 7, муж] *Взрослый меняется / меняется и ребенок / вплоть до того / что я вижу как / **вроде бы не родственники / а ведут себя как родственники*** [Телепередача о беспризорных детях // Из коллекции НКРЯ, 2005].

В речевое намерение говорящего очевидно не входит сигнализировать, что *не родственники* – это неточно, ведь речь идет о беспризорниках и помощниках-волонтерах. Во-вторых, в некоторых из таких контекстов противительность задается употреблением частицы, после нее обязательно ожидается вторая противительная часть:

- (2) [Е. Хрусталева, жен] [Смеется] *Вот правда / положила руку на сердце / ну **вроде ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну !*** [Устюжна. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009].

В контексте (2) опущена вторая часть, но она ожидается: восклицательная интонация, императив *гляньте* с усилительной частицей *вот* вряд ли могут сочетаться с аппроксимацией. И действительно, полный вид фразы таков:

- *Вот правда / положила руку на сердце / ну **вроде ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну ! А хорошо !***

При этом, если убрать частицу *вроде*, вторая противительная часть перестанет быть ожидаемой:

- *Вот правда / положила руку на сердце / ну **ничего у нас нет хорошего / вот вы гляньте / ну !***

Таким образом, можно говорить об определенной степени устойчивости сочетаний *вроде X, (а/но/однако...) P* (далее будет использоваться краткая запись (*вроде X, P*)).

Обороты такого рода встретились в 43 контекстах в ОРД (из 226 – 19 %) и в 191 контексте УП НКРЯ (из 1 200 – 16 %).

С точки зрения структуры, X и P в большей части случаев являются предложениями или даже цепочкой предложений:

- (3) [ЖХ] *что-то голова так грязниться стала // знаешь / вроде в шапке ходишь // *П а все равно* (ОРД);
- (4) [M1] *вот мы с ним вроде обсуждали несколько вариантов даже к чему-то пришли мне казалось // *П но здесь опять написана вот эта тема так что / здесь я надеюсь может сегодня я опять сегодня с ним встретиться и еще раз поговорить ...* (ОРД).

Частица не стоит в абсолютном начале предложения X, а присоединяется к тому элементу, который участвует в противопоставлении:

- (5) [И120] *итак внимание / пушка // представляете себе пушку ?*
[Ж2] *да // [И120] у нее ствол // *П он вроде бы мальчик // *П ствол / да ? *П но у него есть дуло* (ОРД);
- (6) [И21] *не глупый вроде парень / но он просто как-то потерял себя // *П что он / кто он / сам уже не понимает* (ОРД).

В примере (6), в соответствии с принципами актуального членения в устной речи, наиболее важная часть (*не глупый*) перенесена в начало фразы и интонационно выделена, а частица стоит в постпозиции к ней.

Примечательно, что между первой частью X и противопоставленным ей P может быть значительное расстояние. Например, в контексте (7) говорящий долго обосновывает противопоставление, а P появляется в конце, как вывод из сказанного:

- (7) [И104] *да / да / они вот пели / они пели / слушай(:) / вот / они очень чудесные ребята // они очень прикольные постановочки ставят // вроде бы / самое смешное что *Н блин / вроде бы банальщина / а тут короче знаешь / посмотрел там / тум тум тум / разные костюмы / разные эмоции / по-разному на сцене прыгают / блин / уже совершенно другой спектакль короче // немножко по-другому эмоции преподнесли короче / немножко по-другому пару сценок обыграли / приходишь так смотришь / блин / прикольно* (ОРД).

Маркирование X-а частицей в таком случае еще и помогает удерживать противопоставление в памяти слушателя, ведь на него уже как будто дана заявка (*вроде бы / самое смешное что *Н блин*).

Наконец, второй элемент конструкции P может отсутствовать, но он подразумевается:

- (8) [И21] *мне там чего свои порядки наводить / воспитывать его ? да на х*р они мне нужны / мне проще свалить вообще подальше от такой семейки // вроде нормальные люди были // *П ну / мама одна / видишь / отца нет // *П всю жизнь его баловала его* (ОРД).

Озвучивание P (*вроде нормальные люди были, *а теперь ненормальные*) представляется излишним: тон речи, выбор лексики демонстрируют отношение говорящего к предмету речи. Возможность опущения P при

сохранении семантики противительности за счет частицы *вроде* также говорит об устойчивости данного оборота.

Далее рассмотрим, какой вклад частица вносит в семантику противительной конструкции.

Значение противительных конструкций обычно описывается как «не-норма»: «несоответствие ожиданию», «обманутое ожидание» [Lakoff 1971], «отклонение от нормальной картины мира» [Вольф 1986: 104], противодействие «нормальному заключению» [Урысон 2005], «ненормальное следствие», нарушение «нормального хода событий» [Санников 2008: 248]. В.З. Санников пишет, что противительные конструкции выражают несоответствие следующим «общим принципам мироощущения человека»:

1) «принцип статичности (ненормально возникновение или исчезновение чего-л.)»;

2) «принцип последовательности (если отметилось отклонение, то нормально движение в том же направлении)»;

3) «принцип гармоничности (нормально, что признаки предмета относятся к одному полюсу)»;

4) «принцип соответствия» (нормально, когда высказывания соответствуют правде, а обещания, угрозы, приказы и т. д. выполняются);

5) «принцип активности (имея желание или цель, человек стремится их выполнять)» [Санников 1989: 162–164].

В.З. Санников отмечает, что решающим в конструкции всегда будет второй элемент Р (даже если это противоречит здравому смыслу, например: *Он заболел, но пошел в поликлинику*) [Санников 2008: 257]. При этом Р не соответствует норме не сам по себе, а только при наличии Х-а, как, например, в (1): вести себя как родственники ненормально, только если вы не связаны кровными узами, в противном случае это ожидаемое поведение.

Противительная конструкция с *вроде*, в отличие, например, от конструкций с маркером *по идее* (Х, Р) (которая выражает несоответствие идеального положения вещей и реального [Капустина 2016]), не обладает отдельным значением. Семантику всех наших примеров можно описать через «ненормальное следствие» без оговорок. Например:

(9) [№ 1, жен, 19] **Он [пуховик] / вроде / тонкий такой / но теплый.** [№ 2, жен, 27] *Только пух есть из швов* [Разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2005].

Значение этой конструкции можно описать как «пуховик – тонкий (Х), в нормальной картине мира тонкие вещи – не теплые, но, в то же время, этот тонкий пуховик теплый (Р)» (несоответствие принципу гармоничности, по В.З. Санникову). Обе части – Х и Р – относятся к плану реального (в отличие от *по идее* Х, Р).

Возникает вопрос, как же интерпретировать *вроде* в составе противительной конструкции. Можно предложить следующее объяснение: имеются две пропозиции – Х и Р. Обе пропозиции оцениваются говорящим как истинные (до определенной степени), однако Р – как более важное,

говорящий стремится сохранить и подчеркнуть его. Для этого он «ослабляет» X, снабжая его маркером приближительности. То есть практически «притворяется», что X – это что-то не совсем истинное, гипотетичное, приближительное, кажущееся. Частица служит дополнительным модальным средством (вместе с порядком X и P, где второй компонент всегда оценивается как более важный), усиливает и/или дополняет значение, заложенное в противительной конструкции, позволяет подчеркнуть иерархию X и P.

В этой трактовке акцент ставится на P, а не на X, который, по мнению О.В. Семёновой, говорящий пытается объяснить для себя, ср.: «говорящий убеждает себя, причём некатегорично, в происходящем, но это убеждение с оттенком сомнения, вторая часть заставляет думать об обратном, сигнализирует о противоположном» [Семёнова 2000: 12].

Структуры с модальной частицей еще сильнее сближают противительную конструкцию с уступительной: *несмотря на то, что X, P; хотя X, P (вроде бы не родственники, а ведут себя как родственники = несмотря на то, что они не родственники, они ведут себя как родственники)*. В.Ю. Апресян указывает на то, что уступительные конструкции (близкие к противительным¹) могут претерпевать ряд модификаций, в том числе «наращение гипотетичности»: *Пусть X, P* [Апресян 2006: 102–109]. Представляется, что присоединение частицы *вроде* – также способ модификации, причем она усиливает уступительное значение. Н.П. Перфильева относит подобные конструкции с двухместными сцепами и взаимным подчинением к особому классу уступительно-противительных, в которых первый компонент выражает уступительное значение, а второй – противительное [Перфильева 1983]. При такой интерпретации *вроде... а/но...* будет являться двухместным союзом (сцепом).

В устной речи обнаруживается целый ряд подобных структур **частица + противительная конструкция**: *вроде X, P; как бы X, P; типа X, P* (аппроксиматор + X, P) *казалось бы X, P; якобы X, P* (показывают отстраненность говорящего от содержания X); *по идее X, P; в принципе X, P* (обозначают несоответствие плана идеального плану реального). Представляется, что данные структуры обладают определенной устойчивостью и заслуживают отдельного описания.

Список литературы

Апресян В.Ю. Противительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 85–110.

¹ Ср. толкование: «Хотя P, Q = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'» [Апресян 2006: 105]. В.Ю. Апресян пишет, что союзы *хотя* и *но* «ненормального следствия» взаимозаменяемы практически во всех контекстах, однако *хотя* отличается большей категоричностью. Нельзя утверждать, что эти слова тождественны, однако думается, что вполне возможно провести такую параллель.

- Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–106.
- Капустина Т. Д. Особенности функционирования вводного слова «по идее» в устной спонтанной речи // Сборник материалов XIX Открытой конференции студентов-филологов (18–22 апреля 2016 г., СПбГУ). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. (В печати).
- Перфильева Н.П. Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1983. 193 с.
- Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
- Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989. 267 с.
- Семенова О.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «вроде»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 16 с.
- Урысон Е.В. Союз но, или что такое «обманутое ожидание»? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Наука, 2005. С. 469–481.
- Lakoff R. If's, and's and but's about Conjunction // *Studies in Linguistic Semantics*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 114–149.

References

- Apresyan, V.U. (2006), Protivitel'nost' kak sistemoobrazuyushchij smysl [Oppositeness as a framework concept]. *Voprosy jazykoznanija [Linguistics Questions]*, No. 2, pp. 85-110.
- Kapustina, T.D. (2016), Features of the parenthesis po idee as a unit of spontaneous speech [Osobennosti funkcionirovaniya vvodnogo slova “po idee” v ustnoj spontannoј rechi]. *Proceedings of the XIXth Open Philology Students' Conference*, April 18-22, Saint Petersburg State University, Department of Philology (in print).
- Lakoff, R. (1971), If's, and's and but's about Conjunction. *Studies in Linguistic Semantics*, New York, Holt, Rinehart and Winston, pp. 114-149.
- Perfilieva, N.P. (1983), *Ustupitelno-protivitelnyje konstrukcii s dvuxstoronnej svyazyu v sovremennom rusском literaturnom yazyke [Concessive-adversative constructions with two-piece copulation in modern Standard Russian]*, Thesis abstract, Novosibirsk, 193 p.
- Sannikov, V.Z. (2008), *Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in the semantic and pragmatic space]*, Moscow, 624 p.
- Sannikov, V.Z. (1989), *Russkije sochinitelnyje konstruksii: Semantika. Pragmatika. Sintaksis [Russian co-ordinate constructions: Semantics. Pragmatics. Syntax]*, Moscow, Nauka publ., 267 p.
- Semenova, O.V. (2000), *Morfologicheskij status i sintaksicheskie funkcii slova vrode [Morphological status and syntactic functions of vrode]*, Thesis abstract, Moscow, 16 p.
- Uryson, E.V. (2005), Soyuz no, ili chto takoe «obmanutoe ozhidanie»? [The conjunction no, or what the “disappointed expectation” is?]. *Komp'yuternaya lingvistika i in-*

tellectual'nye tekhnologii [Computer linguistics and intellectual technologies], Moscow, pp. 469-481.

- Volf, E.M. (1986), Ocenочnoe znachenie i sootnoshenie priznakov horosho/ploho [Appraisive meaning and good/bad characteristics relation]. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistics Questions], No. 5, pp. 98-106.

IT'S LIKE THERE'S NOTHING GOOD, BUT THERE IS!
ADVERSATIVE CONSTRUCTIONS WITH PARTICLES
IN COLLOQUIAL SPEECH

D.S. Savchenko

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract: The paper is dedicated to adversative constructions with modal particles (exemplified by *vrode X, P*) in the colloquial Russian language. When used in this position, the particle doesn't essentially express proximity (*vrode by ne rodstvenniki / a vedut sebya kak rodstvenniki = it's like they're not kin / but they behave like kin*). However, the particle often pre-sets the adversative construction (the second part is expected or can be constructed from the context after *vrode X*). Such phrases are becoming idiomatic, still due to the meaning of the adversative construction not altering we consider the addition of a particle only a modification. Apparently, the particle stresses the hierarchy of X and P (P being more important), and makes a closer bond between adversative and concessive constructions (such structures are called concessive-adversative). Similar construction with particles such as *kak by, tipa, kazalos' by, yakoby, po idee, v principe* are also introduced in the paper.

Key words: oral speech, corpus, particle, marker, conjunction, adversativity, construction.

For citation:

Savchenko, D.S. (2016), *It's like there's nothing good, but there is!* Adversative constructions with particles in colloquial speech. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 48-54. (in Russian).

About the author:

Savchenko Daria Sergeevna, Master of Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: gilea777@gmail.com

Received: September 29, 2016

О СПОСОБАХ «ВЫХОДА» ГОВОРЯЩЕГО ИЗ ХЕЗИТАЦИОННОЙ ЗАМИНКИ: ON-LINE И OFF-LINE КОРРЕКЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Чэнь Чэн

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматривается одно из хезитационных явлений в устной речи китайцев на русском языке – самокоррекция как своеобразный «выход» говорящего из хезитационной заминки, которые столь свойственны спонтанной речи, в том числе и на неродном языке. Внимание сосредоточено на двух основных стратегиях, которые использует говорящий для того, чтобы исправить ошибку или преодолеть речевое колебание. Условно, вслед за В.И. Подлесской и А.А. Кибриком, их можно назвать on-line и off-line коррекция. Эти реакции крайне частотны в речи разных говорящих и выполняют одновременно ряд других функций (поиск, метакоммуникация, рефлексия на сказанное и т. п.). Материал для исследования собирался по методике, разработанной для создания Сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) как одного из модулей Звукового корпуса русского языка. Состав информантов был сбалансирован социологически (гендер и уровень владения русским языком – II ТРКИ и III ТРКИ), все участники эксперимента прошли психологическое тестирование (тест Г. Айзенка для носителей китайского языка) для выявления их психотипа (экстраверт, амбиверт, интроверт). Все монологи были записаны в рамках четырех коммуникативных сценариев: чтение и пересказ текста (сюжетного и несюжетного), описание изображения (также сюжетного и несюжетного) и свободный рассказ на тему «Как вы проводите свободное время на каникулах?» Материалом для анализа стали, таким образом, 70 спонтанных текстов – по 7 от каждого из 10 испытуемых.

Ключевые слова: русская спонтанная речь, Звуковой корпус, Сбалансированная аннотированная текстотека, хезитационная заминка, хезитационное явление, пауза хезитации, самокоррекция, русский язык как иностранный.

Для цитирования:

Чэн Чэнь. О способах «выхода» говорящего из хезитационной заминки: on-line и off-line коррекция в русской речи носителей китайского языка // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 55–66.

Сведения об авторе:

Чэн Чэнь, аспирант кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: honey.susanna.91@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2016

1. Введение

Спонтанная речь редко бывает идеальной – мы то и дело тянем в задумчивости звуки, спотыкаемся, ошибаемся, повторяем отдельные слова или исправляем неудачно начатую фразу. Мелкие речевые колебания, отступления от принятых речевых образцов, самоперебивы, прерванные или «недостроенные» фразы обычны в нашей устной речи. Все эти типичные речевые явления часто объединяются понятием **хезитации** (речевое колебание, от англ. *Hesitation* – «колебание»), или **хезитационного явления** (ХЯ) (см., например: [Maclay, Osgood 1959; Николаева 1978; Бондаренко 1984; Фонетика спонтанной речи 1988; Александрова, Иваницкий 2003; Александрова 2004; Степанова 2006; Сапунова 2009а, б; Белицкая 2014]. Появление ХЯ в речи определяется тем обстоятельством, что в условиях спонтанного речепорождения говорящий вынужден говорить и думать одновременно, что создает ситуацию временного дефицита. Текст рождается непосредственно в момент речи, в результате возникает проблема выбора речевых единиц или просто продолжения речи, продвижения монолога вперед, это порождает речевые ошибки и заминки, которые говорящий вынужден исправлять или каким-то образом преодолеть, ср.: **хезитация** – это «перерыв, который говорящий использует для подготовки следующей порции и/или (при сочетании с коррекцией) – для обдумывания возможного способа исправления предшествующей порции» [Подлеская, Кибрик 2005].

Хезитационные явления в устной речи могут быть представлены как физической паузой (отсутствие всякой фонации, собственно перерыв в звучании, никак не связанный с синтаксическим строением текста; в расшифровках в настоящем исследовании обозначается как *l*, *ll* или *lll* – в зависимости от длительности), или разного рода звуковыми элементами (заполнителями паузы хезитации), в числе которых растяжки звуков (как гласных, так и согласных) (*у-у нас; во-о-т, с-с-сделали*), обрывы слов (*при... приехали*), повторы (*это это не так*), неречевые звуки (*э-э, а-а, м-м*), асемантические частицы, тяготеющие к «словам-паразитам» (*вот, ну, да*), коррекции (*на этой [ы-н] на [э-э] на [э-э] ll в этом дво... двор... цу*), и проч. (полный обзор таких ХЯ в русской речи носителей китайского языка см.: [Чэн 2016]). В данном исследовании объектом анализа стали случаи **самокоррекции** говорящего после обнаруженной им ошибки.

2. Материал, методика, информанты

Материалом для анализа стали спонтанные монологи разного типа (чтение и пересказ прочитанного текста, описание изображения и свободный рассказ на заданную тему), записанные от 10 информантов, носителей китайского языка (5 мужчин и 5 женщин примерно одного возраста: 23–25 лет), достаточно хорошо говорящих по-русски (II и III уровень ТРКИ, по данным тестирования¹). Этот материал стал частью Сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) как одного из блоков Звукового корпуса русского языка, создаваемого на филологическом факультете СПбГУ (подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013]). Во всех случаях, кроме свободного рассказа, исходными стимулами для порождения монолога были два разных предтекста / изображения – сюжетный и несюжетный, что открывает дополнительные возможности для анализа материала, который в результате может производиться с учетом не только различных характеристик информантов (социо- и психолингвистический аспект), но и характеристик самого материала (собственно лингвистический аспект).

Все информанты перед записью заполнили социологическую анкету и прошли психологическое тестирование, для которого был использован тест Г. Айзенка на китайском языке (см.: <http://types.yuzeli.com/survey/erq85>), что позволило разделить всех информантов на несколько групп с учетом их психологического типа: интроверты (И), экстраверты (Э), амбиверты (А) (см. подробнее: [Чэн 2016]).

Все звучащие тексты были расшифрованы на основе слухового анализа и представлены в псевдоорфографическом виде без знаков препинания, но с интонационной разметкой. В процессе расшифровки особое внимание было уделено хезитационным явлениям: отмечались все типы пауз, перебивы, неречевые звуки (*н-н*, *ы-н* и т. п.) и разного рода ошибки, коррекция которых и стала предметом настоящего исследования.

3. О типологии ошибок в устной речи и реакции на них говорящего

Известно, что текст способен породить сам себя, продолжаться и развиваться, или присловно, или тематически, ассоциативно, как угодно поспевая за мыслью. Textoобразование в спонтанной речи обнаруживает закономерности, существенно отличающиеся от организации письменной речи и реализующиеся, в частности, в появлении различного рода ошибок и их исправлении (самокоррекции).

В основу анализа была положена классификация ошибок при чтении, разработанная Е.М. Сапуновой ([Сапунова 2009а], см. также: [Звуковой корпус... 2013: 170]). Согласно этой классификации, ошибки в устной речи подразделяются на три типа.

¹ Тестирование информантов не входило в задачи настоящего исследования, оно проводится в СПбГУ централизованно для всех иностранных учащихся.

• Ошибки незамеченные

Подобные ошибки, не замеченные информантом в ходе чтения или говорения, естественно остаются и неисправленными. Ошибки такого рода никак не влияют на продолжение монолога, ср.:

1) *на [дальнейшей плане картины / находится-я [Гатчинский дворец / за-а [за небольши... ши... за небольшими лесом* (И2, муж., III ур., И, описание несюж.)¹;

2) *ну всё равно прикас... сается к её душе со всех сторону неизвестные ещё необы-чным впечатлением* (И8, муж., III ур., А, пересказ несюж.);

3) *а зато принято [надеть / побе... побежал кы [прачка / в нашем [дворе живёт* (И10, муж., III ур., Э, чтение сюж.);

4) *они они [как будто что [о чём-то [говорят / и вдали / ы-н изображается очень [старый [дворец* (И9, муж., II ур., И, описание несюж.).

Таких ошибок в русской речи носителей китайского языка довольно много; как видно из примеров, они могут быть самые разные – фонетические (*вдали*), морфологические (*на [дальнейшей плане; со всех сторону; кы [прачка*), синтактико-стилистические (*неизвестные ещё необычным впечатлением*), – но, в связи с отсутствием какой бы то ни было коррекции, подобные случаи из дальнейшего анализа исключались. Можно, впрочем, отметить, что ошибки такого рода все же часто появляются после некоторых колебаний говорящего: ср., например, наличие физической паузы хезитации (ПХ) перед неправильной грамматической формой в контексте (1) (*на [дальнейшей плане картины*) или даже внутри такой формы в примере (3) (*кы [прачка*). По-видимому, говорящий и в таких случаях все же заранее сомневается, «ожидает» ошибки, но по каким-то причинам не останавливается на ней, а продолжает монолог дальше.

• Ошибки замеченные, но неисправленные

Такой вид ошибок – самый «коварный», так как довольно сложно квалифицировать ошибку как замеченную, если она не была исправлена говорящим. Однако, принимая во внимание наличие ПХ, следующей непосредственно за ошибкой и ничем другим не объяснимой, предположим, что она означает именно тот факт, что ошибка была замечена говорящим, хотя и никак не исправлена [Сапунова 2009а: 90]. Ошибок такого типа в материале настоящего исследования встретилось немного, ср.:

5) *в картине / это-о [как гармония / н-н [ы-н [и-и [а видим картину / а-а [у нас есть такое чувство / а-а человек живут ву-у [пейзаже / в приро... в а в природь... в природе / м-м [с гармо... [а-а [с гармонией / и-и [всё-ё в порядке* (И3, жен., II ур., И, описание несюж.);

¹ Все примеры в статье атрибутированы: в скобках после контекста указан номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол, уровень ТРКИ (II или III), психотип (И, Э, А), а также тип текста (чтение, пересказ, описание, рассказ).

6) *герой [рассказа [н-н [будет-ы [будет-ы [ы-н [будет ехать **ву-у** вечеринку / и-и он он купил [ы-н [одну [новую [рубашку* (И5, муж., III ур., А, пересказ сюж.);

7) *у него буде-ет [ходить на вечеринку на во... [**на воскресенье** [и он купил [та-кую [такую красивую рубашку* (И2, муж., III ур., И, пересказ сюж.).

В примерах (5)–(7) есть явные свидетельства того, что говорящий заметил свою ошибку, которая произносится буквально в «хезитационном контексте»: различные ХЯ можно видеть и до ошибки, и внутри неправильно построенного фрагмента, и сразу после него (**а-а человек живу-ут ву-у [пейзаже; ву-у вечеринку / и-и он; на во... [на воскресенье]**). Последнее (хезитация после ошибки) и отличает данный тип от предыдущего. Коррекции, впрочем, и данные ошибки не подвергаются, так что из дальнейшего рассмотрения они также исключены.

• Ошибки замеченные и исправленные

В случае подобных ошибок, как можно предположить, срабатывает механизм контроля языковой правильности высказывания, определяемый применительно к спонтанной речи как «механизм сличения и оценки соответствия значения и/или формы данной единицы структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом» [Ейгер 1990: 10]. Этот механизм, как показали наши наблюдения, работает и в речи на неродном языке, хотя и в меньшей степени, чем в случае родного языка говорящего.

Подобные ошибки исправляются говорящим с использованием двух разных стратегий: сразу после ошибочного произнесения фрагмента – в терминах В.И. Подлеской и А.А. Кибрика, это **on-line коррекция** – или дистантно, после какой-то новой порции текста, в течение которой говорящий продолжает помнить об ошибке и возвращается к ней, чтобы исправить, – **off-line коррекция** (см.: [Подлеская, Кибрик 2005]). Именно такие контексты и стали объектом специального рассмотрения в настоящей статье.

4. On-line и off-line коррекция в русской речи носителей китайского языка (о способах «выхода» говорящего из хезитационной заминки)

Ошибки в спонтанной речи, замеченные говорящим и им же исправленные, подвергаются самокоррекции не только сразу (on-line) или дистантно (off-line), но также правильно или неправильно. Иными словами, ХЯ позволяют говорящему решать сразу несколько задач: например, поиск продолжения речи, иногда метакоммуникация или рефлексия на сказанное и самокоррекция. Рассмотрим разные ситуации такого рода более подробно.

• On-line коррекция:

8) *для неё [для него [<вздох> вокруг это просто темнота* (И8, муж., III ур., А, пересказ несюж.);

9) человек и человек... [и человек [вернул домой и заметил **это** [эту рубашку [н-н уже [меньше [(И10, муж., III ур., Э, чтение сюж.);

10) мне бухгалтер / **модру** [а-а **морду** [н-н [грозил набить / а я тут при чём / ах чёрт (И3, жен., II ур., И, чтение сюж.);

11) я-я с... [ы-н [сняла [ы-н [коммунальна... **ы коммунальную** комнату (И4, жен., III ур., И, рассказ);

12) он спросила можно ли [надеться [на... **надеть** [эту рубашку [на воскресенье (И2, муж., III ур., И, пересказ сюж.);

13) м-м [на этой [ы-н [на [э-э **на** [э-э [в этом дво... двор... цу // нет // ы-н [на [на дворе... на дворец (И1, жен., II ур., Э, описание несюж.);

14) ну рубаха такая маленькая / воротник [не-е сходится / и-и [ма... манжетки [на локтяк... **на локтях** (И1, жен., II ур., Э, пересказ сюж.);

15) ы-н **парень** ы-н [пареням [приходится наде-еть [ы эту-у [рубаху [и сверху (И6, жен., II ур., И, пересказ сюж.);

16) он заметил что [заметил что / ру... [ы-н [рубаха [садилась [стал очень **малый** (И4, жен., III ур., И, пересказ сюж.).

В контекстах (8)–(14) коррекция происходит в режиме on-line, сразу после обнаружения говорящим ошибочного употребления слова или формы, и ошибка исправляется правильно: говорящий запинается после нее, маркируя запинку тем или иным ХЯ ([, [а-а, ы), и тут же употребляет правильный вариант. W.J.M. Levelt сформулировал «главное правило прерывания», согласно которому говорящий стремится «остановить поток речи сразу после обнаружения проблемы, пусть даже посередине слова» [Levelt 1989: 478–482]. Это наблюдение полностью подтверждается на нашем материале, ср. также: [Гармаш 1999].

В примере (13) корректная форма *в этом* стоит довольно далеко от ошибочной *на этой*, что все же не выводит данный контекст за рамки on-line коррекции, так как между этими двумя формами находятся исключительно гезитационные явления: [ы-н [на [э-э **на** [э-э []. Говорящий в течение долгого времени повторяет предлог *на*, словно проверяя себя, правильную ли форму он употребил, – и, наконец, убедившись в ошибке, полностью меняет словоформу. Следующую ошибку – *в этом дво... двор... цу* – он тоже замечает, о чем свидетельствует метакоммуникативная вставка *нет* и новая довольно протяженная цепочка ХЯ: ы-н [на [– и новые, судя по всему, ошибочные, коррекции: *на дворе... на дворец*.

В контексте (15) ошибочная форма Им. п. *парень* в конструкции *парень приходится* исправляется на требуемую форму Дат. п., но при этом используется ошибочный облик данного слова – *пареням*. Новую ошибку говорящий, по-видимому, не замечает, а если и замечает (см. ПХ после неправильной формы), то оставляет без коррекции.

Исправление ошибки в контексте (16) также не «спасает» положения: неверное употребление формы несовершенного вида глагола (*рубаха*) *садилась* замечено говорящим, но в ходе коррекции глагольного вида

вместо правильного *села* он делает другую грамматическую ошибку: (*рубаха*) *стал малый*.

Вообще, во многих монологах, записанных от китайцев, встречаются ситуации своеобразного *нагромождения ошибок*, в том числе ошибочных коррекций, когда уже сложно понять ход мысли говорящего, ср.:

17) *в рубашке есть [н-н существует грязные [вещь [грязную вещь* (И10, муж., III ур., Э, пересказ сюж.);

18) *на реке осталось немно... немногие льдины / они пы... [они плы... [и в дальнейшей [на небе [облага [плы... [и ветер дует / и трава с движению ветер двигает* (И8, муж., III ур., А, пересказ несюж.).

Это, без сомнения, особенность именно русской речи нерусских говорящих, недостаточно владеющих русским языком. Часто, замечая и исправляя одну ошибку, говорящий не замечает других в том же контексте, ср.: *вернул домой* (9), *он спросила* (12), *надеть [эту рубашку [на воскресенье* (12), *немногие, в дальнейшей, облага* (18).

Любопытно, что даже после правильного исправления ошибки говорящий часто продолжает *гезитировать*, как бы непроизвольно реагируя (рефлексируя) на произведенную коррекцию. ХЯ, сопровождающие «выход» говорящего из такой гезитационной заминки, оказываются самыми разными: физические ПХ (*л*), неречевые звуки (*н-н*) и даже паралингвистические элементы – см. <вздых> в примере (8).

Видно также, что on-line коррекции подвергаются ошибки разного типа: фонетические (*модру, локтяк*), грамматические (*заметил это [эту рубашку*), смысловые, логические (*для неё [для него*).

Наш эксперимент показал также, что on-line коррекции в русской речи носителей китайского языка в равной степени встречаются во всех исследуемых типах монолога.

• Off-line коррекция:

19) *сначала ко мне приехали моё [э-ы [в Россию мои-и [родители* (И2, муж., III ур., И, описание несюж.);

20) *он хотел ы-н чистить [ы-н он хотел простирнуть [ы-н [рубаху / поэтому он побежал к прачку / и-и [на другой день [ы-н [герой [рассказа [ы-н [подошёл к прачке* (И5, муж., II ур., А, пересказ сюж.);

21) *стирать [ы-н [стирать комнату / чис-то-о [чистить комнату* (И4, жен., III ур., И, рассказ).

В случае off-line коррекции человек договаривает связный фрагмент до конца и лишь после этого исправляет сделанную ошибку. Исправление при этом снова может быть как правильным, так и неправильным. Так, форма *моё (родители)* правильно заменена на *мои* (19), словосочетание *чистить рубаху* – на *простирнуть рубаху* (20), форма *к прачку* – на *к прачке*, тогда как глагол *убирать (комнату)* так и остался говорящим не найден, ср. неверную коррекцию *стирать комнату* → *чистить комнату* (21). Часть ошибок при этом остается незамеченной, ср.: *приехали* (19).

Часто, осознав ошибку, говорящий после некоторого раздумья повторяет правильно весь произнесенный фрагмент: *он хотел ы-н чистить* [у-н *он хотел простирнуть* [у-н [рубаху (20), что говорит о внимании информанта к своей речи и желании говорить максимально правильно.

5. Выводы

Самокоррекции говорящего как результат «выхода» из хезитационной заминки или речевого сбоя – это очень важный объект лингвистического изучения. Они позволяют увидеть, как понимает говорящий то или иное речевое задание, как происходит собственно порождение его речи, особенно на неродном языке, что именно не устраивает говорящего в момент осознания ошибки: форма, содержание или место в речевом потоке того, что сказано.

Ошибок разного типа в русской речи носителей других языков очень много, они касаются всех уровней структуры текста: от фонетики до синтаксиса и общей логики изложения, хотя преобладают все же ошибки грамматические, продиктованные недостаточным знанием информантами русского языка. Сплошь и рядом, заметив и исправив одну ошибку, говорящий не видит других в том же фрагменте. Порой исправление порождает новую ошибку, так как правильный вариант так и не дается в руки говорящему иностранцу.

Ошибки всех типов встречаются во всех монологах, независимо от их жанровой принадлежности. On-line коррекции при этом встречаются значительно чаще, чем off-line коррекции, т. е. говорящему на неродном языке проще заметить только что сделанную ошибку, по прошествии же времени он не слишком часто возвращается даже к осознанному речевому сбою: по-видимому, «языковая память» в ситуации интерференции существенно короче, чем в речи на родном языке.

В любом случае лингвистам необходимо внимательно относиться к такого рода речевым сбоям, ср.: «Не подлежит сомнению, что с точки зрения речетворческих процессов (т. е. нашей речевой деятельности) ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов; они зачастую дают ключ к пониманию причин исторических изменений в языке. Для настоящего лингвиста-теоретика, для которого вопросы “как” и “почему” являются самыми важными, ошибки речи оказываются драгоценным материалом» [Щерба 1974: 287–288].

Список литературы

- Александрова О.А.* Речекommункативный статус паузы колебания: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 208 с.
- Александрова О.А., Иваницкий В.В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 95–101.

- Белицкая А.А.* О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>.
- Бондаренко Л.П.* Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л., 1984. Вып. 1. С. 158–166.
- Гармаш Н.Г.* Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса (на материале устных пересказов и спонтанной речи детей 4–9 лет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 23 с.
- Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Николаева Т.М.* Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–39.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: труды международной конференции «Диалог'05» (Звенигород, 1–7 июля 2005 г.) / под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: РГГУ, 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>.
- Сапунова Е.М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009а. 237 с.
- Сапунова Е.М.* Разновидности пауз хезитации в спонтанном монологе (на материале чтения) // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Вып. 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков (Санкт-Петербург, 16–20 марта 2009 г.) / отв. ред. А.С. Асиновский, науч. ред. Н.В. Богданова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009б. С. 138–146.
- Степанова С.Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 13–18 марта 2006 г.). Вып. 20. Секция фонетики. Ч. 1. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 24–32.
- Фонетика спонтанной речи / под ред. Н.Д. Светозаровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 243 с.
- Чэн Ч.* Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 53–62.
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
- Levelt W.J.M.* Speaking: from Intention to Articulation. Cambridge, MS: MIT Press publ., 1989. 547 p.
- Maclay H., Osgood C.E.* Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // Word. 1959. №. 15. P. 19–44.

References

- Aleksandrova, O.A. (2004), *Rechekommunikativnyi status pauzy kolebania* [Communicative Speech Status of the Hesitation Pause], Veliky Novgorod, 208 p.
- Aleksandrova, O.A., Ivanitsky, V.V. (2003), Pauza kolebania – kompleksnyi fenomen sovremennoi kommunikatsii [Hesitation Pause – a Complex Phenomenon in Modern Communication]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novgorod University Herald], No. 25. pp. 95-101.
- Belitskaya, A.A. (2014), O roli khezitatsionnykh paz v spontannoi rechi [On the Role of Hesitation Pauses in Spontaneous Speech]. *Filologiya i literaturovedenie* [Philology and Literature], No. 2, available at: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697>.
- Bondarenko, L.P. (1984), Pauza kolebaniya i porozhdenie vyskazyvaniya [Hesitation Pause and Generation of Statement]. *Eksperimental'no-foneticheskii analiz rechi: problemy i metody* [Experimental Phonetic Speech Analysis: Problems and Methods], Leningrad, Iss. 1, pp. 158-166.
- Cheng, Ch. (2016), Spontaneous Speech in Russian as a Foreign Language: Analysis of Hesitation (a case study of Chinese students' speech). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, No. 1 (33), pp. 53- 62. (in Russian).
- Eiger, G.V. (1990), *Mehanizmy kontrolya yazykovoi pravil'nosti vyskazyvaniya* [Mechanisms of control of language correctness of the statement], Kharkiv, Osnova publ., 1990.
- (1988), *Fonetika spontannoi rechi* [Phonetics of Spontaneous Speech], ed. by N.D. Svetozarova, Leningrad, LGU publ., 243 p.
- Garmash, N.G. (1999), *Vliyanie khezitatsyi na organizatsiyu ustnogo detskogo diskursa (na materiale usnykh peresказov i spontannoi rechi detei 4-9 let)* [Influence of Hesitation on Organization of Children's Verbal Discourse (Based on Verbal Retelling and Spontaneous Speech of Children at the Age of 4-9)], Moscow, 23 p.
- Levelt, W.J.M. (1989), *Speaking: from Intention to Articulation*, Cambridge, MS, MIT Press publ., 547 p.
- Maclay, H., Osgood, C.E. (1959), Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech. *Word*, No. 15, pp. 19-44.
- Nikolaeva T.M., (1978), Lingvistika teksta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Text Linguistics: Current State and Prospects]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvistika teksta* [New Trends in Foreign Linguistics. Text Linguistics], Moscow, Progress publ., Iss. 8, pp. 5-39.
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2005), Korrektsyya sboev v ustnoi spontannoi rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Correction of Failures in Spontaneous Oral Speech: an Experience of Corpus Research]. *Komp'yuternaya lingvistika i informatsionnye tekhnologii* [Computational Linguistics and Information Technologies], Proceedings of International Conference "Dialogue'05", ed. by I.M. Kobozeva, A.S. Narinyani, V.P. Selegei, Moscow, RGGU publ., available at <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>.
- Sapunova, E.M. (2009a), *Nepodgotovlennoe chtenie kak vid rechevoi deyatel'nosti i tip ustnogo spontan'nogo monologa (na materiale russkogo yazyka)* [Unprepared Reading as a Kind of Verbal Activity and a Type of Spontaneous Verbal Monologue (Based on the Russian Language Material)], St. Petersburg, 237 p.

- Sapunova, E.M. (2009b), *Raznovidnosti pauz khezitatsyi v spontannom monologe (na materiale chtenia)* [Types of Hesitation Pauses in Spontaneous Monologue (on the Basis of Reading)]. *Polevaya lingvistika. Integral'noe modelirovanie zvukovoi formy estestvennykh yazykov* [Field Linguistics. Integral Modelling of the Sound Form of Natural Languages], Proceedings of the 38th International Philological Conference, St. Petersburg, SPGU publ., Iss. 22, pp. 138-146.
- Shcherba, L.V. (1974), *Opyt obshchei teorii leksikografii* [Experience of General Theory of Lexicography]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity], Leningrad, Nauka publ., pp. 265-304.
- Stepanova, S.B. (2006), *Obshchee i individual'noe v khezitatsyyakh (na materiale russkoi spontannoï rechi)* [The Common and the Individual in Hesitations (on the Material of Russian Spontaneous Speech)]. *Proceedings of the 35th International Philological Conference*, Issue 20. Section of Phonetics, Part 1, St. Petersburg, SPGU publ., pp. 24-32. (in Russian).
- (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Material for Analysis of the Russian Speech], Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description, ed. by N.V. Bogdanova-Beglaryan, St. Petersburg, SPGU publ., 532 p.

**ON THE “WAYS” TO BYPASS A HESITATION STAMMER:
ON-LINE AND OFF-LINE CORRECTION IN RUSSIAN SPEECH
OF CHINESE NATIVE SPEAKERS**

Chen Cheng

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract: The paper considers one of the hesitation phenomena in the Russian oral speech of Chinese nationals – self-correction as a speaker’s specific way to bypass a hesitation stammer which is so common in the spontaneous speech, including in a foreign language. The attention is focused on two main strategies used by a speaker to correct an error or overcome speech hesitation. Figuratively, following V.I. Podlesskaya and A.A. Kibrik, they may be referred to as on-line and off-line correction. These reactions are much frequent in the verbal flow of different speakers and perform a number of other functions at the same time (search, meta-communication, reflection on the above, etc.). The material for the research was collected according to the methodology developed for creation of Balanced Annotated Collection of Texts as one of the modules of the Speech Corpus of Russian Everyday Communication. The team of informants was balanced in sociological terms (gender and level of proficiency in Russian – II TRFI (Test in Russian as a foreign language) and III TRFI; all of the research participants underwent psychological testing (H. Eysenck’s test for Chinese language speakers) for identification of their psychotype (extrovert, ambivert, introvert). All monologues were recorded in four communication scenarios: reading and retelling of a text (with a plot and without it), description of an image (also with a plot and without it) and a free-form story with the subject “How do you spend

your spare time on vacation?” Thus, the material for the analysis was 70 spontaneous texts – 7 texts from each of 10 tested informants.

Key words: Russian spontaneous speech, speech corpus, Balanced Annotated Collection of Texts, hesitation stammer, hesitation phenomenon, hesitation pause, self-correction, Russian as a foreign language.

For citation:

Cheng, Chen (2016), On the “ways” to bypass a hesitation stammer: on-line and off-line correction in Russian speech of Chinese native speakers. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 55-66. (in Russian).

About the author:

Cheng Chen, postgraduate student of the Chair of Russian Language

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

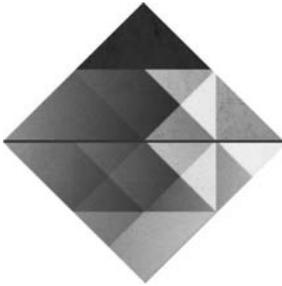
E-mail: honey.susanna.91@mail.ru

Received: June 29, 2016

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА СОИСКАТЕЛЯ ВАКАНСИИ

Ю.В. Агеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Аннотация: Рассматривается необходимость обучения российских и иностранных студентов (как потенциальных соискателей) коммуникативным навыкам самопрезентации на собеседовании при приеме на работу. Представлены результаты анализа речевого поведения кандидата на должность, главной стратегией которого является стратегия самопрезентации, включающая в свой репертуар тактики прямого и косвенного самопредставления. Описана речевая тактика позитивного отношения (из ряда речевых действий по косвенной самопрезентации), заключающаяся в выражении положительного отношения к жизненной ситуации и к профессиональной деятельности. Теоретические заключения иллюстрируются примерами стенограмм реальных собеседований, выделяются языковые средства, которые использует интервьюируемый для вербального проявления позитивного настроения. Показаны ошибочные случаи, когда кандидат выражает негативное отношение к чему-либо, игнорируя тактику позитивного отношения и тем самым обрекая себя на коммуникативную неудачу.

Ключевые слова: собеседование, кандидат на должность, рекрутёр, навыки самопрезентации, тактика позитивного отношения.

Для цитирования:

Агеева Ю.В. Вербализация позитивного отношения как речевая тактика соискателя вакансии // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 69–80.

Сведения об авторе:

Агеева Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Контактная информация:

Почтовый адрес: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

E-mail: jageeva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 15.08.2016

Сегодня каждый грамотный специалист должен владеть навыками самопрезентации или самопредставления, что подразумевает «намеренное поведение коммуникатора, направленное на создание у реципиента желаемого впечатления» [Михайлова 2005: 4]. Кроме того, под самопрезентацией понимается «один из видов коммуникативных умений, составляющих операционно-технический уровень коммуникативной компетентности в рамках делового общения» [Михайлова 2005: 4]. В связи с этим в процесс обучения коммуникативным навыкам в деловой сфере как российских, так и иностранных студентов необходимо включать обучение самопрезентирующим тактикам русской речи. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

В фокусе нашего внимания находится речевое поведение коммуниканта, выступающего в роли потенциального работника на собеседовании по найму. Каждый специалист в определённый момент может попасть в данную коммуникативную сферу, если он находится в поиске новой должности и места работы. Прежде всего это касается наших студентов – представителей нового поколения, пытающихся реализовать себя и сделать успешную карьеру. То, что владение навыками речевого поведения на собеседовании становится всё более важным для будущих специалистов, не вызывает никаких сомнений, поэтому преподаватель должен ставить перед собой следующие задачи: «научить осознавать альтернативы речевых действий» и «научить выбору оптимальных вариантов» [Иссерс 2012: 237]. Для того чтобы обучать успешным коммуникативным действиям, сначала нужно их изучать и систематизировать. В данном случае необходимо выявить основные тактики соискателя, который претендует на определённую должность, и представить наиболее популярные и существенные для студентов. В ходе исследования «живого» коммуникативного материала было установлено, что главной стратегией соискателя является самопрезентация, которая реализуется посредством ряда тактик прямой и косвенной самопрезентации. Эмпирическим материалом для анализа послужили стенограммы видеозаписей 43 телепрограмм «Кадры решают» (КР), где кандидаты проходят реальное собеседование с экспертами кадрового рынка. Данная программа впервые вышла в эфир в 2010 г. на онлайн-телеканале «Успех» (<http://www.uspeh.tv>).

Итак, речевые действия соискателя направлены на прямую и неявную самопрезентацию, что является особенностью коммуникации на собеседовании-интервью при приеме на работу. В процессе выявления и анализа репертуара самопрезентирующих коммуникативных действий кандидата было отмечено, что для достижения поставленной цели интервьюируемый должен осознанно нарушить один из постулатов Дж. Лича – постулат скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя), наоборот, от него требуется максимально хвалить себя, минималь-

но себя порицая. Необходимо уточнить, что речь идет не об эксплицитно выраженном самовосхвалении, а об умеренной саморекламе: современный российский соискатель понимает, что в ходе собеседования скромность будет неуместна – необходимо подключать все вербальные и невербальные приемы самопрезентации. Однако сдержанность при саморекламе все-таки отражается на другом уровне – уровне проявления коммуникативной инициативы. Максима скромности в сочетании со свойственной русскому стилю общения сдержанной самоподачей¹ обусловили следующий факт: в большинстве случаев кандидат подключает саморекламу как ответ на запрос рекрутера. Функционируя в дискурсе в роли пассивного адресата, интервьюируемый актуализирует тактики стратегии самопрезентации в качестве реакции на речевые действия активного коммуниканта. «Реактивная самопрезентация, то есть спровоцированная интервьюером, в собеседовании, действует “ненавязчиво”, так как в ней, по словам (Biere 1994: 13), исполняется коммуникативный долг» [Ратмайр 2013: 278]. С целью избежать «агрессивной самопрезентации», характерной для американских профессионалов [Прохоров, Стернин 2006: 110], кандидаты активно используют «смягчающие» языковые средства, такие, например, как вводные слова и предложения *я думаю, мне кажется, наверное, может быть, по-видимому*. Таким образом, российский специалист, участвующий в интервью с рекрутером, должен суметь балансировать между достойным представлением себя и аутентичной сдержанностью.

В процессе исследования речевого поведения кандидатов на должность, помимо речевых действий по прямому самопредставлению, были выявлены вспомогательные тактики косвенной самопрезентации, которые вызывают особый интерес, так как любая реакция на речевые манипуляции рекрутера будет оцениваться последним как характеризующая и способствующая правильной диагностике. Помимо проявлений непосредственно профессиональных коммуникативных качеств, таких, например, как умение вести разговор по существу или представлять конкретную информацию, важную роль в достижении цели играет способность кандидата показать позитивность мышления, факт чего послужил основанием для выделения речевых действий, объединенных номинацией «тактика позитивного отношения».

Тактика позитивного отношения – это речевая тактика (РТ) соискателя в ходе собеседования, заключающаяся в выражении положитель-

¹ «Способ самоподачи русского человека может быть назван пассивным, неярко выраженным, диффузным. Русский человек обычно не стремится любым способом произвести впечатление, выделиться, обратить на себя внимание в обществе. Если в какой-либо среде появляются люди, активно старающиеся привлечь к себе внимание своим поведением, общественное мнение их осуждает – это считается нескромным. Православие считает главной добродетелью смирение, а не гордыню, призывает к скромности в поведении» [Прохоров, Стернин 2006: 109].

ного отношения к прошлому, настоящему и будущему. Использование данной тактики можно соотнести с четвертой максимой Дж. Лича – максимальной одобрения, которая подразумевает проявление доброжелательного настроения, позитивную оценку, выраженную в формах похвалы и благодарности и др., способствующих эффективному общению. Исследование материала показало, что в деловой среде владение навыками выражения умеренного оптимизма высоко оценивается не только с позиции ведения диалога, но и с позиции отношения к профессиональной деятельности. Установлению эмоционального контакта всегда сопутствует демонстрация кандидатом своей профессиональной компетенции, что, например, проявляется в стрессоустойчивости и умении адекватно воспринимать негативные моменты. В результате анализа речевого поведения клиента рекрутингового дискурса – соискателя – были выявлены следующие разновидности данных речевых действий:

1. Тактика позитивного отношения к жизненной ситуации.

2. Тактика позитивного отношения к профессиональной сфере: к работе, к начальству, к месту работы, к клиенту и т. п.

Остановимся подробнее на каждом из двух представленных типов. Тактику позитивного отношения соискатель (С) актуализирует прежде всего при выражении своего отношения к жизненной ситуации, например в самом начале разговора как реакцию на РТ рекрутера (Р) «разговор ни о чём» [Агеева 2016: 70–72]. Кандидат из серии 24 с первых же минут показывает позитивный настрой.

Р: – Лилия, добрый день!

С: – Добрый день!

Р: – Меня зовут Владимир Якуба / я старший партнер компании «Tom hunt» //

С: – Очень приятно!

Р: – Я рад / что Вы вовремя прибыли на нашу встречу! Как доехали?

С: – Спасибо / замечательно!

Р: – Как Вам погода сегодняшняя?

*С: – Погода **летняя** // (КР, серия 24).*

Реализуя тактику позитивного отношения для ответа на вопрос интервьюера «Как доехали?», соискатель выбирает в качестве ответа не стандартные нейтральные лексемы «Хорошо» или «Нормально», а наречие, имеющее эмоциональную коннотацию с «оценочной характеристикой ситуации... действий как вызывающих чувство удовлетворения, радости, восхищения» [Ефремова 2007], тем самым эксплицируя радостное и оптимистичное отношение к ситуации. Далее, отвечая на вопрос о погоде, кандидат актуализирует относительное прилагательное *летний* с несвойственной для него оценочностью (со знаком «+»), имплицитно сглаживая факт того, что погода в день собеседования была слишком жаркой

и некомфортной. Определить наличие позитивного мышления у потенциального сотрудника рекрутеру помогают языковые индикаторы, а также невербальные сигналы (улыбка и т. п.). Анализ коммуникации на собеседовании показал, что выражение открытого позитива с помощью лексических средств с положительной оценочной семантикой весьма эффективно при самопрезентации.

С: – Но жизнь / она такая удивительная / она преподносит такие потрясающие сюрпризы! (КР, серия 6).

С: – То / что произошло в последнее время со мной / я считаю / что вообще изменения / это всегда к лучшему / они мне дали возможность как раз немножечко подучиться еще / э-э-э / в плюс // (КР, серия 6).

С: – Вот какое-то перевоплощение / которому я безумно рада // (КР, серия 6).

Использование тактики позитивного отношения в качестве реакции на РТ интервьюера «разговор ни о чем» обеспечивает ее успешность. Менеджер по кадрам ждет от соискателя искреннего ответа, который поможет определить, в каком социуме находится кандидат, каковы его нравственные и семейные ценности. Рассказы об увлечениях, о семье тоже должны быть (пусть имплицитно), но коммуникативно позитивными, не стоит говорить о проблемах в семье, о негативных сторонах личной жизни.

Р: – Угу / угу // Семья у Вас в Москве?

С: – Да //

Р: – У Вас дети?

С: – Нет / детей нет / но все равно / как бы есть мир / который меня не отпускает //

Р: – Угу // Родственники / там / бабушки / дедушки //

С: – Ну да //

Р: – Братья / сестры есть?

С: – Да / сестра //

Р: – А чем занимается сестра?

С: – Сейчас / мне кажется / тоже в поиске // (КР, серия 32).

Как разновидность тактики позитива можно выделить **тактику позитивного отношения к профессиональной сфере**. Это касается прежде всего профессионального прошлого, связанного с карьерой: отношение к бывшему работодателю, к месту работы, к клиентам. Актуализация данной тактики всегда имеет успех, так как специалист, лояльно относящийся к компании, где он проработал даже недолгий срок, к руководителю, с которым у него были, может быть, и не всегда простые отношения, имеет явные преимущества.

*С: – Вообще мне эта работа **очень нравилась** / я на другой должности никогда не работала / и если когда-то мне придется / вот / искать*

работу снова / вот / то я ни в какой другой... себя не вижу должности // (КР, серия 1, ч. 1).

*С: – Произошло **очень интересно** // У меня был **очень хороший наставник и помощник** / скажем так // В первую очередь / мой генеральный директор / с которым я работала / и помощник вице-президента / **женщина с многолетним опытом** / просто с колоссальным опытом работы // Она помогла мне // Скажем так / она привила мне чувства помощника // Скажем так / я училась / а ей **нравилось** меня учить //* (КР, серия 2, ч. 1).

Есть примеры, когда данный речевой прием включается кандидатом как ответ на провокационный вопрос интервьюера. В серии 1 рекрутер, расспрашивая соискателя о переходе из компании «Прогресс» в новую компанию, неожиданно уточняет:

С: – Это же / по-моему / рейдеры?

Р: – Ну...

С: – Ха-ха-ха / много писали в прессе о них //

*Р: – **Возможно** / я не читала этого //* (КР, серия 1).

Соискатель, реагируя на провокационный вопрос, находясь в своеобразной стрессовой ситуации, высказал уважение к своему предыдущему работодателю и не стал «выносить сор из избы», что является хорошим знаком для проводящего интервью специалиста.

Данная тактика может включаться и самим претендентом при рассказе о прошлом опыте работы в сочетании с РТ демонстрации профессиональных достижений.

Р: – Если вопросов по работодателю нет пока / то переходим к Вашему резюме // Скажите для начала / что ищете для себя //

*С: – Мне интересна управленческая работа / потому что весь мой последний трудовой опыт / трудовой стаж связан так или иначе с управлением / начиная с 99-го года я занимаюсь тем / что продаю и управляю продажами в компаниях / которые занимаются производством продуктов питания // **Мне посчастливилось работать в компаниях-лидерах рынка / эта работа была интересной / насыщенной / многое мне дала** / ну / и / собственно / сейчас я готова к новому витку своей жизни //* (КР, серия 4).

Помимо позитивной оценки своего опыта соискатель имплицитно выражает благодарность предыдущим работодателям, показывая, насколько он адекватен по отношению к бывшему руководству. Необходимо учитывать, что каждый рекрутер и будущий работодатель по характеру оценки прошлого опыта будет судить о том, как в дальнейшем этот специалист в случае увольнения будет характеризовать его и его компанию. Таков психологический механизм, который лежит в основе коммуникативных действий по выражению позитива.

Грамотный соискатель обращается к РТ позитивного отношения к профессиональной деятельности и в случае негативного опыта не оправдывается, не перекладывает вину на работодателя, объективно описывая ситуацию. Откровенно говоря о трудностях (сочетая с тактикой откровенности), не переходя на конкретные факты и имена (дважды используя прилагательное *определённый* и неопределенное местоимение *какие-то*), интервьюируемый сглаживает свой ответ коммуникативно значимой фразой *в силу определенных причин*.

Р: – Тогда давайте посмотрим Ваш последний опыт работы // Чем Вы там занимались?

С: – Это холдинг / и по разным направлениям деятельности был создан свой сайт / несколько направлений / и также у компании были цели создать интернет-магазин / в котором вот именно розничный / у меня была задача создать именно такой интернет-магазин / в котором было бы удобно выбрать антивирус / сравнить один с другим / удобно было бы оплатить покупку // Мне не совсем удалось там создать отдел интернет-проектов // Там так / когда я туда пришла / мне сказали / «У тебя будут все карты в руки / какой отдел захочешь / такой и создашь» // Но в процессе создались определённые трудности / понятно / там каких-то людей нужно уволить / каких-то взять // Решение затягивалось // То есть то моё предложение взять в штат программистов / взять в штат дизайнеров / оно постоянно откладывалось / ну / я так понимаю / что в силу определённых причин // Есть люди / которые любят принимать решение коллегиально // (КР, серия 4).

В серии 16 претендент на должность руководителя среднего звена объясняет причину ухода с места работы, виртуозно самопрезентируя себя как хорошо управляемого и гибкого сотрудника, который не будет обсуждать и негативно оценивать приказы собственника.

Р: – А почему Вы ушли оттуда?

*С: – А я не ушла оттуда / дело в том / что данная компания работает в рамках одной госкорпорации / и выйти на федеральный рынок / скорей всего / как поставщик продукции / то есть **по корпоративно принятым решениям** / она не может / а продать...*

Р: – Почему?

С: – Ну потому что такое решение собственником принято / и оно не обсуждается // (КР, серия 16).

Зеркальным отражением тактики позитива со знаком «–» являются коммуникативные действия, посредством которых выражается негативное отношение к чему-либо. Если речевое поведение с позиции положительного настроения приводит к коммуникативному успеху, то жалобы, обиды и обвинения могут привести только к коммуникативному сбою. На-

пример, в серии 20 соискатель на вопрос «Как добрались?» в отличие от интервьюируемого из серии 24, несмотря на то, что речь шла о реальном положении вещей, с помощью языковых маркеров (*как всегда, пробки; пришлось встать, главная проблема, очень тяжело припарковаться*) репрезентирует свое негативное отношение к происходящему, практически жалуясь на существующие проблемы.

Р: – Меня зовут Владимир Якуба / я старший партнер фирмы Tom Hunt / сегодня мы с Вами будем говорить об одной из позиций компании нашего клиента // Как добрались до нас?

С: – Вы знаете доехал / выехал заранее / но как всегда московские пробки на третьем кольце / пришлось встать / но главная проблема в другом / оказалось / я в этом бизнес-центре первый раз //

Р: – Угу //

С: – И очень тяжело припарковаться // (КР, серия 20).

Ошибка интервьюируемого в рассматриваемом примере заключается в том, что с самого начала собеседования потенциальный работник, во-первых, не пытается поддержать благожелательную атмосферу, препятствуя эффективности общения. Во-вторых, он не учитывает факт того, что рекрутера и работодателя вряд ли привлечет сотрудник-пессимист, даже если он прекрасный специалист и соответствует многим требованиям. Современная действительность такова, что умение работать в коллективе, налаживать хорошие отношения с руководством и подчиненными, поддерживать «корпоративный дух» компании ценятся наряду с профессиональными навыками.

Были отмечены примеры выражения негативного отношения к профессиональной деятельности, иллюстрирующие неуспешность речевого поведения претендента. Кандидат на должность коммерческого директора крупной ювелирной компании неосторожно высказывает скрытую обиду на предыдущего работодателя – владельца бизнеса. Неблагоприятный (отрицательный) характер речевых действий соискателя усиливается еще и тем, что данную информацию он актуализирует при ответе на вопрос, заведомо провоцирующий негативную оценку.

Р: – А вы сказали / что были отрицательные моменты // Что за отрицательные моменты?

С: – Отрицательные моменты... // Ну / для меня отрицательный момент / это конечный результат // Это тот результат / что / отработав год в компании / я ушла из компании // Ситуация сложилась таким образом / что все усилия / которые были предприняты мной / командой / они привели вот к тому результату / что мы были закрыты //

Р: – Ну а закрыты в связи с чем? В связи с тем / что / ну / руководство не удовлетворено результатом проектов или в связи с уменьшени-

ем там деятельности компании / с ее уменьшением штата или что еще? Какие еще варианты?

С: – Я могу сказать об официальной версии / о скрытых мотивах... // Я / к сожалению / не владею этой информацией // Официальная версия такова / что **акционер бизнеса / владелец бизнеса / он принял решение провести диверсификацию своего бизнеса и сосредоточить усилия на развитии собственной фирменной сети** // (КР, серия 4).

Попытка обвинить руководителя в закрытии проекта, пусть и не открыто, может рассматриваться рекрутёром как неумение подчиняться и принимать решение вышестоящего менеджера автоматически, без обиды, как это предписывает негласный «кодекс» коммерческих структур. В серии 14 кандидат выражает негативное отношение к бывшему начальству, отвечая на просьбу интервьюера рассказать о своем опыте работы.

С: – <...> Да // Очень много я переводов делала // Также было / да / три встречи / синхронным переводом я занималась // После завершения этой практики я вернулась в Москву и соответственно защитила свой диплом / и после окончания я уже стала искать работу в Москве // Я нашла работу в «Райффайзен банке» / но / проработав там четыре месяца / нам уже сообщило наше начальство / перед фактом нас буквально поставили / что наш отдел реорганизован будет / то есть расформировывать будут / и некоторых сотрудников оставляли в этом же отделе / а некоторых просто раскидывали по разным должностям другим // Мне соответственно предложили другую должность / которая абсолютно не соответствовала моим требованиям и моим каким-то знаниям / потому что это было фактически личный помощник начальника // (КР, серия 14).

Достаточно эмоциональное выражение скрытой обиды на начальство за то, что при реорганизации банка сотрудников поставили перед фактом, раскидывая по разным должностям и предлагая несоответствующие должности, будет интерпретироваться собеседником как неумение подстраиваться к существующим, пусть и не очень благоприятным обстоятельствам, а информация о должности, которая абсолютно не соответствовала **моим требованиям и моим каким-то знаниям**, вызовет сомнения в управляемости кандидата и его профессиональной мобильности.

Пренебрежительное и ироничное отношение к клиенту также не вызовет у работодателя желания нанять кандидата. Особенно это касается поиска и подбора сотрудника на клиентоориентированные должности. На собеседовании по поводу вакансии генерального директора крупного рекламного агентства соискатель делает грубую ошибку, проявляет негативное отношение, что сводит на нет успешность другого речевого приема – представление конкретного примера из прошлой практики.

С: – Может быть / две или три недели назад к нам приходил такой интересный товарищ / который разработал интересный фарм-препарат и который ... / эээ / хотел вложить в дизайн /... / эээ / в разработку бренда этого фармпрепарата пять тысяч рублей //

Р: – Ха-ха-ха // Вложил?

С: – Ну / не удалось // (КР, серия 9).

Иронизируя по поводу небольшой суммы вложения, которую предлагал клиент для разработки бренда, он называет его *интересным товарищем*, эксплицируя переносное значение прилагательного *интересный* как «странный, ненормальный и т. п.». Подобное пренебрежение к клиенту не уместно, особенно когда это касается вакансии, где главной задачей является привлечение новых клиентов. Каждый специалист, участвующий в собеседовании, должен представить себя с лучшей стороны не только как профессионала, но как хорошего коммуникатора, осуществляющего взаимодействие в рамках определенных норм, свойственных данному институциональному дискурсу. Рекрутинг – это вид делового дискурса, где одним из главных принципов считается принцип «Клиент всегда прав», отражающий ориентацию на интересы потребителя.

Таким образом, анализ речевого поведения соискателей на собеседовании по найму показал, что помимо речевых действий по прямой самопрезентации, они часто обращаются к тактикам косвенного самопредставления, среди которых важное место занимает тактика **ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ** (к жизненной ситуации, к профессиональной деятельности). Выбор данной тактики и успешная ее вербализация будет способствовать грамотной самопрезентации кандидата и достижению его главной цели – получению обсуждаемой на интервью должности.

В заключение хочется отметить, что исследование речевых действий соискателя в ходе собеседования-интервью открывает перспективу для дальнейшего изучения репертуара стратегий и тактик русской речи с позиции лингводидактики и позволяет найти более эффективные методы в обучении студентов навыкам делового общения на русском языке.

Список литературы

- Агеева Ю.В.* Собеседование в рекрутинге: коммуникативные стратегии и тактики: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 256 с.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка // Сборник лучших словарей «От А до Я». М.: БукаСофт, 2007. (CD-rom).
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012. 304 с.
- Михайлова Е.М.* Техники самопрезентации в публичном выступлении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 155 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.

Ратмайр Р. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с.

References

- Ageeva, Yu.V. (2016), *Sobesedovanie v rekrutinge: kommunikativnye strategii i taktiki* [Interview in Recruiting: Communicative Strategies and Tactics], Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 256 p.
- Efremova, T.F. (2007), New Dictionary of the Russian Language. *Collection of the best dictionaries "from A to Ya"*, Moscow, BukaSoft publ. (CD-rom) (in Russian).
- Issers, O.S. (2012), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech], Moscow, 304 p.
- Mikhailova, E.M. (2005), *Tekhniki samoprezentatsii v publichnom vystuplenii* [Self-presentation Tactics in Public Performance], Author's abstract, Moscow, 155 p.
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2006), *Russkoe kommunikativnoe povedenie* [Russian Communicative Behavior], Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 238 p.
- Ratmair, R. (2013), *Russkaya rech' i rynek. Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian Speech and the Market. Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 456 p.

VERBALISATION OF A POSITIVE ATTITUDE AS SPEECH TACTICS OF A JOB APPLICANT

Yu.V. Ageeva

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Abstract: Article report the need for fostering Russian and international students (as potential job seekers) communication skills of self-presentation during the job interview. The analysis of verbal behavior of job applicants has revealed that their main strategy is self-presentation which includes tactics of direct and indirect self-representation. The tactics of a positive attitude (of a series of indirect self-presentation speech acts), i.e. an expression of the positive attitude to life situations and professional activities are described. Theoretical conclusions are illustrated with examples of real transcripts of job interviews; the language tools used by the interviewee to verbally manifest positive attitude are highlighted. The author provides examples of erroneous cases when job applicants express negative attitude and ignore the tactics of the positive attitude, thus dooming themselves to a communicative failure.

Key words: interview, job applicant, recruiter, self-presentation skills, tactics of positive attitude.

For citation:

Ageeva, Yu.V. (2016), Verbalisation of a positive attitude as speech tactics of a job applicant. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 69-80. (in Russian).

About the author:

Ageeva Yulia Viktorovna, Dr., Associate Professor of the Chair of Russian Language as Foreign

Corresponding author:

Postal address: 18 Kremlyovskaya ul., Kazan, 420008, Russia

E-mail: jageeva@yandex.ru

Received: August 15, 2016

УДК 32:316.77

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ УСПЕШНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ
К РАБОТЕ С МЕДИА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ БАРАКА ОБАМЫ И ДОНАЛЬДА ТРАМПА)**

А.А. Малькевич

ГТРК «Омск» (12 канал) (Омск, Россия)

Аннотация: Анализируется опыт работы с социальными медиа в условиях ведения избирательных кампаний и публичной активности политиков США. Новой тенденцией в публичной деятельности первых лиц американской политики становится демократический эффект близости к народу в Интернете, реализуемый посредством активного присутствия в блогосфере и социальных медиа. Технологические особенности интернет-присутствия позволяют политикам в режиме реального времени анализировать динамику количества сторонников и противников их программ и модерировать это количество в нужную сторону.

Ключевые слова: современные медиа, Интернет, выборы в Америке, социальные медиа, информационная политика, СМИ, социальные сети, PR, избирательные кампании, блогосфера, публичная активность.

Для цитирования:

Малькевич А.А. Новые подходы успешных американских политиков к работе с медиа в современных условиях (на примере Барака Обамы и Дональда Трампа) // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 81–90.

Сведения об авторе:

Малькевич Александр Александрович, кандидат политических наук, генеральный директор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644100, Россия, Омск, пр. Академика Королева, 1

E-mail: chief@gtrk-omsk.ru

Дата поступления статьи: 11.08.2016

С 1990-х гг., когда началось быстрое распространение интернет-технологий, количество пользователей Всемирной сети увеличилось в десятки и сотни раз. Современное общество существует в «компьютеро-ориентированном» пространстве, ему необходимы комбинации текстового, аудио- и видеоконтента, а также возможность обмениваться информацией друг с другом.

Интернет стал полноценным политическим инструментом. При этом он использовался и как информационная площадка, и как координатор массовых действий. С развитием телекоммуникаций общество получило доступ к огромным массивам информации, появилась возможность выражать свое мнение как индивидуально, так и коллективно. Социальные медиа стали неотъемлемой частью гражданского общества по всему миру. Соцсети становятся центром обмена мнениями, актуальной или фундаментальной информацией. Анализ открытых корпоративных источников говорит о том, что в последние пять лет более половины корпораций увеличили свои расходы на социальные СМИ.

Все это ведет к изменениям структуры СМИ. Меняется и распределение аудитории по традиционным и нетрадиционным СМИ, и состав этой аудитории. Доля тех, кто получает информацию только из новых медиа, регулярно растет. Социальные сети оказывают влияние и на политический пласт жизни. Появились возможности для действий различных субъектов политического процесса и масштабной координации этих действий. В последнее время политологи и аналитики часто говорят о существенном влиянии Интернета, социальных сетей и их сообществ, онлайн-новых СМИ и блогов на политические процессы.

Так, в Америке во время первых выборов Барака Обамы волонтеры координировались через социальные сети, и таким образом было привлечено большое количество избирателей из числа молодежи. Обама организовал сбор денег на свою предвыборную кампанию через Интернет. И американский опыт предвыборных кампаний и политических процессов показывает, что Интернет позволяет американской демократии достучаться до новых людей и найти новые каналы финансирования. На площади Тахрир, где проходили протестные выступления в Египте, было особое место, где сидели блогеры. В том, что происходило в России на Болотной площади, соцсети также сыграли большую роль.

Сейчас существуют полярные мнения, как Интернет влияет на политику. Есть интернет-оптимисты, такие как Ваел Гоним, который был основным блогером в Египте и организовал самую популярную страничку в Facebook, чтобы организовывать протесты. В своей книге «Революция 2.0» он говорит о том, что без соцсетей протеста в Египте не было бы. Статьи американского интернет-теоретика Клея Шерки также подчеркивают позитивную роль Интернета и соцсетей в политической жизни, прежде всего в координации через соцсети построения гражданского общества.

В то же время интернет-пессимисты настаивают на негативной роли Интернета. Один из наиболее известных в их числе, белорусский диссидент Евгений Морозов, эмигрировавший в США, на печальном опыте Беларуси и Молдавии показывает, что сам по себе Интернет – это обоюдоострый меч. Он опровергает мысль, что Интернет помогает демократизации и протестному движению, поскольку также используется авторитарным режимом для подавления тех же самых протестов. Интернет-пессимисты настаивают, что идеи, будто бы Интернет меняет политику в лучшую сторону – это иллюзия. Касс Санстайнт, один из ключевых сотрудников предвыборного штаба Барака Обамы, утверждает, что Интернет приводит к тому, что люди разбегаются по своим блогам, и каждый читает в Сети только себе подобных, оказываясь в информационном коконе. Более того, невозможно предсказать, будут ли эти люди, активные в блогосфере, также активны в реальной жизни, или все ограничится выражением мнения онлайн.

Но, на наш взгляд, все эти точки зрения только подчеркивают значимость интернет-технологий для политических процессов. Можно говорить, что политическая веб-активность состоит из двух направлений: веб-сайтов и социальных сетей. Причем, если первые давно стали обязательной частью политического протокола, то вторые стремительно осваиваются политическими субъектами, и их влияние в политической активности еще не в полной мере изучено. В связи с этим необходимо обозначить два больших направления:

1. Изменения медиасферы под влиянием блогосферы.
2. Способность блогов стимулировать активное политическое участие.

Мы уже упоминали, что блоггерство оказало существенное влияние на современную журналистику. Журналисты заводят собственные блоги, собирая информацию и продвигая активную гражданскую позицию в отношении актуальных проблем. Но есть еще и новое поколение «гражданских репортеров» и активных пользователей, которые, используя возможности камеры мобильного телефона и Интернета для сбора информации, разрушают сложившуюся структуру медиа-пространства – «производитель – получатель» информации.

Политическую блогосферу называют источником сетевой активности, так как блоги позволяют онлайн-активистам использовать их возможности для политических действий. В связи с этим и возникло утверждение, что блогосфера отражает в большей степени мнения общества и является показателем демократичности Интернета. По своей природе блоги интерактивны. Большая их часть позволяет посетителям отвечать комментариями блогеру. Впрочем, как в блогах, так и в Twitter большая часть информации не относится к политике. Поэтому наиболее важным функциональным поисковым элементом Twitter стал хэштег, помогаю-

щий организовать обсуждение вокруг одной темы и находить релевантную информацию.

Интернет-участие может включать электронные версии традиционных форм участия, таких как электронное обращение к государственным органам, электронное голосование, а также совершенно новые формы кибер-активности, такие как политически мотивированное хакерство. Интернет увеличивает традиционные формы политического участия, упрощая распространение новостей о событиях и политических акциях для широкой аудитории, а также координируя политических активистов.

В рамках данной статьи на материале из открытых источников рассмотрим более подробно, как работают с современными медиа успешные американские политики.

Многие эксперты считают, что Барак Обама – первый американский президент, которому удалось победить на выборах в том числе благодаря усилению присутствия в социальных сетях. За два президентских срока он полностью изменил представление мира о том, как глава государства может работать с интернет-медиа, установив новые правила игры, которым пытаются следовать политики всего мира.

В ходе президентской кампании 2008 г. Обама задал вектор публичной активности, интенсивно используя Facebook и Twitter. Тогда же был запущен его сайт www.barackobama.com, который стал своеобразным аналогом социальной сети для всех сторонников будущего лидера нации. Обама стал первым действующим президентом США, активно появившимся в вечерних ток-шоу, востребованных среди американской молодежи, поскольку все эти шоу имеют свои каналы на YouTube. При этом важную роль играл контент: Обама читал обидные твиты о самом себе и новости под музыку, заменял ведущего, рассказывал, как проходит его день, и делал прочие нестандартные вещи.

Наиболее запоминающимся примером «нового взаимодействия» президента и интернет-медиа стало появление ролика, специально снятого Обамой для Buzzfeed, в котором он делает «вещи, которые делают все, но не говорят об этом»: смотрит в зеркало, корчит рожицы, учится пользоваться селфи-палкой и т. д. Видео собрало более 62 млн просмотров на Facebook, а одна только новость с гифками из него – более 2 млн. Мишель Обама оказывала ему активную медийную поддержку, также выступая и даже танцуя в ток-шоу [Бондаренко 2016]. Но одним только развлекательным контентом дело не ограничивалось, обращения, традиционно транслируемые на телевидении, при Обаме стали предварительно публиковаться в блогах.

Своему успеху в интернет-медиа Обама обязан Дэну Пфайферу, отвечавшему за весь комплекс его PR-коммуникаций с президентской кампанией. Основными целями, стоявшими при разработке стратегии поведения президента в интернет-медиа, Пфайфер назвал:

1) отработать каналы коммуникации, которыми пользуется все большее количество людей;

2) заслужить доверие у лидеров мнений;

3) показать подлинное, человеческое лицо президента и его команды [Бондаренко 2016].

Эти задачи были реализованы в том числе и за счет неожиданных вирусных видео, которые создавались прямо в Белом доме.

Конечно, Обама использовал и крупнейшие СМИ Соединенных Штатов для трансляции своих сообщений и нынешней поддержки Хиллари Клинтон. Но его сильная сторона – в том, что он забрал и ту часть аудитории, которой не интересно читать большие аналитические выкладки и глубокие интервью.

Даже свой уход 44-й президент США проиллюстрировал забавной короткометражкой под названием «Диванный главнокомандующий», также ставшей популярной в социальных сетях.

Надо сказать, что такая стратегия повышения популярности вполне оправдана, более того, она изначально выигрышна в современных условиях. Исследования американских ученых показывали, что даже те люди, которые не проводят много времени в Сети, регулярно используют Интернет для поиска новостей и информации [Балуев, Новоселов 2012]. Новые медиа, определяемые как социальные медиа, серьезно отличаются от интернет-версий печатных изданий своей интерактивной природой. Они характеризуются двухсторонней системой коммуникаций, а также низкой стоимостью использования по сравнению с традиционными СМИ, которые остаются достаточно дорогостоящими.

Старые СМИ сильно зависят от доходов, получаемых от рекламы, в то время как новые медиа, в частности Facebook и Twitter, кандидаты могли использовать практически бесплатно. И даже при нынешней монетизации социальных сетей остается большое количество бесплатных возможностей.

Нынешние кандидаты в президенты США Дональд Трамп и Хиллари Клинтон также максимально используют возможности современных медиа. Президентская гонка продемонстрировала значимость аккаунтов кандидатов в соцсетях. Трамп, как и противостоящие ему Х. Клинтон и Б. Сандерс, активно делится постами в Twitter и Facebook. Х. Клинтон также широко использует Twitter, Instagram, Pinterest, Snapchat и Facebook, и это лишь самые главные. У Клинтон 5,4 млн подписчиков в Twitter, и работники ее кампании постят несколько новых твитов в час [Новый контроль сознания... 2016].

Последние полгода СМИ пытались объяснить, в чем именно феномен Дональда Трампа, называя много разных аспектов. Несомненно, одним из них является личная привлекательность и харизма Трампа. В США один из главных показателей – деловой успех. Трамп в молодости начинал с

очень скромных позиций и быстро двигался. Его эпатажность, умение преподнести себя и большой опыт участия в различных конкурсах играют ему на руку. Существует мнение, что Америка так увлечена шоу-бизнесом, что успехом пользуется лучший шоумен. И тут, конечно, все карты в руки Дональду Трампу. Его реалити-шоу «Кандидат» собирало 5–7 млн зрителей в неделю. Его твиттер читают более 8 млн подписчиков.

Возникает впечатление, что у Трампа нет внутренней дисциплины, никаких тормозов, и он говорит то, что ему приходит в голову, в связи с чем иногда он выглядит искренним, а иногда излишне эпатажным, но однозначно он хорошо адаптируется к изменениям и интересен как медиаперсонаж.

Трамп сразу осознал, что посты быстро теряют актуальность, поэтому реагирует на события в режиме реального времени. Каждый день он публикует минимум 10 записей, а порой дело доходит до 50–60. К тому же Twitter позволяет Трампу безнаказанно оскорблять политических противников, в то время как Facebook активно выступает против троллинга, исходящего от столь известной персоны.

Стоит отметить, что современная тенденция тесной взаимосвязи технологий и медиа с каждым годом усиливается, в значительной мере меняя поведение и привычки аудитории. Разбалованная игровыми технологиями аудитория воспринимает новости как игру. В ситуации, когда у пользователя есть выбор: прочитать репортаж, посмотреть новую серию «Игры престолов» или поиграть, – новостям тоже приходится становиться немножко «игрой престолов» или видеоигрой. И талантливые шоумены, такие как Трамп, чувствуют себя в этой игре как рыбы в воде.

Меняется и фокус медиасреды. Продолжают стираться грани между политиками, журналистами, блогерами и активистами. Значимость меряется количеством подписчиков. Такие качества, как «редакторское чутье» и «ощущение аудитории», перестают иметь значение, поскольку теперь есть конкретные большие данные о каждом человеке, зашедшем на сайт. Методы анализа этих данных и основанные на них алгоритмы существенно улучшаются. И в этом – главное объяснение, почему успешные американские политики обращаются к социальным медиа и стараются быть ближе к народу. Социальные сети позволяют посчитать своих сторонников и противников по головам, дают возможность оставаться с ними в непосредственном взаимодействии, отслеживая реакцию на события в реальном времени.

Однако, говоря о качестве взаимодействия с аудиторией посредством социальных медиа, стоит обратить внимание и на такие важные для политического процесса возможности социальных сетей, как контроль информации. Так, весной 2016 г. социальную сеть Facebook обвинили в политической цензуре. Поводом стала статья, в которой бывшие сотрудники Facebook утверждают, что подборкой новостей для пользователей

занимается штат компании, и они намеренно выводят в топ материалы либеральных СМИ, игнорируя статьи консервативных медиа. В самой компании обвинения в цензуре отвергли. И в марте Facebook обновила свои правила, объясняящие, что нельзя публиковать в соцсети.

Изменения коснулись различных тем, таких как выражение ненависти, запугивание, тяжелые для восприятия материалы, публикация изображений обнаженного тела, а также вопросов конфиденциальности, безопасности, интеллектуальной собственности. В частности, под запрет попали реальные угрозы или организация в соцсети актов насилия в реальной жизни, не разрешена поддержка террористических организаций. Администрация Facebook также удаляет различные оскорбления людей на основе расовой или этнической принадлежности, религии, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или болезни.

На первый взгляд, это выглядит вполне реалистичным. Хотя платформы социальных сетей – новые, но они используются политическими конкурентами таким же образом, как билборды и телереклама. Процесс остается соревновательным. Лидирует тот, кто объединит больше сторонников и купит большой рекламный пакет.

В то же время многочисленные исследования показали существующие возможности злоупотребления технологиями в Facebook. Опубликованная в 2012 г. в Nature статья американского профессора политологии Роберта Бонда и других исследователей описывает эксперимент, в рамках которого в день выборов 2010 г. Facebook прислал напоминания «приди и проголосуй» 60 млн пользователей. Это привело на участки примерно 340 000 людей, которые в другом случае не пошли бы на выборы. Профессор международного права в Гарвардском университете Джонатан Зиттрейн опубликовал в 2014 г. статью, где обратил внимание на то, что, учитывая огромное количество собранной информации о пользователях, Facebook может легко присылать такие сообщения лишь тем людям, которые поддерживают одну конкретную партию или кандидата. А из-за того, что эти объявления эфемерны так же, как и поисковая выдача, манипулирование выборами не оставит никакого бумажного следа [Новый контроль сознания... 2016].

Сейчас не существует законов, запрещающих Facebook избирательно присылать объявления конкретным пользователям. Соцсеть зарабатывает деньги таргетированной рекламой. И достоверно узнать, манипулирует ли соцсеть, на данный момент невозможно, но очевидно, что было бы глупо и, возможно, даже неправильно для Facebook не делать этого. Некоторые кандидаты выгоднее для самой компании, чем другие, а руководство Facebook обязано перед акционерами продвигать свои интересы.

Другой эксперимент Facebook, о котором написали в 2014 г. в PNAS, вызвал возражения по всему миру. Как утверждает статья, на протяжении недели 689 000 пользователей соцсети получали либо непропорцио-

нально много позитивных новостей, либо излишек негативных новостей, либо сбалансированную новостную ленту. Участники первой группы затем использовали в общении немного больше позитивных выражений, тогда как члены другой группы – немного больше негативных. Это показало, что компании – владельцы социальных медиа могут умышленно и массово управлять «эмоциональными состояниями» людей. Эта мысль обеспокоила многих. Претензии вызвало и то, что такой масштабный эксперимент над эмоциями провели без явного согласия участников [Новый контроль сознания... 2016].

Безусловно, у Facebook много данных о потребителях, но они не идут в сравнение с базой Google, которая собирает информацию о людях в режиме 24/7, используя для этого 60 разных платформ для наблюдения. Среди них – сама поисковая система, Google Wallet, Google Maps, Google Adwords, Google Analytics, Chrome, Google Docs, Android, YouTube и многие другие. Пользователи Gmail в основном не обращают внимания на то, что Google сохраняет и анализирует каждое электронное письмо, даже неотправленные черновики, а также входящие письма, которые приходят как от пользователей Gmail, так и с других сервисов. Эти высокотехнологические особенности дают интернет-компаниям возможности для незаметного, но эффективного контроля и манипуляций своими пользователями.

Для понимания возможностей нового контроля сознания более подробно рассмотрим основную поисковую систему Google. Ее поиск настолько хорош и популярен, что название компании теперь широко используется как глагол в разных мировых языках. «Погуглить» означает найти необходимую информацию в поисковике Google. Google обеспечивает нужной информацией почти мгновенно и почти всегда на первом месте в «результатах поиска».

Этот упорядоченный список настолько хорош, что в половине случаев достаточно открыть первые два его пункта. К 10 пунктам, размещенным на первой странице результатов, уходят больше 90 процентов кликов. Очень мало людей открывают другие страницы выдачи, несмотря на то, что часто этих страниц тысячи – а значит, и в них можно найти полезную информацию. Google решает, какие из миллиардов веб-страниц он включит в наши поисковые результаты и как их ранжировать. Как принимается это решение – тайна. Согласно политики приватности Google, с которой соглашается каждый, кто использует продукт компании, она может передавать собранную информацию кому угодно, в том числе и государственным органам.

Несомненно, если бы Google решила вмешаться в выборы, для этого у нее есть огромные возможности, пишет Р. Эпштейн, ведущий научный психолог Американского института поведенческих исследований и технологий. Компания могла бы сначала использовать свою огромную базу личной информации, чтобы определить колеблющихся избирателей. За-

тем она могла бы день за днем модифицировать поисковые выдачи только для этих людей, выделив конкретного кандидата. Главное преимущество такого подхода – очень сложно выявить манипулирование Google [Новый контроль сознания... 2016].

А из-за того, что в Google самый лучший поисковый движок, а сканирование быстро разрастающегося Интернета становится запредельно дорогим, все больше и больше поисковых систем берут информацию у лидера, а не генерируют ее самостоятельно.

Наблюдая за президентскими выборами в США, исследователи обращают внимание на очевидные знаки того, что Google поддерживает Хиллари Клинтон. В апреле 2015 г. Клинтон наняла в свой штаб бывших сотрудников Google. И по оценкам исследователей, этот ресурс может принести Клинтон от 2,6 до 10,4 млн голосов в день выборов, при том что никто не узнает об этом и не останется ни одного бумажного следа. Колеблющиеся избиратели всегда были ключом к победе на выборах, и еще никогда не было столь мощного, эффективного и недорогого способа привлечь их, как сейчас у Google.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в современных условиях изменившегося влияния социальных медиа с каждым годом растет их роль в политическом процессе. Причем существующие полярные точки зрения о значении Интернета для политики не отменяют главного – значительной степени этого влияния.

Социальные медиа дают возможность развития как демократии, являясь площадкой для трансляции, обмена мнениями и комментариями, так и контроля, позволяя манипулировать посредством имеющихся технологий.

Список литературы:

- Балуев Д.Г., Новоселов А.А. Роль «новых СМИ» в современных политических процессах: электронное учебное пособие. Н. Новгород, 2012. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/textbook.pdf (дата обращения: 02.06.2016).
- Бондаренко А. Как Обама совершил революцию в работе с медиа // Телекритика. 2016. 6 мая. URL: <http://www.telekritika.ua/media-i-vlada/2016-05-06/114033> (дата обращения: 04.06.2016).
- Новый контроль сознания: как Google может манипулировать выборами // Apparat. 2016. 27 апреля. URL: <http://apparat.cc/network/google-mind-control/> (дата обращения: 02.06.2016).

References

- Baluev, D.G., Novoselov, A.A. (2012), *Rol' "novykh SMI" v sovremennykh politicheskikh protsessakh* [The Role of the "New Media" in Modern Political Processes], Electronic textbook, Nizhny Novgorod, available at: http://www.unn.ru/books/met_files/textbook.pdf (accessed date: June 02, 2016).

- Bondarenko, A. (2016), Kak Obama sovershil revolyutsiyu v rabote s media [How Obama has Made a Revolution in Working with the Media]. *Telekritika*, available at: <http://www.telekritika.ua/media-i-vlada/2016-05-06/114033> (accessed date: June 04, 2016).
- (2016), Novyi kontrol' soznaniya: kak Google mozhet manipulirovat' wyborami [A New Mind Control: How Google Can Manipulate the Election]. *Apparat*, available at: <http://apparat.cc/network/google-mind-control/> (accessed date: June 02, 2016).

NEW APPROACHES OF SUCCESSFUL AMERICAN POLITICIANS TO WORK WITH MEDIA IN MODERN CONDITIONS (BASED ON THE EXAMPLE OF BARACK OBAMA AND DONALD TRUMP)

A.A. Malkevich

State TV and Radio Channel "Omsk" (12 channel) (Omsk, Russia)

Abstract: The author analyzes experience with social media in terms of conducting election campaigns and public activity of the US politicians. A new trend in the public activities of the first persons of American politics becomes a democratic effect of closeness to the people on the Internet, implemented by means of an active presence in the blogosphere and social media. Technological features of Internet presence allow policy-makers to analyze in real-time the dynamics of the number of supporters and opponents of their programs and to moderate their number into the right direction.

Key words: modern media, Internet, elections in America, social media, information policy, media, social networks, PR, election campaigns, blogosphere, public activity.

For citation:

Malkevich, A.A. (2016), New approaches of successful American politicians to work with media in modern conditions (based on the example of Barack Obama and Donald Trump). *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 81-90. (in Russian).

About the author:

Malkevich Aleksandr Aleksandrovich, Dr., Chief Executive Officer

Corresponding author:

Postal address: 1 Akademika Korolyova pr., Omsk, 644100, Russia

E-mail: chief@gtrk-omsk.ru

Received: August 11, 2016

Раздел III

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part III

**ACTUAL DIRECTIONS
IN THE FICTION AND POETRY
TEXTS RESEARCH**

**РЕЧЕВОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА
«ГОРЕ ОТ УМА»: РУССКО-КИТАЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ***

Синьи Ван¹, Лифу Цзен², Е.В. Маркасова³
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Аннотация: Анализируются средства речевого доминирования в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Способы выражения высокого статуса, используемые персонажами в диалоге, с трудом распознаются иностранцами, и эта разница в восприятии текста важна для анализа различий в восприятии средств речевого доминирования в разных языках. Именно поэтому риторические вопросы и конструкции с личными местоимениями, являющиеся основным способом борьбы за власть в известном диалоге Чацкого и Молчалина, рассматриваются на основе сравнения оригинала и перевода комедии на китайский язык. Диалоги героев комедии утрачивают остроту из-за увеличения длины предложения в переводном тексте и из-за строгого порядка слов в китайском языке. Все выводы получены в ходе обсуждения текстов с аспирантами-русистами Пекинского университета.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, прагматика, речевое доминирование, риторический вопрос, местоимение.

Для цитирования:

Ван Синьи, Цзен Лифу, Маркасова Е.В. Речевое доминирование в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: русско-китайские соответствия // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 93–101.

Сведения об авторах:

¹**Ван Синьи**, кандидат филологических наук, профессор

²**Цзен Лифу**, аспирант

³**Маркасова Елена Валерьевна**, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 100871, Китай, Пекин, район Хейдянь, ул. Ихэюань, 5

¹E-mail: wang999777@126.com

²E-mail: jenniferwbt@live.cn

³E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.08.2016

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования КНР (номер проекта 15JJD740009).

Контрастивная лингвистика успешно занимается сопоставительными исследованиями фонетики, лексики, семантики, грамматики, но описывать систему межъязыковых соответствий в живой коммуникации сложно: когда речь идет о коммуникативной ситуации, возникает слишком много неизвестных. Наличие в чужом языке единиц любого языкового уровня можно проверить, но вопрос о наличии именно такого речевого сценария в другой языковой среде всегда порождает множество суждений как респондентов, так и исследователей на тему «бывает, но...» или «не бывает, но...».

Одной из сложных сфер в описании и освоении чужого языка является распознавание интенций собеседника, стремящегося к захвату власти в коммуникации. Знание о средствах речевого доминирования живет в памяти социума, являясь и инструментом интерпретации чужого коммуникативного поведения, и – часто – опорой для социализации. Но в разных социальных группах предпочтительными считаются разные средства речевого воздействия. И это порождает новый круг проблем в обучении иностранному языку: мы декларируем в качестве цели обучение языку живого общения, но получается, что изучаем ходовые сценарии, исключая возможность реализации средств доминирования.

Язык – инструмент социальной власти: «...обычное повседневное использование языка, наш нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар 1987: 90–91]. Коммуникативная власть может многократно утрачиваться и обретаться в процессе общения [Шейгал 2004; Черватюк 2006], и на протяжении диалога доминирует то один, то другой участник. Однако то, что для носителя языка является «обычным» и «повседневным», не всегда воспринимается таким же образом в иноязычной аудитории.

Доминирование проявляется не только в способности «изменить тему и отслеживать очередность ролей» или контролировать, «кто говорит, сколько и о чем» [Иссерс 2008: 207], но и в управлении темпом речи, тембром, грамматическими и лексическими предпочтениями собеседника [Щербинина 2006]. В каждой культуре есть тексты, в которых запечатлены опознаваемые носителями языка образцы речевого доминирования. В русской классике это, например, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, многие произведения Н.В. Гоголя, почти все произведения Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского и др. Именно эти тексты полезны для изучения средств речевого воздействия в русском дискурсе.

Поводом для написания этой статьи стало обсуждение с китайскими аспирантами-русистами комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Речь пойдет о переводе диалога Чацкого и Молчалина в третьем действии. Он традиционно трактуется как противостояние двух позиций, двух взглядов на место человека в обществе, в нем, говоря языком школьного учеб-

ника, проявляется мировоззренческий конфликт Чацкого и Молчалина. Текст, в котором каждая реплика – заявление о своей правоте, отнюдь не воспринимается как острый и конфликтогенный китайскими студентами, прекрасно знающими русский язык. Этот факт показался нам интересным, и мы попытались выяснить, почему это происходит.

Мы взяли перевод 1956 г., так как переводчик Ли Сиинь следовал принципам буквального (пословного) перевода, и остановились на двух средствах утверждения высокого статуса говорящего: риторическом вопросе и личных местоимениях. Для анализа русского текста и его перевода на китайский язык были использованы сравнительно-сопоставительный метод и метод комментированного чтения. В начале работы мы не предполагали, что выйдем за пределы решения собственно преподавательских задач.

Риторический вопрос

Доминирующей личности принадлежит право задавать вопросы, т. е. претендовать на получение полной информации, регулировать чужие возможности ее получения [Шатуновский 2004: 20–28]. И в этом плане различие между собственно вопросом и риторическим вопросом невелико, однако риторический вопрос, в отличие от нериторического, жестко ограничивает возможные реакции собеседника, так как является скрытой формой утверждения или отрицания. Адресатом риторического вопроса может быть и реальный собеседник, и сам адресант, и неодушевленные предметы, и мифологические персонажи, и отсутствующие или умершие люди, но в любом случае функция адресата заключается в пассивном наблюдении, демонстрации заинтересованности и молчаливом выражении солидарности. Как показывают работы китайских исследователей, функции риторического вопроса в китайском языке аналогичны.

Поведение Чацкого очень показательно: обрисовывая **свои** представления об образе жизни Молчалина, он задает один за другим риторические вопросы: *Ну, образ жизни ваш каков? Без горя нынче? без печали? А прежде как живали? К перу от карт? и к картам от пера? И положённый час приливам и отливам? Взманили почести и знатность?; <Нет-с, свой талант у всех...> У вас?*

Вопрос *Ну, образ жизни ваш каков?*, адресованный чужому человеку и требующий от него искренности, выходит за рамки русского речевого этикета: заставляет собеседника размышлять о его образе жизни. В китайском переводе вопрос звучит так: 目下生活怎样? (*Как жизнь в настоящее время?*). Замена «образа жизни» на «жизнь» смягчает эффект доминирования, при переводе интенция Чацкого задеть Молчалина несколько слабеет.

Молчалин реагирует сдержанно: 一如既往, (*По-прежнему-с*), т. е. пытается уклониться от разговора в том тоне, который задает Чацкий. Но тот продолжает его преследовать: *А прежде как живали?* В китайском переводе: 怎么个“既往”? (*Что значит «по-прежнему»?*). Интенция доми-

нирования передана с помощью цитаты: переводчик ставит в кавычки слово 既往 (*прежде*), т. е. Чацкий цитирует Молчалина.

Когда Молчалин оправдывает себя (*Свой талант у всех*), Чацкий спрашивает: *У вас?* Связь этого вопроса с предыдущей оценкой Чацким Молчалина очевидна: Чацкий на самом деле не спрашивает о таланте Молчалина, а иронизирует по поводу того, что у Молчалина может быть какой-то талант. По-китайски же вопрос звучит так: 你的本领是? (*У тебя какой талант?*), и это значит, что Чацкий действительно хочет узнать о таланте Молчалина, не выражая сомнений в его наличии.

Каскад вопросов прекращается только после перехвата Молчалиным позиции лидера, когда он в форме риторического вопроса заявляет о своем знании положения дел Чацкого: *Вам не дались чины, по службе неуспех?* После этого вопроса риторические вопросы Чацкого имеют оборонительный характер: в ответ на восклицание Молчалина (*Как удивлялись мы!*) Чацкий заявляет, что в этом нет ничего удивительного (*Какое ж диво тут?*), что он не нуждается в том, чтобы Татьяна Юрьевна проявляла к нему интерес (*Ей почему забота?*).

На вопрос Молчалина *Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?* Чацкий не даёт прямой ответ, а реагирует встречным вопросом: *Ну что ж?* – демонстрируя свое пренебрежение и к вопросу Молчалина, и к самому Фоме Фомичу. Вместо ответа на вопрос Чацкий пытается показать собеседнику, что не видит смысла в его вопросе. Таким образом, в русском тексте доминирование Чацкого над Молчалиным очевидно.

В китайском переводе вопрос *Ну что ж?* звучит как 他怎么? (*Что с ним?*). Хотя в переводе сохраняется вопрос, он перестает быть риторическим, утрачена коннотация. Здесь вопрос *Что с ним?* перестает служить инструментом давления на собеседника, в китайском переводе ощущается интерес Чацкого к информации о Фоме Фомиче и к мнению Молчалина о нём. При сравнении перевода с оригиналом видно, что интенция доминирования выражена уже не так ярко. На наш взгляд, чтобы в полной мере сохранить интенцию Чацкого, лучше перевести вопрос так: 那又怎样? (*Ну и что?*)

Другой важный момент связан с переводом на китайский язык вопросительных наречий «почему» и «зачем». Чацкий повторяет слово «зачем» много раз: *Зачем же так секретно?*, *Зачем же мнения чужие только святы?*, *Зачем же надобно?* В современном русском языке вопрос «почему» служит для выяснения причины, а наречие «зачем» – для выяснения цели и результата, хотя в словарях даются оба значения. В языке Грибоедова и его современников эти слова были близки по значению и взаимозаменяемы (ср. пушкинское «Зачем арапа своего младая любит Дездемона?»). В комедии речь идет именно о причине, и анафорический повтор демонстрирует уверенность Чацкого в том, что он имеет право задавать этот вопрос.

В современном повседневном общении человек, который хочет узнать о результате, кажется более сильным или даже опасным, по сравнению с человеком, которому интересна причина. Кстати, этот сценарий живет в современном русском языке: «Меня не интересует, почему это не сделано, меня интересует, когда будет результат».

Однако в китайском языке «зачем» и «почему» переводятся одинаково, слово «зачем» в данном тексте переводится как 为什么 и 为何, что не имеет никакой разницы по сравнению с «почему». В связи с этим речевое доминирование Чацкого не может быть показано в полной мере. Конечно, если необходимо подчеркнуть различие, это можно сделать с помощью словосочетаний 为了什么目的 (для какой цели / зачем), 出于什么原因 (по какой причине / почему). Перевод становится многословным, что отрицательно влияет на возможность переводного текста передать особенности доминирования в оригинале.

Обобщая наши наблюдения, мы можем предполагать, что утрата экспрессивности при переводе риторических вопросов обусловлена не различием в функциях риторических вопросов в двух языках, а удлинением конструкций, а иногда и заменой неполных предложений полными, как того требует китайская грамматика и речевой этикет. В связи с этим диалог в переводе выглядит не так динамично, как в оригинале.

Личные местоимения как средство борьбы за власть

Речевая деятельность является я-ориентированной [Норман 2009: 45], поэтому распределение местоимений в репликах помогает понять особенности поведения говорящего. Функционирование личных местоимений первого и второго лица зависит от того, кто и как видит границу между «своими» и «чужими», «чужими» и собой и т. д. В русском языке местоимение **мы** отличается семантической размытостью, что делает его средством манипулирования собеседником [Норман 2002]. Кроме того, **мы** не является множественным числом местоимения **я**. В китайском же языке местоимение 我们 (мы) состоит из иероглифов 我 (я) и 们 (знак множественного числа), т. е. в китайском как раз выражена идея множественности **я**, из которых состоит **мы**. Вопрос о составе лиц, включенных в китайское **мы**, остается открытым, ответ на него всегда зависит от контекста, как и в русском языке.

Противопоставление позиций Чацкого и Молчалина ярко проявляется в употреблении местоимений в тексте оригинала. Молчалин употребляет **мы** постоянно, кроме ответов на вопросы, касающиеся его самого. Предпочтения Молчалина обусловлены его желанием подчеркнуть свою принадлежность к некой группе людей. Это демонстрация тирании большинства. Когда Молчалин заявляет в форме риторического вопроса о том, что у Чацкого нет чинов, он говорит: *Как удивлялись **мы!** и Жалели вас* – от лица своей социальной группы: отношение Чацкого к чинам удивительно, надо пожалеть его. Таким образом, употребление «мы» отра-

жает доминирование «большинства» над «меньшинством» и показывает, что в этот момент Молчалин чувствует свою власть над Чацким.

Это доминирование не отражено в китайском переводе. Хотя «мы» действительно было переведено как 我们, китайским читателям непонятно, откуда это множественное число местоимения 我, и даже есть вероятность, что этот перевод воспринимается как опечатка. Другим примером служит ответ Молчалина на вопрос, почему Чацкому надо съездить к Татьяне Юрьевне. Молчалин утверждает: *Мы покровительство находим, где не метим*. Использование «мы» с глаголами настоящего времени, претендующими на статус народной мудрости, демонстрирует, что, по мнению Молчалина, он следует здравому смыслу. Он снова занимает позицию доминирования в качестве представителя «большинства». В китайском варианте предложение было переведено как 她那里我们经常能无意中遇到庇护人 (*На её месте мы часто можем случайно встретиться с покровителями*). Видно, что данная коннотация не сохраняется в полной мере.

В третьем явлении Молчалин употребляет местоимение **мы** пять раз, а **я** – дважды, Чацкий лишь дважды говорит **мы**, зато шесть раз – **я** (цитаты приведены в таблице). Чацкий предпочитает **я**.

	<i>Я</i>	<i>Мы</i>
Чацкий	1) <i>Я с нею не знаком.</i> 2) <i>Я езжу к женщинам...</i> 3) <i>Когда в делах, я от веселый прячусь...</i> 4) <i>Есть тьма искусников; я не из их числа.</i> 5) <i>Я глупостей не чтец...</i> 6) <i>Обманщица смеялась надо мною!</i>	1) <i>С ней век мы не встречались...</i> 2) <i>Помилуйте, мы с вами не ребята...</i>
Молчалин	1) <i>По мере я трудов и сил...</i> 2) <i>Не сочинитель я...</i>	1) <i>Как удивлялись мы!</i> 2) <i>(Мы) Жалели вас!</i> 3) <i>Мы покровительство находим, где не метим.</i> 4) <i>Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?</i> 5) <i>В чинах мы небольших.</i>

На совет Молчалина встретиться с Татьяной Юрьевной Чацкий откликается: *Я езжу к женщинам, да только не за этим*. К тому же Чацкий отмечает: *Когда в делах, я от веселый прячусь... Есть тьма искусников; я не из их числа*. Местоимение **я** в репликах Чацкого устанавливает границу между ним и молчалинским **мы**.

Чацкий и Молчалин по-разному употребляют местоимение **я**: Чацкий привык ставить **я** в начале предложения (*Я езжу к женщинам...*, *Я с*

нею не знаком, **Я** глупостей не ттец и др.), а Молчалин – в конце (*Не сочинитель я*). Только когда Молчалин говорит **мы**, строка начинается местоимением: **Мы** покровительство находим, где не метим. Молчалин предпочитает скрыть свое **я**, Чацкий же – сделать **я** заметным. Из-за фиксированного порядка слов в китайском языке подлежащее не может быть в конце предложения, и поэтому перевод не может передать эти особенности речевого поведения Чацкого и Молчалина.

В китайском языке есть возможность перевести **я**, но она не может способствовать передаче идеи противостояния героев, так как без полноценной передачи коннотации «мы» противопоставление этих двух местоимений не может быть ярким.

Ситуация становится интересной, когда в ответ на слова Молчалина «В мои лета не должно сметь своё суждение иметь» Чацкий употребляет местоимение «мы»: *Помилуйте, мы с вами не ребята...* Между выражениями *мы* и *мы с вами* существует разница: последнее отражает интенцию сближения с собеседником. Почему Чацкий, который раньше противопоставлял себя Молчалину, хочет приблизиться к своему сопернику? Видимо, он уже начинает жалеть его, осознав, что Молчалин ведёт себя как ребёнок, отказывающий себе в праве на личные суждения, чтобы быть «хорошим». К сожалению, из-за неэквивалентности в лексике, в китайском языке *мы с вами* можно перевести только как 我们 (*мы*), поэтому интенция сближения и сочувствия Чацкого к Молчалину не сохраняется.

Итак, чтобы научить студента распознавать интенции собеседника на чужом языке, нужны сведения о том, как он воспринимает средства речевого доминирования на русском и что с ними происходит при переводе оригинала на китайский язык. Сравнение способов воздействия на адресата в оригинале и в китайском переводе – занятие интересное: оно обновляет восприятие некоторых имплицитных средств речевого доминирования в русском языке.

Как показало обсуждение «Горя от ума», при переводе на китайский язык своеобразие анализируемых речевых средств оригинала частично утрачивается: в русском и китайском реплики, маркирующие смену власти в диалоге, вносят в читательское восприятие конфликта новые оттенки: персонажи ведут себя более спокойно и сдержанно, конфликт между ними не кажется китайскому читателю острым. Это обусловлено грамматической неэквивалентностью конструкций, используемых при переводе.

Речевое поведение персонажей в переводе более этикетно, чем в оригинале: это происходит из-за удлинения конструкций при переводе, а также из-за строгих норм словорасположения в китайском языке. Первое обстоятельство приводит к тому, что герои становятся многословными, а второе – к тому, что утрачивается контекстуальная антитеза **я** и **мы**.

Возвращаясь к началу статьи, обратим внимание на то, что средства речевого воздействия в русском языке описаны довольно обстоятельно.

Однако если относительно лексики или семантики можно говорить о том, какой эквивалент в другом языке лучше передает интенцию говорящего, то относительно грамматических средств речевого доминирования строить выводы очень сложно, как и рассуждать об эквивалентных (в прагматическом аспекте) конструкциях. Грамматика чужого языка часто ограничивает возможности перевода средств речевого доминирования.

Список литературы

- Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск, 2009.
- Норман Б.Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // *Russian linguistics*. 2002. Vol. 26. № 2. P. 217–234.
- Черватюк И.С. Власть как коммуникативная категория: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Перемена, 2006. 18 с.
- Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // *Агрессия в языке и речи*. 2004. С. 19–37.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: URSS, 2006.

References

- Blakar, R.M. (1979), Language as a means of social power. *Pragmalinguistics*, J. Mey (ed.), Paris, The Hague, Mouton, pp. 131-169.
- Chervatiuk, I.S. (2006), *Vlast' kak kommunikativnaja kategorija [The Power as a communicative category]*, abstract of dissertation candidate of philological sciences – PHD, Volgograd, 18 p.
- Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communication strategy and tactics of Russian speech]*, Moscow, 2008.
- Norman, B.Yu. (2009), *Lingvisticheskaja pragmatika [Linguistical Pragmatics]*, Minsk.
- Norman, B.Yu. (2002), Russkoe mestoimenie MY: vnutrennyaya dramaturgiya [The Russian pronoun WE: its internal dramatics]. *Russian Linguistics*, Vol. 26, No. 2, pp. 217-234.
- Scherbinina, Yu.V. (2006), *Verbal'naja agresija [Verbal aggression]*, Moscow.
- Shatunovskij, I.B. (2004), Ritoricheskiye voprosy kak forma agressivnogo rechevogo povedeniya [The rhetorical question as a tool of aggressive speech behaviour]. *Agressija v jazyke i rechi*, pp. 19-37.
- Sheigal, E.I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of the political discourse]*, Moscow, 326 p.
-

**SPEECH DOMINANCE IN THE COMEDY OF A.S. GRIBOEDOV
"Woe FROM WIT": CORRELATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE**

Xinyi Wang, Lifu Zeng, E.V. Markasova
Peking University (Beijing, China)

Abstracts: Article analyses a famous play by Griboedov "Woe from Wit" in order to investigate dominance in interpersonal relationships through speech. The text demonstrates the contest for power in a dialogue which is difficult for foreigners to recognize. For this purpose, we analyze rhetorical questions and constructions with personal pronouns, the primary methods employed in the competition for dominance in a well-known dialogue between the characters Chatsky and Molchalin. Based on a comparison of the original text and a Chinese translation, we examine the differences in perceptions of the character's behavior by Russian and Chinese readers. The dialogues of the characters in the play lose their sharpness because of the length of the sentences in the translation and because of the strict word order in the Chinese language. The conclusions are drawn from discussions with graduate students of Russian language from Peking University.

Key words: contrastive linguistics, pragmatics, speech dominance, a rhetorical question, pronoun.

For citation:

Wang, Xinyi, Zeng, Lifu, Markasova, E.V. (2016), Speech dominance in the comedy of A.S. Griboedov "Woe from wit": correlations in Russian and Chinese. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 93-101. (in Russian).

About the authors:

¹Wang Xinyi, Prof.

²Zeng Lifu, Postgraduate student

³Markasova Elena Valerievna, Prof.

Corresponding authors:

Postal address: 5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing 100871, China

¹E-mail: wang999777@126.com

²E-mail: jenniferwbt@live.cn

³E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Acknowledgements:

The study was carried out under the support of the Ministry of Education of People's Republic of China (Project number 15JJD740009)

Received: August 18, 2016

**АВТОР В ДРАМАТУРГИИ И ПРОЗЕ
С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

И.П. Зайцева

*Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
(Киев, Украина)*

Аннотация: Рассматриваются особенности функционирования в словесно-художественных дискурсах различной родо-литературной принадлежности (прозаического и драматургического) одной из ключевых концептуально-эстетических категорий литературного произведения – фигуры его создателя (автора). Феномен автора рассматривается с позиций коммуникативной стилистики художественного текста, что позволяет более глубоко и многосторонне проанализировать как собственно коммуникативные основания функционирования данной категории, так и ряд составляющих идиостилевого свойства. Продемонстрировано, что в прозе и драматургии фигура автора (повествователя) не только художественно воплощается в различных формах, но и имеет весьма отличную степень представленности в произведении, что закономерно обусловлено конструктивными композиционно-эстетическими параметрами этих родов литературы.

Ключевые слова: дискурс, проза, драматургия, автор, повествователь, коммуникативная стилистика художественного текста, идиостиль.

Для цитирования:

Зайцева И.П. Автор в драматургии и прозе с позиций коммуникативной стилистики художественного текста // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 102–114.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 01030, Украина, Киев, ул. Пирогова, 9

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.09.2016

Возникшее на рубеже XX–XXI вв. и активно развивающееся междисциплинарное направление – **коммуникативная стилистика художественного текста** (подробнее об этом см., например, в работе: [Болотнова 2003]) – создало, помимо прочего, и дополнительные возможности для более глубокого и многостороннего рассмотрения таких ключевых категорий словесно-художественной структуры, как **автор** литературного произведения (обозначаемый также номинациями «образ автора», «рассказчик», «повествователь» и т. д.) и его **адресат** («читатель», «реципиент», «воспринимающая сторона» и т. д.). Эстетическая категория «автор» в данном случае понимается нами как «“субъект эстетической деятельности” (М.М. Бахтин) или Автор-творец, единственная форма бытия которого – само художественное произведение как целое, т. е. как выражение единого смысла, единой личной позиции... по отношению к миру и другому человеку (*герою, читателю*)» [Тамарченко 2008: 11]. Адресат же – «воспринимающая инстанция дискурса, коррелятивная инстанция адресанта (“отправителя” текста). В первичных речевых жанрах фигура адресата совпадает с реальным “получателем” – участником единичного коммуникативного события высказывания; **однако в произведениях идеологических (в частности, литературных) она является позицией миропонимания, уготованной для каждого потенциального реципиента** (выделено мною. – И. З.) – позицией “разных степеней близости, конкретности, осознанности” (М.М. Бахтин)» [Тюпа 2008: 14].

Расширение исследовательской интерпретации означенных категорий в рамках коммуникативной стилистики художественного текста обусловлено в первую очередь акцентами, которые, в соответствии с решаемыми этим направлением задачами, расставляются при осмыслении всех составляющих коммуникативного процесса, *a priori* воплощаемого в литературном произведении в эстетически осложнённом виде. Так, в частности, создатель художественного произведения (его автор) рассматривается в подобных случаях прежде всего как коммуникант с определёнными особенностями речевого поведения, преимущественно ориентированный на воплощение и передачу информации эстетического свойства – ср., например: «Языковая личность автора интересуется коммуникативную стилистику текста в аспекте *идиостиля*, проявляющегося в текстовой деятельности. При этом данное понятие наполняется новым, более широким по объёму содержанием сравнительно с традиционным. <...> Новая интерпретация идиостиля связана с многоаспектностью данного понятия, способного интегрировать разные особенности языковой личности автора (ср. известное суждение “Стиль – это сам человек”). <...> Идиостиль, таким образом, – это стиль личности во всём многообразии её многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике и прагматике текста)» [Болотнова 2003: 159].

Несколько иное – в сравнении с традиционным для коммуникативистики пониманием – столкновение получает в рамках коммуникативной стилистики художественного текста и такая категория, как адресат – ср., например: «При коммуникативно-деятельностном подходе к тексту становится актуальным изучение средств регулятивности и способов регулятивности, т. е. **приёмов организации текстовых микроструктур, стимулирующих речемыслительную деятельность адресата** (здесь и далее выделено мною. – И. З.). Поскольку “за каждым высказыванием стоит волевая задача” (Л.С. Выготский), которая соотносится с одним из этапов текстового развёртывания и общей целевой программой текста, в основу выделения регулятивных структур (регулятивов) целесообразно положить осознание адресатом мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии текста. Средства и способы регулятивности являются важным показателем идиостиля автора и **основным ключом к постижению глубинного смысла текста и его коммуникативного эффекта**» [Болотнова 2003: 161].

При рассмотрении литературно-художественных произведений с позиций коммуникативной стилистики необходимо принимать во внимание тот факт, что в художественных дискурсах различной родо-литературной принадлежности (наиболее традиционное деление на эпос, лирику и драму) их автор имеет неодинаковые как формы, так и меру представленности, что, безусловно, предопределяет и его различные идиостилевые проявления в каждой словесно-художественной структуре.

Минувший XX в. отмечен попытками соотнести литературные произведения, принадлежащие к разным родам литературы, с явлениями, детально изучаемыми в различных гуманитарных сферах: психологии (воспоминание, представление, напряжение); лингвистике (первое, второе и третье грамматические лица и т. д.) и др.

Среди такого рода подходов особого внимания, на наш взгляд, заслуживает концепция австрийского психолога и лингвиста Карла Бюлера, воплощённая в разработанной исследователем в 1930-е гг. теории речи [Бюлер 1993], которую отличает явная коммуникативная ориентированность.

Высказывания, или речевые акты, имеют, по Бюлеру, три аспекта: **репрезентация** (сообщение о предмете речи); **экспрессия** (выражение эмоций говорящего); **апелляция** (обращение говорящего к кому-либо, которое наделяет высказывание собственно действенностью). Будучи взаимосвязанными, эти аспекты по-разному соотносятся друг с другом в высказываниях различных типов, в том числе и в высказываниях художественных. Так, для прозаического произведения наиболее характерна **репрезентация**; в драматургии на первый план выдвигается **апеллятивная, собственно действенная** сторона речи; слово в драматургическом произведении является своего рода **поступком**, совершаемым в определённый момент коммуникации. «Решающая научная верификация нашей

конституирующей формулы, модели языка как органа достигает цели, если обнаруживается, что каждое из трёх отношений, каждая из трёх смысловых функций языкового знака открывает и тематизирует свою область лингвистических феноменов и фактов. И это действительно так. Ибо “языковая экспрессия” и “языковая апелляция” – это части языкового исследования, которые будут противопоставлены языковой репрезентации, являют особенности своей структуры» [Бюлер 1993: 37–38].

Подобную точку зрения разделяют и авторитетные современные исследователи, в работах которых углубляются и конкретизируются многие из позиций теории речи К. Бюлера, – ср., к примеру: «В эпическом роде литературы (др.-гр. *eros* – слово, речь) организующим началом произведения является повествование о персонажах (действующих лицах), их судьбах, поступках, умонастроениях, о событиях в их жизни, составляющих сюжет» [Хализев 1999: 298].

Таким образом, К. Бюлер уже в 1930-е гг. обратил внимание на разную степень представленности личности в произведениях художественной словесности, принадлежащих к разным литературным родам, причём различия затрагивают в данном случае всех субъектов художественного дискурса: **персонажей** (обозначаемых также терминами «герой», «действующее лицо» и др.); **адресата** («читателя») и, конечно же, **автора**, являющегося создателем словесно-художественного дискурса.

В современных же исследованиях проблем художественной речи, в связи с утверждением в гуманитарной науке антропоцентрической парадигмы как ведущей, лингвопрагматический и коммуникативно-стилистический аспекты закономерно вошли в число наиболее значимых как при комплексном, так и при фрагментарном анализе своеобразия словесного пространства литературных произведений.

Настоящая публикация содержит некоторые наблюдения над своеобразием форм художественного воплощения автора в словесно-художественных структурах, принадлежащих к разным литературным родам: эпическому и драматическому. Материалом в данном случае послужили два произведения популярной современной писательницы Виктории Токаревой: ранний рассказ «Рарака», впервые опубликованный в 1973 г. в журнале «Юность», и созданная в 1998 г. пьеса «Ну и пусть». Представляется, что сопоставление этих двух произведений может оказаться весьма исследовательски плодотворным в том числе и в связи с воплощением в них во многом сходных сюжетных линий, что обуславливает практически совпадающий состав персонажей (действующих лиц): в обоих произведениях в числе главных героев подруги Кира и Лариска и их преподаватель Игнатий и т. д.; сходство пространственно-временного обрамления (и в пьесе, и в рассказе подруги встречаются более чем через 10 лет и т. д.) и явную корреляцию других элементов прозаического и драматургического дискурсов. Очевидное сходство развёртывающихся в рассказе и пьесе сюже-

тов позволяет более акцентированно сосредоточиться именно на особенностях идиостиля каждого из произведений, которые в немалой степени обусловлены и их родо-литературной принадлежностью.

Безусловно, в прозаическом произведении автор имеет куда больше возможностей для различных проявлений, нежели в драматургии, где такие возможности существенно сужены конструктивными параметрами этого рода литературы. При этом достаточно широк и диапазон форм воплощения автора в прозе, предопределяемых собственно типом повествования – объективированного либо субъективированного, каждый из которых также имеет как минимум по две разновидности; некоторые из этих форм предполагают совершенно определённое присутствие в литературном произведении автора в его разных ипостасях (повествователь, рассказчик, рассказчик-повествователь и т. д.), его участие в описываемых событиях. В подобных случаях, безусловно, именно фигура автора во многом формирует идиостилевые особенности дискурса, среди которых его композиционная специфика (в частности, характер соотношения композиционно-речевых зон), стилистическая тональность повествования, своеобразии системы изобразительно-выразительных средств и многое другое. «В эпических произведениях глубоко значимо присутствие повествователя. Это – весьма специфическая форма художественного воспроизведения человека. Повествователь является посредником между изображённым и читателем, нередко выступая в роли свидетеля и истолкователя изображаемых событий. <...> Эпическая форма, говоря иначе, воспроизводит не только рассказываемое, но рассказывающего, она художественно запечатлевает манеру говорить и воспринимать мир, а в конечном счёте – склад ума и чувств повествователя. Облик повествователя обнаруживается не в действиях и не в прямых излияниях души, а в своеобразном повествовательном монологе. Выразительные начала такого монолога, являясь его вторичной функцией, вместе с тем очень важны» [Хализев 1999: 300].

Приведённые положения находят подтверждение уже при анализе начального фрагмента рассказа «Рарака», где присутствие повествователя ощущается абсолютно явственно (этому в немалой степени способствует выбранный автором субъективированный тип повествования – повествование от 1-го лица, создающий иллюзию тождественности повествователя и одной из главных героинь произведения, Киры):

Слеза набухла медленно, долго, потом окончательно сформировалась и пошла по щеке. Добралась до края щеки, подождала ещё одну слезу и, набрав тяжесть, сорвалась на стол, покрытый не то смолой, не то чёрной краской.

Лариска размазала слезу пальцем.

– Ну, скажи ему, как есть... – зашептала я. – Просто поди и скажи...

– Что?

– Ну как «что»... Скажи: «Я вас люблю!»

– А он? – Лариска подобрала очередную слезу языком.

– А он тебе ответит.

– Что?

– «Я вас тоже» или скажет: «А я вас нет!» Так ты хоть будешь знать.

– А как ты думаешь, что он скажет?

– Прекратите разговоры! – приказала Гонорская. – Если вам неинтересно, можете выйти из класса. Можете вообще не ходить на мой предмет. Мы с Лариской замолчали (В. Токарева. Рарака).

Начальный абзац художественного прозаического дискурса, задающий не только стилевую тональность, но и концептуально-эстетический смысл всего произведения, – словно кадр крупным планом, фиксирующий внимание адресата-читателя на определённой детали, которая художественно воплощается с очевидным индивидуально-авторским колоритом. Следующий далее диалог двух главных героинь – дополнение, углубление, «расшифровка» заключённого в этом фрагменте смысла, где повествователь является и «свидетелем, и истолкователем» изображаемых событий.

Весьма сходное содержание – суть душевного состояния одной из главных героинь, Ларисы, влюблённой в своего преподавателя Игнатия, – в драматургическом дискурсе, пьесе «Ну и пусть», воплощается несколько иными способами и средствами. После перечня действующих лиц, одного из основных структурно-композиционных элементов драматургического произведения, собственно в начале пьесы наблюдаем начальную ремарку, полифункциональную по своей значимости: в ней объединяются «обстановочные» сведения (о месте действия); характеристики внешнего вида Киры и Ларисы, причём с явными элементами оценки (*очень эффектна; одета по распоследней моде*), а также некоторые мизансценические сведения – т. е. содержание явно повествовательного свойства, однако представленное в очень сжатом, сконцентрированном виде. При этом абсолютно очевидно, что в приведённом фрагменте, в соответствии с требованиями литературного рода, к которому относится произведение, главенствующая роль принадлежит речевой стихии персонажей:

Класс в музыкальном училище. Рояль. Стол. Несколько стульев. На стене портрет Чайковского. Кира и Лариска поджидают Игнатия Петровича. Лариска очень эффектна. Одета по распоследней моде. Кира в глухом чёрном свитере.

Лариска. Я хочу сказать тебе одну вещь, но ты должна поклясться, что никому не скажешь...

Кира. Не скажу.

Лариска. Поклянись.

Кира. Клянусь.

Лариска. Чем?

Кира. А чем клянутся?

Лариска. Что тебе всего дороже?

Кира. Музыка.

Лариска. Ну, значит, музыкой. Скажи: клянусь своим талантом.

Кира. А если я нарушу клятву, то что будет?

Лариска. Ты никогда не поступишь в консерваторию, не станешь знаменитой пианисткой, а будешь работать в клубе, вести хор.

Кира. Да ты что, с ума сошла? Я буду рисковать своим будущим неизвестно из-за чего... Из-за какой-то муры.

Лариска. Почему из-за муры... Ты же не знаешь, что я хочу сказать...

Кира. Что бы то ни было. Не буду я клясться. Хочешь – говори, не хочешь – не говори...

Лариска. Эх ты... А ещё подруга называется...

Кира. Не понимаю, а почему тебе надо обязательно сдирать с меня клятву? А просто так ты не можешь поверить?

Лариска. А никому не скажешь?

Кира. Не скажу (В. Токарева. Ну и пусть).

Приведённый диалог, как представляется, подтверждает положение о том, что «наиболее ответственная роль в драматических произведениях принадлежит условности речевого самораскрытия героев, диалоги и монологи которых, нередко насыщенные афоризмами и сентенциями, оказываются куда более пространными и эффектными, нежели те реплики, которые могли бы быть произнесены в аналогичном жизненном положении» [Хализев 1999: 306].

Оба приведённых диалога – из рассказа и пьесы – художественно изображают ситуацию непринуждённого общения между хорошо знакомыми коммуникантами, в результате чего ориентированы прежде всего на разговорность; при этом диалог в пьесе отличается значительно большей эмоциональностью, напряжённостью и под., формируемые активным использованием фигур экспрессивного синтаксиса (множество неполных и односоставных предложений и т. д.), сниженной лексики (*мура*), тропов и фигур отчётливо индивидуально-авторского свойства (*клянусь своим талантом, сдирать с меня клятву* и т. д.) и иных художественно-изобразительных средств.

Большую напряжённость драматургического диалога, его повышенную экспрессивность, «насыщенность афоризмами и сентенциями» и т. д. наблюдаем и на других участках развёртывания действия в пьесе, что становится особенно очевидным при сравнении художественного воплощения сходного содержания в прозаическом произведении (рассказе). В подтверждение сопоставим ещё два фрагмента из анализируемых произведений, содержащие своеобразную дискуссию Лариски и Киры об от-

ношениях между мужчиной и женщиной – по выражению Лариски, «великой войне полов». В прозаическом дискурсе это содержание передано следующим образом:

Сегодня вторник. Мы с Лариской стоим в мрачноватом коридоре и ожидаем Игнатия Петровича.

– Ну что ты в нём нашла? – спрашиваю я.

– То, что он недоступен моему пониманию. Как марсианин.

– А Лерик доступен твоему пониманию?

Лерик – это Ларискин мальчик, курсант Военно-медицинской академии.

– Тот же недоступен, только с другой стороны, – говорит Лариска. – Я не понимаю, как можно быть таким синантропом.

Лариска влюблена в Игнатия, потому что он педагог, окончил консерваторию и как бы стоит на более высокой ступени развития. И потому, что он не обращает на Лариску никакого внимания.

– Раз я ему не нравлюсь, значит, он и получше видел, – делает Лариска логическое умозаключение. – Значит, я должна быть ещё лучше тех, кто лучше меня. Великая война полов!

– И охота тебе... – удивляюсь я.

– Ещё как охота! А чего ещё делать?

– Мало что ли серьёзных дел?

– Это и есть самое серьёзное дело, если хочешь знать.

– Какое?

– Быть нужным тому, кто нужен тебе!

Лариска стоит передо мной в полном снаряжении для великой войны полов. Верхние и нижние ресницы покрашены так и настолько, что, когда она мигает, я слышу, как они клацают друг о друга, будто у куклы с закрывающимися глазами. Сложена она безукоризненно. Кофточка у неё не на пуговицах, а на шнуровке. Шнуровка неплотная. Видна дорожка между грудями – нежная. Невинная и какая-то самостоятельная не имеющая к Лариске никакого отношения. Эта подробность моментально бросается в глаза и действует на людей по-разному. Девчонки сразу спрашивают: «А ты что, без лифчика ходишь?» – «Ага», – беспечно отвечает Лариска.

Мужчины ни о чём не спрашивают, изо всех сил стараются не смотреть.

Я стою рядом с Лариской в глухом свитере, как репей рядом с хризантемой (В. Токарева. Рарака).

Приведённый фрагмент представляет собой своеобразный «сплав» повествовательного содержания и речевых проявлений персонажей: повествователь в нём, так же как и в приводимой ранее цитате из рассказа, выполняет роль в первую очередь истолкователя (*Лариска влюблена в Игнатия, потому что он педагог, окончил консерваторию и как бы стоит*

на более высокой ступени развития и т. д.), являясь в то же время и свидетелем изображаемых событий (*Лариска стоит передо мной в полном снаряжении для великой войны полов* и т. д.). «В эпических произведениях **повествование подключает к себе и как бы обволакивает высказывания действующих лиц** (здесь и далее выделено мною. – И. З.) – их диалоги и монологи, в том числе внутренние, с ними активно взаимодействуя, их поясняя, дополняя и корректируя. И художественный текст оказывается **сплавом повествовательной речи и высказываний персонажей**» [Хализев 1999: 299].

В драматургическом же дискурсе аналогичная тема художественно воплощается иначе:

Кира. *Не понимаю, как он может нравиться. У него такое выражение, будто ему сунули под нос дохлую кошку.*

Лариска. *А я не люблю счастливых и благоустроенных. Горький сказал: «Неудовлетворённый человек полезен социально и симпатичен лично».*

Кира. *Ты влюблена в Игнатия потому, что он не обращает на тебя внимания.*

Лариска. *Раз я ему не нравлюсь, значит, он и получше видел. Значит, я должны быть ещё лучше тех, кто лучше меня. Великая война полов!*

Кира. *И охота тебе...*

Лариска. *Ещё как охота! А чего ещё делать?*

Кира. *Мало ли серьёзных дел...*

Лариска. *Это и есть самое серьёзное дело, если хочешь знать...*

Кира. *Какое?*

Лариска. *Быть нужным тому, кто нужен тебе.*

Кира. *Он нужен тебе?*

Лариска. *У меня такое впечатление, что он входит в состав моей крови, как гемоглобин. Я без него умру.*

Кира. *А ты ему нужна?*

Лариска. *Просто необходима. Он без меня умрёт. Но он этого не знает.*

Кира. *Чего «этого»?*

Лариска. *Что я ему нужна, Господи... С тобой говорить... Только в своей музыке и понимаешь...*

Кира. *А когда ты успела в него влюбиться? Мы же только третий месяц учимся...*

Лариска. *С первого взгляда.*

Кира. *А что ты почувствовала?*

Лариска. *Я почувствовала: что-то случилось... Как будто архангел Гавриил вытащил золотую трубу и сыграл трубный зов.*

Кира. *Откуда вытащил? Из-под мышки или из футляра?*

Лариска. *Кто?*

Кира. *Архангел Гавриил.*

Лариска. *Слушай, с тобой невозможно общаться. В области чувственной ты бездарна, как пень.*

Кира. *А это заметно?*

Лариска. *Ещё бы не заметно. Посмотри на себя. Тебе 18 лет, а ты стоишь вся в чёрном, как абхазка в трауре.*

Кира. *А сейчас на Западе модно быть неодетым.*

Лариска. *Правильно. Надо быть неодетым, но так, чтобы было видно, что это модно. А не просто неодетым как солдатская вдова. Девушка должна быть, как хризантема в саду. А ты – как репей на дороге.*

Кира. *А ты видела репей? Репей, если разобраться, – это очень красивый цветок. Если рассмотреть – потрясающее сочетание серого с фиолетовым.*

Лариска. *Ну, это если разобраться и рассмотреть. Кто это будет смотреть и разбираться. Репей – есть репей (В. Токарева. Ну и пусть).*

Во-первых, приведённый фрагмент представляет собою исключительно диалог, который не только не «перебивается» повествовательными вкраплениями, но даже не содержит ни одной ремарки: он состоит из 30 чередующихся реплик, половина из которых принадлежит Кире, половина – Лариске, т. е. перед нами художественно воссозданный коммуникативный акт равноправных партнёров. Во-вторых, этот диалог содержит множество художественно-изобразительных средств индивидуально-стилистического свойства, формирующих неповторимость авторского почерка, причём в полном соответствии с особенностями воплощения в драматургии образов персонажей и автора: «Драматург, ставя своего рода эксперимент, показывает, как высказался бы человек, если бы в произносимых словах он выражал свои умонастроения с максимальной полнотой и яркостью. И речь в драматическом произведении нередко обретает сходство с речью художественно-лирической либо ораторской: герои здесь склонны изъясняться как импровизаторы-поэты или мастера публичных выступлений. Поэтому отчасти прав был Гегель, рассматривая драму как синтез эпического начала (событийность) и лирического (речевая экспрессия)» [Хализев 1999: 306].

Отметим наиболее яркие, на наш взгляд, средства создания образности (характеризующие как выводимых в пьесе персонажей, так и – через посредство этих персонажей – автора-драматурга): введение в диалог афоризма (реплика Лариски: *А я не люблю счастливых и благоустроенных. Горький сказал: «Неудовлетворённый человек полезен социально и симпатичен лично»*); множество конструкций, воплощающих фигуры экспрессивного синтаксиса (односоставные, неполные, парцелированные и иные предложения); обилие необыкновенно выразительных и при этом сугубо индивидуально-авторских сравнений (*у него такое выражение, будто*

ему сунули под нос дохлую кошку; ...что-то случилось... Как будто архангел Гавриил вытащил золотую трубу и сыграл трубный зов; в области чувственной ты бездарна, как пень; ...ты стоишь вся в чёрном, как абхазка в трауре; девушка должна быть, как хризантема в саду. А ты – как репей на дороге и т. д.) и другие средства, существенно повышающие экспрессию и образно-речевую конкретизацию дискурса.

Примечательно, что на присущие драматургии особенности обращают внимание не только исследователи, но и сами создатели пьес – ср., к примеру, мнение одного из современных авторов, Юлиу Эдлеса: «...по сравнению с прозой драматургия обладает неизмеримо большей свободой и независимостью от бытовой детализации, от массы подробностей повседневности, костюма, внешности героев, пейзажа и вообще всяческой “атрибутики”, от необходимости всё объяснять и обосновывать. В ней больше “внутреннего пространства”, и в этом она более сродни поэзии, чем прозе. <...>

Едва ли бы Чехов-прозаик решился вложить в уста персонажа какого-нибудь рассказа слова: “Мы ещё увидим всё небо в алмазах”, – вероятнее всего, в прозе это его самого покорило бы. А в драме можно – и не коробит, и не раздражает» [Эдлис 1999: 458].

Приведённые в настоящей публикации наблюдения, как представляется, свидетельствуют о том, что осмысление коммуникативно-речевых актов и их отдельных составляющих, которые воплощены в художественных дискурсах в эстетически осложнённом виде, даёт возможность глубже и детальнее осмыслить коммуникацию в принципе, побуждает к выстраиванию более точных и адекватных сути коммуникативного процесса классификаций – причём во всём богатстве и многообразии его типов и разновидностей, обусловленных целями общения, своеобразием личностей адресанта и адресата, особенностями ситуации общения и другими значимыми для осуществления коммуникативного взаимодействия факторами.

Список литературы

- Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
- Бюлер К.* Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Тамарченко Н.Д.* Автор // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 11–14.
- Тюпа В.И.* Адресат // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 14–15.
- Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
- Эдлис Ю.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Изограф, 1998–1999. Т. V: Записки недотёпы. Размышления post factum. 1999. 464 с.

Источники

Токарева В.С. Ну и пусть // Токарева В.С. Ну и пусть: Пьеса. Повести. Рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 7–74. (Серия «Очарованная душа»).

Токарева В. Рарака // Токарева В. На черта нам чужие: Повести, рассказы. М.: Локид, 1995. С. 402–424.

References

Bolotnova, N.S. (2003), Literary stylistics. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian language*, Moscow, Flinta, pp. 157-162. (in Russian).

Buhler, K. (1993), *Theory of Language*, Moscow, Progress, 528 p. (in Russian).

Edlis, Y. (1999), *Collected works*, in 5 volumes, Moscow, Izograf, Vol. 5, 464 p. (in Russian).

Halizev, V.E. (1999), *Teorija literatury [Theory of Literature]*, Moscow, High School, 398 p.

Tamarchenko, N.D. (2008), Author. *Poetics*, a dictionary of terms and concepts relevant, chief science ed. N.D. Tamarchenko, Moscow, Kulagina's Publishing House, Intrada, pp. 11-14. (in Russian).

Tupa, V.I. (2008), Addressee. *Poetics*, a dictionary of terms and concepts relevant, chief science ed. N.D. Tamarchenko, Moscow, Kulagina's Publishing House, Intrada, pp. 14-15. (in Russian).

Sources

Tokareva, V. (1998), Nu i pust [Well, let]. Tokareva V. *Well, let*, Play. Novel. Stories, Moscow, EKSMO-Press, pp. 7-74. (Series "The Enchanted soul").

Tokareva, V. (1995), Raraka. Tokareva V. *Na cherta nam chuzhije [In the feature we strangers]*, novel, stories, Moscow, Lokid, pp. 402-424.

AUTHOR IN DRAMA AND PROSE FROM THE STANDPOINT OF THE COMMUNICATIVE STYLISTICS OF A LITERARY TEXT

I.P. Zaitseva

National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine)

Abstract: The article considers the peculiarities of functioning in verbal and artistic discourses belonging to different kinds of literature (prose and drama), one of the key conceptual and aesthetic categories of literary work – the figure of its creator (author). Author's phenomenon considered from the standpoint of the communicative stylistics of a literary text, which allows more deeply and comprehensively analyze a proper functioning of the communication base the category and number of components idiostyle's properties. It was demonstrated that in prose and dramatic figure of the author (narrator) not only artistically embodied in various forms, but also has a very great degree of representation in the work, which naturally caused by structural compositional and aesthetic parameters of these kinds of literature.

Key words: discourse, prose, drama, author, narrator, communicative stylistics of a literary text, idiostyle.

For citation:

Zaitseva, I.P. (2016), Author in drama and prose from the standpoint of the communicative stylistics of a literary text. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 102-114. (in Russian).

About the author:

Zaitseva Irina Pavlovna, Prof.

Corresponding author:

Postal address: 9 Pirogova ul., Kyiv, 01030, Ukraine

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Received: September 21, 2016

**ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ СТУДЕНТОВ
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ЧЕТВЕРТОГО СОСЛОВИЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ П.Д. БОБОРЫКИНА «ОДНОКУРСНИКИ»)**

Яо Сюе

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются способы описания студентов как представителей социальной группы в русской прозе конца XIX в. В связи с этим затрагиваются социально-культурная ситуация и значимые события эпохи, в том числе реформы образования, являющиеся историческим фоном для анализа. Исследование проводится на материале повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники», в которой герои-студенты изображаются как группа людей, объединенных сходными характеристиками и отличающихся по этим параметрам от других членов российского общества конца XIX в. Студенты оцениваются в повести как представители складывающейся в указанную эпоху новой социальной группы, названной «четвертым сословием». На основании анализа материала в статье представлены определение и состав «четвертого сословия», перечислены и классифицированы различные номинации, обозначающие людей, составляющих новое сословие. Кроме того, выявлены отличительные черты этого сословия, его оценка разными членами общества, включая студенческую самооценку, отмечена роль студентов в государственной и социальной жизни. Все это приводит к заключению, что выражение «четвертое сословие» выступает в исследованном материале синонимом слова «интеллигенция».

Ключевые слова: студент, четвертое сословие, интеллигент, русская проза, конец XIX в., П.Д. Боборыкин.

Для цитирования:

Сюе Яо. Особенности описания студентов как представителей «четвертого сословия» (на материале повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники») // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 115–122.

Сведения об авторе:

Сюе Яо, аспирант кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

E-mail: xueyao@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.07.2016

В повести «Однокурсники» (1900) П.Д. Боборыкина замечено выражение «четвертое сословие», которое в контексте обозначает интеллигентов, образованных людей, не являющихся аристократами, представителями духовенства или купечества. «Этим термином обозначается иногда рабочий класс. Он возник по аналогии с термином третье сословие и вошел в употребление преимущественно с 1840-х гг.» [Энциклопедический словарь 1903: 736], но этот термин исторически многозначен, в данной повести он выступает в качестве малоупотребительного выражения, которое имеет значение «студенты», «интеллигенты».

Согласно словарному определению, значение единицы «интеллигент» – «лицо, принадлежащее к интеллигенции», которая обозначает «работников умственного труда, имеющих специальную подготовку и знания в различных областях науки, техники и культуры» [БАС, Т. 5, 1956: 387, 389]. Тем не менее, с точки зрения П.Д. Боборыкина, которого считают «крестным отцом» термина «интеллигенция» в русской прозе, русский интеллигент является не просто работником умственного труда, а высококравственным и прогрессивно мыслящим человеком, у которого очень богатый внутренний мир [Евдокимова 2015: 63]. Поскольку обычно жизнь интеллигента начиналась с высшего учебного заведения, студенты входят в число интеллигенции и играют немалую роль в романе П.Д. Боборыкина.

Студент представляет собой «учащегося высшего учебного заведения» [БАС, Т. 14, 1963: 1096]. Первые вузы в России возникли благодаря реформам Петра I, деятельность университетов регулировалась университетскими уставами. В истории российского высшего образования было пять университетских уставов, среди которых принятый при Александре III устав 1884 г., значительно повлиявший на университетскую жизнь, занимает особое место. Университетский устав 1884 г. лишил высшие учебные заведения автономии, в результате чего плата за обучение повысилась и стала доступна не для каждого человека. Кроме того, студенты находились под постоянным контролем попечителей, инспекторов и полиции, даже были различные наказания для виновных студентов [Яковленко 2015: 224]. В таком историческом контексте учился в Московском университете в качестве экс-штрафного студента герой повести «Однокурсники», который принадлежит к «четвертому сословию».

В данной работе собраны и классифицированы все слова и выражения, которые употребляются при описании членов «четвертого сословия» в повести «Однокурсники». Насчитывается всего 14 единиц номинации, которые представлены в тексте в разных количествах словоупотреблений и в различной сочетаемости: 1) *студент* (50 единиц), в том числе *заурядный студент*, *штрафной студент* и другие выражения; 2) *товарищ* (32); 3) *однокурсник* (29); 4) *интеллигент* (17); 5) *интеллигенция* (11); 6) *студенческий* (5), например *студенческая братия* и *студенческий вожак*; 7) *студенчество* (3); 8) *сверстник* (3); 9) *первокурсник* (2); 10) *умствен-*

ный пролетариат (2); 11) *однокашник* (2); 12) *студиозус* (1); 13) *студентик-новичок* (1); 14) *магистрант* (1). В настоящей статье анализируются только самые типичные примеры из первых четырех групп.

В первой группе представлены слова и словосочетания, связанные со студентом, например:

1) *Ему лично, Ивану Заплатину, экс-штрафному студенту – не хотелось поддаваться «настроению» такой вот пьесы.*

2) *И даже довольно обидно за молодежь (он произносил: «мóлодеж»), что слишком у нас скоро обобщают. Сейчас – вывод: никуда не годная генерация, нынешние студенты дрянь, – ни идеалов, ни идей, ни знаний, ни хороших чувств. Это вздор!*

3) *Она хотела ему показать, что миллионы, в ее глазах, не все, что ее жених, хотя он и заурядный студент, и сын провинциального купца третьей гильдии, но у него есть принципы, и он всегда способен поступиться своей свободой за то дело, которое считает правым.*

В предложении (1) П.Д. Боборыкин называет героя Заплатина *экс-штрафным студентом*, это название содержит социокультурную информацию. Как уже было указано, после опубликования Университетского устава 1884 г. студенты попали под усиленный контроль, они подвергались за совершенные проступки различным наказаниям, вплоть до выдворения из университетского города на родину под надзор полиции. После годовой ссылки в родной город Заплатин снова вернулся в Москву и продолжил учиться в университете, поэтому писатель охарактеризовывает его как *экс-штрафного студента*.

Пример (2) показывает мнение студента о других студентах. Персонаж Кантаков не согласен с тем мнением, которое пересказывает. С точки зрения Кантакова, у современных ему студентов имеются идеалы, идеи, знания и хорошие чувства. Он дает положительную оценку членам «четвертого сословия».

В примере (3) демонстрируются оценки студентов другими членами общества. Невеста Заплатина Надя любит своего жениха, хотя он представляется ей просто *заурядным студентом*. Использованное прилагательное значит «ничем не выдающийся, обыденный, посредственный» [БАС, Т. 4, 1955: 1085]. По мнению Нади, заурядный студент, с одной стороны, это ничем не выдающийся студент, у него нет больших успехов в учебе, а с другой – Надя считает своего жениха простым студентом, а не богатым купцом или другим человеком, имеющим высокий социальный статус.

По частоте появления в романе второе место занимает слово *товарищ*, которое имеет несколько значений: «человек, участвующий с кем-либо в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; человек, связанный с другими общей профессией, местом работы; человек, связанный с кем-либо узами дружбы; человек, идейно связанный с другими людьми, участвующий вместе с ними в общем деле, борьбе; о человеке нового, социа-

листического общества и др.» [БАС, Т. 14, 1963: 512–515]. В данной повести языковая единица *товарищ* имеет только два значения:

4) *Пятов назвал ему Заплатаина, прибавив, что они были товарищи по курсу; тот вытянул губу и, ничего не сказав, пожал его руку.*

5) – *Это в последний раз! – прошептал он. – Но помни, Надя... когда ты почувствуешь, что ты на краю того оврага, куда так легко скатиться на сцене... помни, что у тебя остался товарищ... только товарищ, Иван Заплатин. Пошли за ним, когда еще не поздно.*

В этих двух примерах лексема *товарищ* обозначает Заплатаина, тем не менее это слово обладает разными значениями. В примере (4) слово *товарищ* является синонимом единицы «однокурсник», иными словами, Заплатин и Пятов учились на одном курсе. А в другом примере можно заменить слово *товарищ* на единицу «друг». При анализе его употребления в тексте можно обнаружить, что *товарищ* в примере (5) не принадлежит к числу «четвертого сословия».

В третьей группе единица *однокурсник* используется так же, как в названии повести, и означает «студент, учащийся или учившийся на одном курсе с кем-либо» [БАС, Т. 9, 1959: 696].

6) *Третьего дня она ему напомнила:*

– *Когда же мы к твоему Элиодору? Неловко так оттягивать.*

Он должен был дать ей слово, что напишет ему в тот же день.

Сегодня он весь сам не свой с утра. В двенадцатом часу он должен зайти за Надей и везти ее туда, на Садовую, за Илью Пророка, в хоромы своего однокурсника-принципала.

7) *Заплатин слушал с полужакрытыми глазами, и его однокурсник, со всеми своими интеллигентными затеями, автор будущей книги об эстетических взглядах Адама Смита – выступил перед ним, как настоящее бытовое лицо.*

Единица *однокурсник-принципал* состоит из двух частей, слово *принципал* значит «начальник, хозяин» [БАС, Т. 11, 1961: 639], поэтому в контексте эта единица означает, что Элиодор является и человеком, учившимся вместе с Заплатиным, и тем, кто дает ему работу. Здесь показана ирония автора: оба персонажа были студентами, но сейчас один из них зависит от воли и настроения другого, т. е. Элиодор и Заплатин входят в «четвертое сословие» с разными статусами. В следующем примере однокурсник Элиодор описан в другом ракурсе, в частности у него имеются интеллигентные затеи и выйдет книга – все доказывает, что этот однокурсник представляет собой члена «четвертого сословия», хотя и не типичного.

В четвертую группу входит слово *интеллигент* и даже его перевод на иностранный язык, например:

8) *Слова: «интеллигенция» и «интеллигент» – произносятся с особым выражением, почти как смехотворные прозвища.*

А ему они до сих пор дороги. Нужды нет, что они переделаны с иностранного. Без них небось никакой разговор не ведется.

*Не станет он сам себя величать: «я **интеллигент**»; но не будь он из этого «сословия», – что бы в нем сидело? Какие устои? Какие идеи и упования?*

Не смущает его то, что теперь и у нас, в Европе, в такой передовой стране, как Франция, раздаются такие же голоса.

*И там кличка «**intellectuel**» – **бранное прозвище**. Но для кого? Для реакционеров-националистов, для тех, кто с пеной у рта оплевывал лучших людей Франции, кто цинически ликовал при вторичном незаконном приговоре над невинным, потому что он – «жид».*

*9) Ведь она (пьеса. – Я. С.) делается же кругом, худо ли, хорошо ли – с потерями и тратами, с пороками и страстями. И народ, и разночинцы, и купцы, и чиновники, и **интеллигенты** – все захвачены огромной машиной государственной и социальной жизни. Все в ней перемелется, шелуха отлетит; а хорошая мука пойдет на питательный хлеб.*

*10) Не затем он собрался прочесть ее Заплатину, чтобы «сворачивать» его в свою веру, а затем, чтобы посмотреть – насколько такие вопросы могут вызвать **сочувствие в среднем, хорошем интеллигенте**.*

В примере (8) большие фрагменты посвящены описанию и оценке интеллигента. Это оценка студентов и – шире – интеллектуалов «международного масштаба». Интеллигенты противопоставляются реакционерам-националистам, и это противопоставление обнаруживает себя в реакции на приговор невинному человеку. Имеется в виду громкий судебный процесс по делу Дрейфуса, французского офицера еврейского происхождения, обвиненного в шпионаже. Дрейфуса защищали французские писатели, особенно известна речь Эмиля Золя. Таким образом, обозначена одна из ведущих характеристик интеллигентов и интеллигенции как социальной группы: обостренное чувство справедливости.

Кроме того, важно отметить мнение студента о том, что интеллигенты составляют сословие. Здесь мы наблюдаем самоидентификацию персонажа.

Пример (9) не только указывает, что интеллигенты играют важную роль в государственной и социальной жизни, но и представляет размышления Заплатина о тех новых идеях, которые воплотились в пьесах Чехова. Писатель описывает здесь Заплатина как настоящего интеллигента, размышляющего о роли искусства, об отражении жизни в искусстве, о том, что привлекает человека в театре.

В примере (10) выражается оценка Заплатина его бывшим сокурсником Щелоковым: *средний и хороший интеллигент*. Из примеров (9) и (10) можно сделать вывод, что, по мнению как автора повести, так и персонажа, герой романа Заплатин принадлежит к «четвертому сословию». Таким

образом, оценка Заплатаина сторонним наблюдателем (автором) и другим персонажем, находящимся внутри ситуации, совпадают.

Классифицирование и анализ единиц, обозначающих представителей «четвертого сословия», приводят к следующим выводам: 1) четвертое сословие включает в себя интеллигентов, студентов и др., в некоторых случаях эти слова, в том числе единицы *однокурсник* и *товарищ*, могут заменять друг друга, выступая как контекстуальные синонимы; 2) существуют и положительные и отрицательные оценки данного сословия разными членами общества; 3) одно слово в различных случаях имеет разные значения, которые иногда не имеют отношения к «четвертому сословию»; 4) интеллигенты играют значительную роль в обществе, и окружающие признают это; 5) герой повести «Однокурсники» Заплатин является самым типичным студентом – представителем «четвертого сословия»; 6) внутри «четвертого сословия» существуют еще подклассы, включающие людей относительно высокого или низкого статуса.

Таким образом, анализ контекстов, в которых употреблены интересующие нас единицы, позволил установить общие черты, которыми наделяются студенты в русской прозе конца XIX в. Это люди, осваивающие теоретические и практические знания, необходимые в их будущем умственном труде, кроме того, практически каждого из них можно назвать мыслящим человеком с богатым внутренним миром. Все эти качества свидетельствуют о том, что студенты рассматриваются в прозе XIX в. как социальная группа, из которой вырастает научная и творческая интеллигенция. Полученные результаты будут полезны как для рассмотрения процесса формирования интеллигенции, так и для выявления в дальнейших исследованиях русской прозы особенностей описания интеллигентов современной эпохи.

Список литературы

- БАС* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 4. 1955. 1364 с.; Т. 5. 1956. 1918 с.; Т. 9. 1959. 1482 с.; Т. 11. 1961. 1842 с.; Т. 14. 1963. 1390 с.
- Евдокимова О.К.* Некоторые аспекты темы интеллигенции в творчестве П.Д. Боборыкина // История русского литературного процесса XI–XX вв. и закономерности его развития на современном этапе. Чебоксары, 2015. С. 61–65.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903.
- Яковленко А.Е.* Преобразование университетских уставов на протяжении XIX века // Уникальные исследования XXI века. Казань, 2015. С. 222–225.

Источники

- Боборыкин П.Д.* Однокурсники // Соч.: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. С. Чу-принина. М., 1993. Т. 3. С. 502–611.

References

- (1903), *Collegiate Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron*, St. Petersburg, Vol. 38. (in Russian).
- (1950-1965), *Dictionary of Modern Russian Literary Language*, in 17 volumes, Moscow, Leningrad. (in Russian).
- Yakovlenko, A.E. (2015), *Preobrazovanie universitetskikh ustavov na protyazhenii 19 veka* [The Transformation of University Regulations throughout the 19 century]. *Unikal'nyye issledovaniya 21 veka* [Unique Study of the 21 century], Kazan, pp. 222-225.
- Yevdokimova, O.K. (2015), *Nekotorye aspekty temy intelligentsii v tvorchestve P.D. Boborykina* [Some aspects of the intellectuals theme in the works of P.D. Boborykin]. *Istoriya russkogo literaturnogo protsessa 19-20 vv. i zakonmernosti ego razvitiya na sovremennom etape* [The history of Russian literary process in 19-20 centuries and the laws of its development at the present stage], Cheboksary, pp. 61-65.

Sources

- Boborykin, P.D. (1993), *Odnokursniki* [Classmates]. *Works*, in 3 volumes, drafting, preparation of the text, notes by S. Chuprinin, Moscow, Vol. 3, pp. 502-611.
-

**FEATURES OF THE DESCRIPTION OF STUDENTS AS THE
REPRESENTATIVES OF “THE FOURTH CLASS” (ON THE EXAMPLE
OF THE NOVEL “CLASSMATES” BY P.D. BOBORYKIN)**

Yao Xue

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Abstract: Article focuses on the ways of describing students as the representatives of a social group in the Russian prose of the late 19th century. In this context, it concerns the socio-cultural situation and significant events in the period, including education reform, which is the historical background for the analysis. This research is based on the novel “Classmates” by P.D. Boborykin, in this novel the leading characters-students are described as a group of people united by the similar characteristics and differed in these parameters from the other members of Russian society at the end of the 19th century. Students are evaluated in this story as the representatives of the new social group called “the fourth class”, which is formed in the specified era. Based on the analysis of the material the author presents the definition and composition of “the fourth class”. The various nominations, indicating the people that make up the new class are listed and classified. In addition, it also describes the features of this class, its assessment of the various members of society, including students’ self-assessment; moreover, this study emphasizes the role of students in public and social life. All this leads to the conclusion that the term “the fourth class” appears in the investigated material as the synonym to the word “intelligentsia”.

Key words: student, the fourth class, intellectuals, the Russian prose, the late 19th century, P.D. Boborykin.

For citation:

Xue, Yao (2016), Features of the description of students as the representatives of “the fourth class” (on the example of the novel “Classmates” by P.D. Boborykin). *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 115-122. (in Russian).

About the author:

Xue Yao, postgraduate student of the Chair of Russian Language

Corresponding author:

Postal address: 11 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: xueyao@mail.ru

Received: July 01, 2016

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV

REVIEWS. CHRONICLE

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Е.Н. ГОРБАЧЕВОЙ «ДИСКУРСИВНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ:
ПРИЗНАКИ, ТИПЫ, ЖАНРЫ»**

И.В. Палашевская

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

Аннотация: Рецензируемая монография посвящена актуальным проблемам прагмалингвистики и теории дискурса: дискурсивный феномен «перформативность» рассматривается в социокоммуникативном, функциональном и жанровом аспектах. Рецензенту представляется значимой предложенная автором лингвокогнитивная модель «операция – действие – поступок», позволяющая выделить разновидности перформативной языковой личности: инстинктивную, рефлексирующую и интуитивную. Ценным с научной точки зрения видится изучение фактогенности как прагматической основы перформативности, рассмотрение ее на референциально-смысловом и коммуникативно-событийном уровнях. Особого внимания заслуживает модель описания речевого жанра на основе его перформативных характеристик. Монография оценивается как фундаментальное исследование, обладающее научной новизной, теоретической значимостью и практической ценностью.

Ключевые слова: дискурс, прагмалингвистика, перформативность, перформативные стратегии, фактогенность дискурса.

Для цитирования:

Палашевская И.В. Рецензия на монографию Е.Н. Горбачевой «Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры» // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 125–128.

Сведения об авторе:

Палашевская Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 400062, Россия, Волгоград, Университетский пр., 100

E-mail: english@volsu.ru

Дата поступления статьи: 10.07.2016

Рецензируемая монография выполнена в русле прагмалингвистических исследований, в фокусе внимания которых – действия в социальном контексте, проблемы интерпретации речевых высказываний в коммуникативных эпизодах. Актуальность выбранной автором темы обусловлена научным поиском единых моделей исследования дискурсивных практик, стремлением охватить все бесконечное множество коммуникативных поступков. В монографии предлагаются инструменты исследования дискурса с позиции перформативности. При этом перформативность для автора – не просто интересное свойство некоторых языковых выражений, языковое осуществление поступка, но неотъемлемое свойство дискурса, выполняющее функцию коммуникативной фактуализации явления, конструирования социальной реальности.

В монографии автор совмещает изложение ведущих научных идей с содержательным анализом проблем и обоснованием собственного решения в виде ряда прагмалингвистических моделей, охватывающих конститутивные признаки дискурсивной перформативности, конструктивную основу построения перформативов, манифестационные характеристики перформативности на различных уровнях дискурса и др.

Автор солидарен с традиционным взглядом на перформативность как саму по себе не обладающую значением, но возникающую и создающую значения в контексте. В связи с этим автор акцентирует внимание на ситуативном факторе реализации интенции и критериях оценки её реализации как коммуникативного поступка. Новизной данного исследования является расширение спектра признаков перформативности, позволяющих исследовать градуальность перформативности, дифференцировать её типы и особенности манифестации.

Ценной представляется предложенная лингвокогнитивная модель «операция – действие – поступок», на основе которой автор выделяет три разновидности перформативной языковой личности: инстинктивную, рефлексивную, интуитивную, – которые действуют в соответствии с определёнными когнитивными стилями. Интерес вызывает исследование автором инстинктивного действия в институциональной среде, навязываемое императивным образом, в виде само собой разумеющихся предписаний или запретов, следование которым происходит автоматически, некоторым рутинным, нереплексивным образом. Высшей компетенцией автор признает прогностичность и аксиологическую интуитивность коммуникативного поведения, реализуемого посредством коммуникативных поступков. В монографии предлагается ряд когнитивных моделей операций, действий и поступков, позволяющих анализировать перформативное микроструктур речевых процессов.

Особого внимания заслуживает исследование фактогенности как прагматической основы перформативности, её рассмотрение на референциально-смысловом и коммуникативно-событийном уровнях. Данная те-

ма представляется особенно актуальной в контексте внимания науки и общественности к проблеме влияния перформативных практик на социальную реальность. Автора интересует сам процесс становления факта в различных типах дискурса, способы превращения явления действительности в факт языкового сознания и культуры. Важным следует признать положение о градуальности фактогенности дискурса, анализ переходов фактуальной перформативности в фактуально-событийную, когда события перестают представлять факты и сами становятся фактами, а также когда происходит переключение внимания участников дискурса на перформансную сторону взаимодействия, превращение социальной практики в «искусство» и, наоборот, искусства в социальную практику.

Интерес вызывает также раскрытие стратегической сущности перформативности, уделение пристального внимания системе способов коммуникативного осуществления поступка (применительно к юридическому, рекламному, политическому и персональному типам дискурса), разработка модели описания речевого жанра на основе его перформативных характеристик (применительно к жанру «спор»). Эти аспекты работы представляются особенно важными, так как способы коммуникативного осуществления поступка, в той или иной разновидности общения, задают конечные области смыслов и образуют то, что характеризует каждую из них как некое специфическое единство.

Монография представляет собой фундаментальное исследование, обладающее научной новизной, теоретической значимостью и практической ценностью; она, несомненно, вызовет интерес у научного сообщества и может быть адресована не только специалистам в области дискурса, но и широкому кругу исследователей социальных практик.

REVIEW ON THE E.N. GORBACHEVA'S MONOGRAPH "DISCURSIVE PERFORMATIVITY: FEATURES, TYPES, GENRES"

I.V. Palashevskaya

Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Abstract: The reviewed monograph is devoted to the actual problems of pragmalinguistics and theory of discourse: the discursive phenomenon of "performativity" is considered in socio-communicative, functional, and genre aspects. The reviewer finds important linguocognitive "operation – action – action" model proposed by the author that allows distinguishing types of performative language personality: the instinctive, reflective, and intuitive. To study the fact-generating potential as a pragmatic basis of performativity is valuable from a scientific point of view, as well as to review it on referentially-semantic and communicatively-event levels. A model of description of speech genres based on its performative characteristics deserves special attention. The monograph "Discursive performativity: features,

types, genres” is a fundamental research, having scientific novelty, theoretical significance and practical value.

Key words: discourse, pragmalinguistics, performative, performative strategies, fact-generating discourse.

For citation:

Palashevskaya, I.V. (2016), Review on the E.N. Gorbacheva’s monograph “Discursive performativity: features, types, genres”. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 125-128. (in Russian).

About the author:

Palashevskaya Irina Vladimirovna, Prof., Associate Professor of the Chair of Romance and Germanic Philology

Corresponding author:

Postal address: 100 Universitetsky pr., Volgograd, 400062, Russia

E-mail: english@volsu.ru

Received: July 10, 2016

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЖИЗНЬ – СЛОВО – ВСЕЛЕННАЯ:
ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ЕФИМОВНЫ БЕССОНОВОЙ»**

Л.А. Петрова

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Россия)

Аннотация: Рецензируется книга «Жизнь – Слово – Вселенная: памяти Людмилы Ефимовны Бессоновой» (сост. Л.А. Орехова, А.В. Петров, Н.А. Сегал. Симферополь, 2016. 272 с.). Книга состоит из двух частей – «Научная деятельность» и «Воспоминания коллег и учеников» – и включает наиболее значимые работы Л.Е. Бессоновой с 1979 до 2015 г., расположенные в тематическом порядке: лексическая и грамматическая семантика, политическая коммуникация, статьи, написанные в соавторстве с учениками, а также воспоминания коллег Л.Е. Бессоновой. Отмечается, что рецензируемая книга будет интересна широкому кругу филологов, научные интересы которых составляют лексическая и грамматическая семантика, электронная лексикография, концептология и политический дискурс.

Ключевые слова: Л.Е. Бессонова, прагмалингвистика, лексическая и грамматическая семантика, политическая лингвистика.

Для цитирования:

Петрова Л.А. Рецензия на книгу «Жизнь – Слово – Вселенная: памяти Людмилы Ефимовны Бессоновой» // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 129–133.

Сведения об авторе:

Петрова Луиза Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295015, Россия, Симферополь, Учебный пер., 8

E-mail: liza_nada@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.07.2016

Книга «Жизнь – Слово – Вселенная: Памяти Людмилы Ефимовны Бессоновой» (сост. Л.А. Орехова, А.В. Петров, Н.А. Сегал. Симферополь, 2016. 272 с., вклейка (16 с.)) является не только мемориальным изданием, но и сборником научных трудов, посвящённых актуальным направлениям современной лингвистики.

Издание состоит из двух частей: Часть I. Научная деятельность; Часть II. Воспоминания коллег и учеников.

В предисловии (От составителей) представлен жизненный очерк Людмилы Ефимовны Бессоновой, в которой гармонично сочетались любовь к науке и преподаванию, добросовестность и принципиальность, тонкая душевная организация и женская грация. Приводим текст полностью.

«Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского, славянского и общего языкознания в 2009–2014 гг., Л.Е. Бессонова была увлечённым исследователем; чувство слова, скрупулёзность пронизывает все её работы. Её преподавательская деятельность была связана с Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского (ранее – Симферопольский государственный университет имени М.В. Фрунзе, а затем – Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского).

В 1975 году Л. Е. Бессонова с отличием закончила филологический факультет Симферопольского государственного университета имени М.В. Фрунзе по специальности “русский язык и литература”. Первые научные работы были посвящены грамматической и лексической семантике.

Работа в Вилламетском университете (США, штат Орегон) в должности преподавателя (1990–1991 гг.), а позже – научная и преподавательская работа в Институте русского языка в г. Бохум (Германия) в качестве приглашённого доцента (1993–1995 гг.), научные контакты с ведущими отечественными и зарубежными учёными позволили Л.Е. Бессоновой расширить спектр научных интересов. С конца 1990-х годов появляются статьи, посвящённые межкультурной коммуникации, лингвопрагматике, концептологии, политической лингвистике и другим актуальным проблемам современного языкознания, в которых использовались новые приёмы в исследовании языковых единиц.

Л.Е. Бессонова – автор более 120-ти научных и научно-методических работ по лексической и грамматической семантике, организации политического текста и дискурса, языковой концептуализации, теории референции, комплексному описанию лексики, прагмалингвистическому анализу текста; соавтор учебного пособия “Практическая лексикология русского языка” (Симферополь, 2006), переизданного в Одессе в 2012 году. Под её руководством были подготовлены и защищены 4 кандидатские диссертации.

Научно-мемориальное издание включает наиболее значимые работы Людмилы Ефимовны Бессоновой с 1979 года (начало её научной деятельности) до 2015 года (окончание земного пути), расположенные в тематическом порядке: лексическая и грамматическая семантика, политическая коммуникация. Отдельный раздел представляют статьи, написанные в соавторстве с учениками – студентами, аспирантами, сегодняшними кандидатами наук».

В последнее десятилетие Л.Е. Бессонова сфокусировала внимание на «универсалиях», которые прослеживаются в политическом дискурсе.

Имеются в виду семантико-прагматические универсалии, представленные концептами разного уровня обобщения: «власть», «толерантность», «интеграция». Подчеркнём, что термин «политический дискурс» соотносится с понятием «политическая картина мира», которое в современной гуманитарной науке окончательно не определено. Однако бесспорными константами «политической картины мира» являются власть, институты власти, политические деятели, образ страны, основанный на представлениях о «своих» и «чужих».

Автор впервые выделяет и всесторонне исследует дуальную концептуальную модель «власть / толерантность»; предлагает комплексную методику исследования политического концепта, при которой изучение ключевого слова проводится в единстве проявления синтагматических, парадигматических и эпидигматических связей; углубляет понятие концептуального поля.

Л.Е. Бессонова устанавливает соотношение между понятиями «терпение», «терпимость» и «толерантность», подчёркивает их нетождественность как в этимологическом, так и в функциональном планах, выявляет концептуальные слои в структуре поля, отмечает зоны пересечения концептуальных признаков. Раскрываются принципы построения концептуального поля, состоящего из микрополей «компромисс» и «консенсус». Особого внимания заслуживает предпринятая в исследованиях Л.Е. Бессоновой попытка на основе выделенных концептуальных признаков смоделировать коммуникативные ситуации, обеспечивающие когнитивные механизмы функционирования понятий «консенсус», «компромисс» и «толерантность».

В работах этого периода предпринята также попытка исследовать «политическую лексику» начала XX в. в аспекте диахронии, а также представить диахронный и синхронный срез «политической лексики» под углом зрения электронного лексикографирования. Такой подход, на наш взгляд, способствовал дальнейшему развитию компьютерной лексикографии, открывал перспективы дальнейшей концептуализации политической картины мира.

Глубоко освещена проблема влияния социальных факторов на язык. Учитывая классические работы В.М. Жирмунского, С.И. Карцевского, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева и других известных лингвистов, Л.Е. Бессонова подчёркивала необходимость выделения идеологизированного компонента как значительного элемента в семантике политического слова. С опорой на лексикографические источники и газетные тексты она определила статус идеологизированного компонента и его коммуникативно-прагматический потенциал в лексемах «агитация», «бойкот» и др. Отметим плодотворность предложенного анализа, который может быть применён к исследованию истории появления и формирования и других политических слов.

Заслуживают отдельного внимания статьи, в которых разрабатывается электронный словарь политических слов. Остановимся на нём подробнее.

1. Словарь представляет собой многоуровневое лексикографическое произведение, в котором нашли отражение языковые факты политической жизни России конца XX – начала XXI в.

2. Словарь построен по гипертекстовой структуре и включает информацию в виде лексических баз данных реляционного типа, когда смысловое содержание единицы распределяется по полям.

3. Словарь организует гипертекстовое пространство, которое является отражением когнитивного пространства индивидуума.

4. Словарь оформлен по алфавитному принципу и принадлежит к толково-справочным изданиям с элементами энциклопедического типа.

5. Словарь учитывает и коммуникативно-прагматический потенциал слов с идеологизированным компонентом, благодаря которому они вводятся в политический контекст.

Слово в электронном варианте реализуется в семантическом макрополе, которое, как считала Л.Е. Бессонова, состоит из пяти полей, выстроенных в определённую систему. Например, «поле толковых словарей как микроструктура электронного словаря» включает дефиниции толковых и толково-справочных словарей, основной материал которых составляет политическая лексика. Таким образом определяется репрезентативность лексической единицы и её роль в формировании политического языкового пространства; «поле энциклопедических сведений» отражает основные этапы становления данной дефиниции, эволюцию её доминантных признаков, а также даёт дополнительные сведения об истории слова.

Интерес для исследователя представляли «категории адресации» как универсалии политического дискурса. Л.Е. Бессонова проанализировала инаугурационные и программные речи современных политиков, которые относят к монологическому институциональному дискурсу. В то же время монолог предполагает не только говорящего, но и адресата, что особенно очевидно в рамках политического дискурса. Жанры инаугурационной и программной речей противопоставлены в пространстве русскоязычного политического дискурса на основании обратно пропорционального соотношения информативной и фатической интенций.

Л.Е. Бессонова разработала методiku комплексного семантико-прагматического анализа политических текстов, доказала зависимость между характером адресации, структурой и содержанием дискурса, исследовала влияние экстралингвистических факторов на функционирование идеологем, онимов, аббревиатур, местоименных форм и т. д. и пришла к выводу, что в основе параметризации устного политического дискурса лежит традиционная в лингвистике трёхмерная оппозиция *свои / другие / чужие*, которой и принадлежит базовая роль в моделировании смыслового, понятийного, прагматического пространства политического дискурса.

Вторая часть книги состоит из воспоминаний коллег, друзей и учеников Людмилы Ефимовны Бессоновой: «Светлый образ – сначала обаятельной девушки-студентки, молодой матери, а затем авторитетного исследователя, талантливого лектора, педагога по призванию; мудрого и ответственного руководителя, надёжного друга, готового в любую минуту прийти на помощь, – восстанавливается в многочисленных сценах воспоминаний из далёких и не очень далёких времён».

Настоящая книга будет интересна широкому кругу филологов, научные интересы которых составляют лексическая и грамматическая семантика, электронная лексикография, концептология, политический дискурс.

**REVIEW ON THE BOOK “LIFE – THE WORD – THE UNIVERSE:
DEDICATED TO THE MEMORY
OF LUDMILA EFIMOVNA BESSONOVA”**

L.A. Petrova

Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russia)

Abstract: The article presents a review of the book “Life – The Word – The Universe: dedicated to the memory of Lyudmila Efimovna Bessonova” (Comp. by L.A. Orekhova, A.V. Petrov, N.A. Segal, Simferopol, 2016, 272 p.). The book consists of two parts – “Scientific activities” and “Memoirs of colleagues and students” – and includes the most significant works of L.E. Bessonova from 1979 to 2015, located in a thematic order: lexical and grammatical semantics, political communication, articles written in collaboration with students and memories of Bessonova’s colleagues. The author notes that the reviewed book will be interesting for a wide range of philologists, whose scientific interests are lexical and grammatical semantics, electronic lexicography, conceptology and political discourse.

Key words: L.E. Bessonova, pragmalinguistics, lexical and grammatical semantics, political linguistics.

For citation:

Petrova, L.A. (2016), Review on the book “Life – The Word – The Universe: dedicated to the memory of Ludmila Efimovna Bessonova”. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 129-133. (in Russian).

About the author:

Petrova Louisa Aleksandrovna, Prof., Head of the Chair of Russian Philology

Corresponding author:

Postal address: 8 Uchebnyi per., Simferopol, 295015, Russia

E-mail: liza_nada@mail.ru

Received: July 15, 2016

ХРОНИКА IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Н.В. Орлова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Представлена хроника Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (Новосибирск, 3–7 февраля 2016 г.). В рамках конференции обсуждались актуальные вопросы языковой нормы и её кодификации, состояние русского языка и особенности его преподавания в различных социокультурных условиях. Кроме того, координаторы проекта «Тотальный диктант» обменялись опытом в сфере управления проектами. Помимо традиционных пленарных и секционных заседаний, конференция включала тренинги, мастер-классы, дискуссии, мозговые штурмы, кейс-сессии, круглые столы и т. д.

Ключевые слова: языковая норма, кодификация, компьютерная лингвистика, Тотальный диктант, управление проектами.

Для цитирования:

Орлова Н.В. Хроника IV Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 134–138.

Сведения об авторе:

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира 55а

E-mail: nvorl@rambler.ru

Дата поступления статьи: 28.03.2016

В начале февраля 2016 г. в новосибирском Академгородке состоялась **IV Международная научно-практическая конференция Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке»**. Организаторами конференции стали Фонд поддержки языковой культу-

ры граждан «Тотальный диктант», Новосибирский государственный университет и Институт филологии СО РАН. Конференцию, как и проект в целом, поддержал фонд «Русский мир».

Работа форума осуществлялась по двум направлениям – условно говоря, «филологическому» и «организаторскому». В ней приняли участие представители Орфографической комиссии РАН и филологи-эксперты проекта «Тотальный диктант», которые обсуждали актуальные вопросы языковой нормы и её кодификации, состояние русского языка и особенности его преподавания в различных социокультурных условиях. С другой стороны, участниками конференции стали координаторы проекта – сотрудники научных и общественных организаций, получившие возможность обменяться опытом в сфере управления проектами (PR, менеджмент, связь с властными структурами, СМИ и т. д.). География участников – около ста российских городов, а также Франция, Китай, Португалия, Казахстан, Эстония, Турция и другие страны ближнего и дальнего зарубежья.

Исследователям современной коммуникации конференция предоставила богатый материал на тему «формат обсуждения профессиональных проблем». Наряду с традиционными формами проведения научных мероприятий, а именно пленарным и секционными заседаниями, конференция включала тренинги, мастер-классы, дискуссии, мозговые штурмы, кейс-сессии, круглые столы, научно-популярную лекцию, битву по чтению вслух «стенка на стенку», тематический Science Slam, игры, конкурсы и т. д. Расписание позволяло филологам и организаторам интересоваться тем, что происходит у коллег. Более того, каждому была предоставлена возможность выбора собственной траектории участия в форуме.

Научное (филологическое) направление было представлено пленарным докладом председателя Экспертного совета Тотального диктанта Н.Б. Кошкаревой «О границах вариативности в пунктуации», а также докладами и сообщениями в секциях «Проблемы кодификации норм правописания», «Компьютерная лингвистика (новые технологии в преподавании, изучении и продвижении русского языка)», «Русский язык как иностранный».

Обсуждение **языковых норм и их кодификации** на секционном заседании было начато докладом председателя Орфографической комиссии РАН А.Д. Шмелева (Москва). Важнейшим теоретическим положением, обоснованным в его докладе, стал тезис о том, что орфографическая норма и её кодификация принципиально не отличаются от нормы и кодификации в других сферах языка. Член Орфографической комиссии Е.В. Бешенкова показала взаимодействие критериев нормативности, ответила на вопросы коллег об основаниях кодификаторских решений на проблемных участках орфографии, в частности о правописании сложных прилагательных. Объектом обсуждения стало также обособление инфинитивных определений (Е.В. Арутюнова, Москва), слитное / раздельное написание союзов

(В.М. Пахомов, Москва), употребление прописных букв (Е.О. Филинкова, Чита). В докладе О.С. Иссерс (Омск) культура речи была осмыслена в сопоставлении с феноменом массовой культуры. Е.И. Ким (Новосибирск) предложил обсуждение вопроса «Фонология на службе орфографии или орфография на службе фонологии?».

Участники конференции обратили внимание коллег на то, что Тотальный диктант, так же как корпусные материалы, предоставляет уникальный материал для мониторинга письменного узуса. Соотношение кодифицированных норм и наблюдаемой практики, в свою очередь, может стать основанием для выделения так называемых «лжеправил» (Е.В. Калинина, Санкт-Петербург) и усовершенствования существующей кодификации. «Народная» орфография и пунктуация, письмо в зеркале «наивного сознания» – объект исследований, представленных в докладах Е.Н. Гуц и Н.В. Орловой (Омск), М.В. Шпильман, О.А. Ружи, Е.Г. Басалаевой (Новосибирск).

Компьютерная лингвистика осмыслена с точки зрения технологий преподавания и изучения письменной формы языка. В.И. Беликов (Москва) в докладе на тему «Что и как получает лингвист из оцифрованных текстов?», оценивая валидность корпусных данных, обратил внимание на возможные искажения реальной картины при их использовании. В позитивном ключе потенциал компьютерной лингвистики продемонстрировал А.Ч. Пиперски (Москва), который реконструировал картину имен и прозвищ участников Тотального диктанта, тем самым введя в научный оборот ценную лингвокультурологическую информацию. Д. Калашников сделал интересный доклад о влиянии спелл-чекеров на грамотность пользователей, а М.Ю. Лебедева (Москва) предложила аудитории свою версию качественного онлайн-теста.

В формате мастер-класса Ю.А. Сафонова (Москва) представила просветительскую функцию интернет-ресурсов по русской словесности.

Особенности **преподавания русского языка как иностранного** обсуждались на методической секции, где был представлен пилотный проект теста Тотального диктанта для иностранцев (Т.И. Белица, Новосибирск), сопоставлены возможности «урока учебника» и аудиторного занятия (Г.М. Мандрикова, Новосибирск), предложены способы обучения письменной речи с привлечением цифровых технологий (М.Ю. Лебедева, Москва).

Закономерно, что одна из научно-практических секций была посвящена **организации и проведению проверки Тотального диктанта**, а именно методическим аспектам подготовки к диктанту, повышению эффективности занятий в формате «Русский язык по пятницам», возможным формам консультирования желающих повысить уровень грамотности. На этой секции под председательством Н.Б. Кошкаревой обсуждались сугубо практические вопросы: в каком объеме работа по подготовке к диктанту должна быть унифицированной; что делать, если при проверке об-

наружится не учтенный экспертами вариант, и даже кому звонить в этом случае и т. д. Обсуждение сняло большинство спорных вопросов и укрепило у экспертов из разных городов и стран чувство своей принадлежности к команде.

Среди других научных мероприятий конференции выделим **круглый стол на тему «Русский язык в СМИ: между правдой и вымыслом»** с ведущим – главным редактором портала «Грамота.ру» В. Пахомовым. А.Д. Шмелев, С.В. Друговейко-Должанская, И.Б. Левонтина, М.М. Ровинская и другие лингвисты обсуждали вопрос: как противостоять экспансии мифов о русском языке, которые транслируются и тиражируются средствами массовой коммуникации и издательствами? Каждый из участников с юмором и всерьез говорил о собственном способе «борьбы за правду». Отметим, что в обсуждении отсутствовал объективно-отстраненный взгляд на функционирование псевдонаучных лингвистических знаний.

Еще одним ярким событием конференции, объединившей филологов и нефилологов, стала естественная в такой аудитории **научно-популярная лекция** ведущего научного сотрудника ИРЯ им. В.В. Виноградова **И.Б. Левонтиной** «Почему мы ссоримся из-за слов?». В привлекательной интерактивной форме обсуждалась серьезная проблема коллективных (поколенческих, профессиональных и т. д.) коннотаций и индивидуальных ассоциаций слов, из-за которых эти слова становятся причиной нешуточных споров о «правильном» и «неправильном» языке.

Столь же интересным и насыщенным был блок мероприятий для организаторов и координаторов проекта.

Подводя итоги конференции, её организаторы констатировали высокую результативность обсуждения научных проблем, опыта организации акции и её перспектив.

CHRONICLE OF THE 4th INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE OF TOTAL DICTATION “DYNAMIC PROCESSES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE”

N.V. Orlova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article presents a chronicle of the international scientific and practical conference of Total dictation “Dynamic processes in the modern Russian language” (Novosibirsk, February 3-7, 2016). The conference discussed the current issues of language norms and its codification, the state of the Russian language and especially its teaching in various socio-cultural conditions. Moreover, the coordinators of the project “Total dictation” shared their experiences in the field of project management. In addition to the traditional plenary and breakout sessions, the conference consisted of workshops, master classes, discussions, brainstorming, case sessions, round tables, etc.

Key words: language norm, codification, computational linguistics, Total dictation, project management.

For citation:

Orlova, N.V. (2016), Chronicle of the 4th international scientific and practical conference of Total dictation “Dynamic processes in the contemporary Russian language”. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 134-138. (in Russian).

About the author:

Orlova Natalya Vasilievna, Prof., Professor of the Chair of Russian, Slavic and Classical Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a Mira pr, Omsk, 644077, Russia

E-mail: nvorl@rambler.ru

Received: March 28, 2016

**ХРОНИКА VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЕВРОПЫ И МИРА» (5–9 мая 2016 г.)**

М.А. Харламова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Представлен отчёт о VII международной научной конференции, прошедшей в мае этого года в Варшавском университете и продолжающей обсуждение в разных аспектах актуальной проблемы – роли русского языка в поликультурном мировом пространстве.

Ключевые слова: конференция, диалог культур.

Для цитирования:

Харламова М.А. Хроника VII международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира» (5–9 мая 2016 г.) // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 139–142.

Сведения об авторе:

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: khr-spb@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.08.2016

В Варшаве в рамках празднования двухсотлетия основания Варшавского университета проходила уже VII международная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет».

Конференция была организована Польской ассоциацией преподавателей русского языка при содействии Российского центра науки и культуры в Варшаве и проходила под эгидой Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Подобные встречи стали уже традицией, и ученые-русисты из многих стран мира с нетерпением ждут их продолжения.

Подводя итоги конференции в Золотом зале Казимировского дворца, её организатор и бессменный руководитель проф. Л. Шепелечич отметила, что в этом году, несмотря ни на какие «политические ветры», в конференции приняли участие представители более чем 30 стран (Польша, Россия, Чехия, Словакия, Австрия, Германия, Испания, Великобритания, Румыния, Мексика, Турция, Беларусь, Грузия, Украина, Казахстан, США, Бельгия и др.).

На торжественном открытии конференции с приветственным словом выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Польша С.В. Андреев. Участников конференции приветствовали декан факультета прикладной лингвистики Варшавского университета проф. Кшиштоф Хейвовски, директор Института русистики Варшавского университета проф. Магдалина Домбровска, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина проф. М.Н. Русецкая и др.

С докладом «Новые возможности изучения русского языка в цифровых средах» на пленарном заседании выступили проф. М.Н. Русецкая, а с докладом «Взаимосвязь развития языковой и межкультурной компетенции на продвинутом этапе обучения» – Дэн Дэвидсон (Вашингтон, США), которые, как и другие докладчики, в своих выступлениях обозначили все направления работы конференции в 11 секциях.

Научная программа конференции была обширной: в секциях рассматривались проблемы межкультурной коммуникации, диалога культур, русского языка и литературы в XXI в., формирования языковой личности, современной русской лексикографии и технологии создания словарей и др. Так, в секции «Современная русская лексикография и технологии словарей» были представлены проекты словарей разных типов – от масштабных исторических (Словарь русского языка XIX в.) и этимологических до региональных (Язык региона, г. Владимир; Словарь констант Среднего Прииртышья, г. Омск), от аспектных (Словарь радикалоидов русского языка, г. Москва) до многоязычных (Лексикон семантических эквивалентов в русском, болгарском и польском языках, г. Варшава). Кроме того, активно обсуждались и новые формы современных словарей – электронный формат, что не только облегчает труд лексикографа, но и расширяет пользовательскую аудиторию.

Традиционно в рамках подобных конференций обсуждались вопросы, касающиеся преподавания русского языка в иностранной аудитории (секция 4). Это одна из самых больших секций, рассматривающая проблемы методических инноваций в преподавании РКИ. На этой секции были сделаны сообщения, как касающиеся формирования языковых компетенций у иностранных студентов на разных уровнях, так и посвящённые использованию современных технологий в процессе преподавания (мобильные устройства и т. п.). Доклады в секции 8 были связаны с дистанцион-

ным обучением и Интернетом как средством и средой обучения на русском языке. Сообщения в секциях 7 («Проблемы перевода в разножанровых текстах») и 10 («Русский язык в бизнесе и образовательном пространстве») так или иначе пересекаются с проблематикой уже названных секций, поскольку касаются функционирования русского языка в иноязычной среде и его роли в диалоге культур.

Стало уже доброй традицией варшавской конференции представлять издательства и университеты разных стран. И в этом году успешно прошло заседание круглого стола «Презентация университетов, научных трудов ученых, университетских издательств, традиционной национальной культуры и кухни стран-участников конференции», где участники конференции с большим интересом знакомились с национальными стендами достижений, издательствами и вузами, подготовленными представителями всех стран-участниц.

Для достижения успеха в диалоге культур и повышения роли русского языка в мире представляется особо значимым приём в Посольстве России в Варшаве. Открытость и доброжелательная атмосфера, радушный приём, безусловно, запомнятся всем участникам научного форума.

Четкая организация конференции, продуманная работа по научным направлениям, интересная культурная программа – всё это заслуга польских коллег! Благодаря организации научного форума на высоком уровне и внимательному отношению с принимающей стороны всех участников не покидало ощущение непреходящей ценности профессионального общения, что, конечно, способствовало в целом успешности международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Все докладчики получили сертификаты участников конференции, а электронный сборник материалов конференции будет опубликован позже.

CHRONICLE OF THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "RUSSIAN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL SPACE OF EUROPE AND THE WORLD" (May 5-9, 2016)

M.A. Kharlamova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The review reports on the VII International Scientific Conference, held in May this year at the University of Warsaw. The Conference continued the discussion on various aspects of a topical problem – the role of Russian language in the multicultural world.

Key words: conference, dialogue of cultures.

For citation:

Kharlamova, M.A. (2016), Chronicle of the VII International Scientific Conference "Russian language in the linguistic and cultural space of Europe and the world" (May 5-9, 2016). *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 139-142. (in Russian).

About the author:

Kharlamova Marina Aleksandrovna, Dr.

Corresponding author:

Postal address: 55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: khr-spb@mail.ru

Received: August 19, 2016

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке.

5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.

6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. №1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru/analitics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна

быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika [The General Linguistics]*, Moscow, Progress publ., 448 p.

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. Voprosy yazykoznaniiya [Linguistics Questions]*, No. 5, pp. 223-235.

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye акты [Indirect speech acts]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]*, Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222.

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov [Theory and practice of German and Romance Languages]*, Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98.

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. Novoe*

literaturnoe obozrenie [*New Literary Observer*], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015).

Dostoevsky Omsk State University, available at: <http://www.omsk.ru> (accessed date: June 24, 2015).

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна
Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)